

ПИОНЕР

Апрель

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“ 1938 г.

4

П И О Н Е Р

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 4

Апрель 1938

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Человек рассматривал письмо с завистью.

Судьба товарища

Е. Немирова

Рис. Б. Винокурова

В 1921 году

Ночью вьюга ворвалась в город. Она шаляла в пустых подворотнях, стучалась в испуганные окна.

Если бы случайно вспыхнул один из давно не зажигавшихся фонарей, можно было бы увидеть красноармейца в коротком ватнике, можно было бы увидеть обмотки на его ногах, непарные башмаки.

Но город был темен и слеп, и никто не видел, как долго и безнадежно плутал в чужих узеньких переулках этот высокий тощий человек.

Далеко за городом вскрикивал паровоз. Красноармеец останавливался, прислушивался; иногда ему казалось, что он слышит дыхание паровоза, тогда он ускорял шаг, он почти бежал, но в темноте сбивался с пути.

Накануне он ушел в город поискать хлеба, отбился от своей части, и вот сейчас он плутает по чужому темному городу, спотыкаясь на ровном пути. Ледяная корка, забившаяся под рваную подметку, жжет босую ногу, рука безнадежно шарит в пустом кармане. На самом дне кармана пальцы нащупали какие-то крошки. Это махорка. Их можно собрать по одной, выковырять даже те, что застряли в уголках кармана, собрать целую горсть, скрутить бумажку и закурить. Огонек мелькнет близко перед глазами, запахнет сытным дымом, и станет сразу хорошо, как в родной хате.

Красноармеец долго и бережно собирал крохи в ладонь, он выковыривал их из-под ногтей, он тяжело и досадливо вздыхал, когда какая-нибудь из них падала в снег. Собрав все до одной, он пошел живее. Еще был клочок бумаги, огонек — и можно закурить!

На старом заборе висел обрывок плаката; от снега он был мокрый и даже за пазухой не подсох — пришлось бросить. Другая бумажка была суха, но она крепко прилипла к какой-то наглухо заколоченной двери.

Светало. В слабом утреннем свете кра-

сноармеец мимоходом прочел уже знакомую сводку о подавлении мятежа в Кронштадте. Он попробовал крепче зацепить листок ногтем, но и он не поддавался.

Синим утром окоченевший человек дошел, наконец, до железнодорожных путей. В руке у него лежала горсточка махорки, и тут, уже совсем потеряв надежду закурить, он нашел бумагу. Она лежала в сухом месте под настилом у пакагауза.

— Эх, ты, миленький...— и, прыгнув через скользкую сломанную бочку, красноармеец полез за клочком бумаги.

Это был конверт. Он был заклеен в трех местах, как печатями, хлебным мякишем.

— Письма сеют, черти! Вот дожидается, может быть, там какой-то Василий Бережнов письма в Москве, на Красной Пресне, дом № 11, а письмо — вот оно где: в Казани на запасном пути валяется.

Красноармеец высypал горсть махорки обратно в карман и распечатал конверт. Человек рассматривал письмо с завистью. За два года он не имел ни одного письма из дому. Может, погибли все давным-давно. А может быть, вот так же, на путях, валяются и его письма, и крутят из них цыгарки чужие пальцы.

Красноармеец вспомнил свой дом; ему захотелось погреться, услышать, о чем говорят люди в теплой комнате за столом. Он осторожно вскрыл конверт и заглянул в него, как заглядывает одинокий человек в чужое, согретое светом окошко. Потом вынул из конверта тощий листок и долго вчитывался в нескладные слова. И чем дальше он читал, тем яснее видел все, что произошло где-то на глухой станции под Казанью.

На пути, оторванный от теплушек, гудел паровоз. Пока он набирался сил, теплушки ждали покорно и долго. Покорно ждали люди, сбившись в один зябкий ком. Люди ехали в этих теплушках неделями, месяцами, не надеясь когда-нибудь добраться до места, теряя по дороге родных и близких.

Вьюга стихла. Из теплушек доносился плач детей, брань, бабий визг. По полотну

дороги бежали люди, с трудом таща поленья к обессиленному паровозу.

От внезапно наступившего затишья красноармейцу стало будто еще холоднее.

Скорее бы закурить!

Он уже почувствовал на губах терпкий и теплый вкус махорки.

Но, проведя ногтем по бумаге, он нечаянно прочел слово «сын» и громко выру-

гался. Затем быстро, точно боясь, что раздумает, он вложил письмо в конверт, посплюнул пересохший мякиш, заклеил конверт и повернул обратно на станцию, к почтовому ящику. Закурить не пришлось.

Так пошло письмо в Москву по адресу: Красная Пресня, дом № 11, товарищу Василию Бережнову.

Это было в марте 1921 года.

Первый «неуд»

Объехав по карте весь СССР, «География» (она же Агния Сидоровна) остановилась взглядом на первой парте:

— Бережнов, с какими государствами граничит на западе Союз советских социалистических республик?

Бережнов сидит, опустив свою упрямую черную голову. Кажется, что он считает пуговицы на своей куртке.

— Бережнов Яша... — повторяет Агния Сидоровна.

Мальчик поднимает глаза на учительницу, морщится и нехотя идет к доске. Он не замечает, как удивленно следят за ним ребята, не слышит, как сосед его, Сеня Зимин, шепчет:

— Откажись, Яша, пока не поздно...

Бережнов, ни на кого не глядя, берет в руку указку, отстегивает пуговку у ворота своей синей куртки, точно эта пуговка мешает ему ответить, и бегло очерчивает красную границу на карте.

— СССР — одна шестая часть земного шара.

— Границы... — повторяет Агния Сидоровна.

Но Яша не видит границ. Пятна всех цветов сливаются. Желтый сапожок Италии плывет на синюю Германию, а пестрый тигр Швеции и Норвегии готовится прыгнуть в Атлантический океан.

Сеня Зимин выдвигается вперед, точно ему хочется прикрыть от неожиданной неприятности своего друга, но неприятность надвигается быстро, и предостеречь ее Сеня не в силах.

— Бережнов, что это значит? — спрашивает Агния Сидоровна и берет из рук мальчика указку. — И почему ты пришел сегодня к концу урока?

Яша не отвечает.

Агния Сидоровна спокойно садится за свой столик в ожидании ответа, но по коридорам уже прокатывается звонок: урок кончился.

Из-за парт вырвались и кинулись к двери ребята. Через стул учительницы ловко перепрыгнул Витя Голиков. Напролом шагает Тамара Щукина. Навстречу шестой «А» уже несетя шестая «Б». Вниз, в столовую! Только Яша Бережнов сидит за своей партией. Сеня Зимин, опираясь на свой костыль, стоит перед ним.

— Яшка, тебе «неуд» по географии поставили!

Яша встает, пожимает плечом и, ничего не отвечая товарищу, выходит из класса.

Случай на уроке географии удивил всю группу. О том, что Яша Бережнов, староста шестой «А», первый «очхорник», стоял у парты, будто бы молчал как рыба и получил «неуд», узнали уже даже в шестой «Б». Прошлогодний староста группы Тамара Щукина, по прозвищу «Звон на ножках», уже успела принести новость в пионерскую комнату, к вожатому Коле.

Коля встревожился, точно ему сообщили, что с Бережновым случилось несчастье:

— Яшка, тебе «неуд» по географии поставили!

— «Неуд» у Яшки! Может быть, тебе показалось, Шукина?

— Да, еще какой «неуд»! Ты бы видел, как Яшка отвечал. Трепался, и больше ничего. Не выучил — откажись. «Воображало»!

Тамара, забыв повторить следующий урок, на всю первую перемену завела в коридоре спор о дисциплине. Горячее всех обсуждали «неуд» Бережнова обитатели первых парт: Тамара Шукина, Таня Сигида, Толя Айзман, Витя Голиков. Все они были связаны годами школьного соседства, дружбы и кратковременных ссор.

По всему верхнему коридору звенели возбужденные голоса. Мимо ребят, постукивая костылем, уже дважды прошел Сеня Зимин.

— Язык у тебя, Тамара, неорганизованный. Только тронь — на всю школу звон пойдешь. До конца года звонить будешь!..

— О чем хочу, о том звоню, — огрызнулась Тамара, и темные глаза ее стали еще темнее. — А ты мне не указывай, «Заступало»!

На лестнице Сеня подслушал разговор о Яше. Толя Айзман рассказывал, что Яша не выучил урока потому, что вчера ходил в кино с одной девочкой из шестой «Б». По этому поводу даже стих сочинить успели и собирались его пропеть хором, как толстая «Воображало» пройдет мимо.

«Что случилось?» — думал Сеня.

В коридоре, на самом крайнем подоконнике, в нише окна, которое упирается в слепую стену соседнего дома, сидит Яша. Это укромный уголок в верхнем коридоре школы. Со света не сразу можно даже разглядеть, что здесь сидят. Стараясь не очень громко стучать костылем, Сеня подходит и становится сбоку:

— Яша...

Но Яша, презрительно хмыкнув в ответ, отворачивается.

— Что случилось, Яша? — и осторожно, одними пальцами, Сеня трогает плечо товарища.

Яша вздрагивает, точно ему за шиворот попали холодные капли дождя:

— А вы идите еще с девочками сплетничайте насчет моего «неуда». Ничего я тебе рассказывать не стану. И не гонитесь за мной, пожалуйста, не приставайте!

Яша спрыгнул с подоконника и быстро зашагал по коридору, оставив у полутемного окна удивленного Сеню.

«Чем же я его обидел?» — недоумевал Сеня.

Звонок к началу второго урока гулко отозвался в конце верхнего коридора. Мимо пробежала школьная нянечка Настя, звеня по закоулкам и подгоняя запоздалых. Сеня подтянул костыль и медленно вошел в класс. Он подошел к своей парте и, не взглянув на Яшу, сгреб свои учебники. Дойдя до середины третьего ряда, он вернулся: забыл в парте ластик. И второй раз не поленился: забыл «непроливашку». Точно к старому, насиженному месту он медленно прошел к крайней парте, в третьем ряду у окна, и сел рядом с рыжей Галей Стрепетовой.

По классу полетели записки.

«Косолапый Мишка»

Москва готовилась к шестнадцатой годовщине Октября. Уже над улицей висело теплое зарево иллюминаций. На тротуаре в ожидании лежали огромные цифры «XVI» и фанерные звезды, унизанные цветными электрическими лампочками. Сейчас на толстых канатах их будут поднимать на дома, под самую крышу.

Яша Бережнов брел из школы домой один. Не глядя на людей, он гнал впереди себя ногой камешки и сухие облетевшие листья.

«На западе СССР граничит с Польшей, Румынией, Литвой, граничит, граничит...»

Он никак не может вспомнить, с чем граничит СССР на западе. Он не выучил урока. Но даже и самому себе он не желает признаться в этом.

«Географическую карту я знаю, как свою комнату, — упрямо думает он. — И пусть Тамара не очень радуется...»

Старая школьная географическая карта с подклеенными краями свешивается со шкафа. Здесь все знакомо. Вот в центре Москва. Большая точка. От нее расходятся лучи. Когда он был мал и отец показывал ему на карте Москву, он думал, что все города привязаны к Москве веревочками: Ленинград, Нижний Новгород, Тверь, Курск...

Яша и не заметил, как дошел до угла и остановился у синего раскидного лотка конфетчицы. Они с Сеней покупают у нее конфеты, когда она приходит на угол школы. Покупают друг другу по очереди. Две конфеты: Яше — «Косолапый Мишку», Сене — ромовую бутылочку.

Сегодня ромовая бутылочка лежит через два гнезда от «Косолапого Мишки». Зави-

дев. мальчика, конфетчица приоткрывает лоток и улыбается мальчику как старому знакомому, но Яша отвечает мрачно:

— Сегодня мне только одного «Мишку».

Письмо

Яша быстро шел по мостовой; он не слышал, как настойчиво звенел трамвай, расталкивая предпраздничную толпу. У аптеки, перед фонарем, он остановился. Из глубокого кармана своей куртки достал письмо. Старый самодельный потрепанный конверт был помечен штампом «Казань». Мальчик долго разглядывал его при холодном голубоватом свете. Буквы на конверте расплзлись, точно над ним плакали или письмо это долго путешествовало в непогоду из другого конца Союза в Москву, на Красную Пресню, дом № 11. Там, где полагалось быть марке, были три затвердевшие лепешки. Письмо он носил в кармане с утра.

«Чем это все кончится?»—подумал Яша.

С минуту он постоял, не двигаясь, точно боясь спугнуть свои мысли, и стараясь вспомнить все до мелочи.

Утром отец торопился на работу. Он искал у себя в ящике какую-то бумажку и выронил письмо. Не потеряй Яша своей линейки, он не нагнулся бы даже, чтобы поднять его. Это письмо Яша видел не раз. Оно лежит давным-давно в пачке «неинтересных дел». О нем отец никогда ничего не рассказывал.

Вместе с линейкой Яша поднял письмо. Но он вовсе не собирался читать его. Ему было некогда. Он не успел доучить с вечера географию и оставил урок на утро. Он никогда не ходил в школу, не приготовив урока. Никогда еще не стоял у доски молча. Он любил отвечать у доски, и, когда отвечал, ему казалось, что его слушают не только группа, но и вся школа, а его малейшие ошибки замечают все.

До начала урока оставалось полчаса, а границ в Союзе было много, и знать их надо было все. Но конверт показался вдруг необычайным — самодельный, с тремя затвердевшими лепешками. Яша вытащил краешек письма и увидел свое имя — «Яшенька». Письмо было старое, почтовый штампель на конверте показывал тысячу девятьсот двадцать первый год. Письму было двенадцать лет.

Полуграмотные каракули, нацарапанные карандашом, сползали по краю пожелтев-

шей бумаги. Некоторые слова стерлись, и о них можно было лишь догадаться...

Часы у отца на столе прозвонили девять. Яша торопливо спрятал письмо поглубже в боковой карман куртки. Он не выучил урока и опаздывал в школу.

Урок географии близился к концу, когда Яша вошел в класс и сел на место. Он думал о письме, когда его вызвали отвечать, и получил «неуд».

Уже цепочка праздничных огней протянулась по домам, когда Яша пришел на свою улицу. Он забыл про «неуд» и думал только о письме. Как странно! От того, что у него в руках лежат этот конверт и мягкая бумажка, исписанная каракулями, сразу изменилось все. Он теперь знает, что человек, которого он считал своим отцом,—вовсе не его отец. Родной отец пропал без вести в гражданскую войну, и зовут его Нохим Брегман. Он узнал, что мать его вовсе не утонула в Днепре во время грозы, как он привык думать об этом с самых детских лет: она умерла на вокзале под Казанью от тифа.

Мальчику захотелось разорвать письмо и расшвырять клочки, уничтожить его... Может быть, тогда все останется попрежнему, сегодня вечером он будет опять играть с отцом в шахматы и, как всегда, называть его запросто Василием?..

Яша торопился. Скорее, скорее! Должно быть, отец уже пришел с работы... Но у ворот Яша остановился, точно ему преградили путь. Сначала ему показалось даже, что он ошибся. Но нет! Это знакомое пальто и красный берет с металлической буквой «Г». У ворот стоит Галя Стрепетова. Как она сюда попала? Зачем она могла сюда придти?! Но сразу же ему становится все понятным: наверное, она проводила своего нового соседа, Сенью, наверное, они долго стояли тут у ворот и разговаривали про «неуд»!

Яша сморщил нос, показал язык и, совсем как в третьей группе, подразнил Галю:

— Рыжая капуста!

А когда она быстро отошла, он еще крикнул ей вдогонку:

— Эй, ты, «Тетя Лидия»!

«Тетя Лидия»

Из-за «Тетии Лидии» началась вражда Яши Бережного с Галей Стрепетовой.

Яша с самой «нулевушки» сидел за первой партой с Сеней Зиминим. Однажды — это было в третьей группе — пришла в школу новенькая. Рыжая, с чолкой. Сеня в то время был болен, и девочку посадили рядом с Яшей. Она все время одергивала платье на коленях и складывала руки как в гостях. Уже на первом уроке стало известно, что Витька Голиков наступил новенькой мимоходом на ногу и она промолчала. Значит, кисель!

— У тебя лицо подгорелое, — сказал ей Яша.

Девочка прикрыла рукой щеку, ту, что была ближе к соседу, и ответила:

— У меня веснушки...

На другой день учительница вызвала новенькую к доске.

— Ну-ка, — сказала она, — поклонись имуществительное «тетя Лидия».

Рыженькая виновато посмотрела на Яшу и написала на доске:

«Тетя Лидия

Тетии Лидии

Тетие Лидие...»

Она стояла у доски не оглядываясь. Казалось, все парты придвинулись к ней вплотную и мешают ей повернуться. Учительница улыбнулась. Правда, она быстро убрала с лица улыбку, но класс уже подхватил ее как сигнал. До парты новенькую проводили дружным смехом. Яша отодвинулся и сказал громко:

— Садитесь, «Тетия Лидия»!

Она села молча, покраснев до слез.

«Почему она не защищается?» — подумал Яша и с презрением оглядел девочку. Ему захотелось сказать ей что-нибудь такое, чтобы она заревела на весь класс. Он расселся по-хозяйски на скамейке и локтем сдвинул соседку на самый край.

Он сразу не взлюбил ее рыжую чолку, веснушки, скучное байковое платье. Когда она краснела, исчезали сразу все ее веснушки и ресницы прыгали, точно готовы были улететь. Больше всего раздражали Яшу ее рыжие волосы. Когда она задумывалась на уроке, он толкал ее:

— Эй, Стрепетова, пожар!

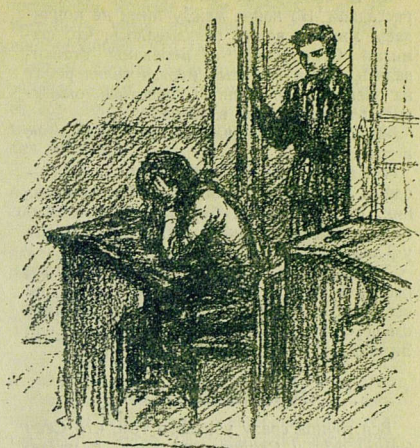
— Где?

— У тебя на голове!

Она перестала снимать шапочку.

Каждое утро, когда она являлась в школу, он презрительно оглядывал ее: к чему бы придраться сегодня? Он замечал каждую дырочку на ее платье и каждую заплатку.

У Гали не хватало ни слов, ни смелости,

Яша увидел, что она плачет.

чтобы отвечать ловкому Яше. Слова приходили потом, по дороге домой, когда они были уже ненужны. Назавтра они теряли силу. Никогда нельзя было узнать заранее, что придумает Бережнов...

Галья робела перед учителями, когда ее вызывали к доске. И среди урока, когда она задумывалась, Яша вдруг поднимал руку.

— Стрепетова хочет отвечать! Вызовите к доске Стрепетову!

Девочка пряталась, точно сползала под парту, и с трудом дожидалась звонка.

Галья всегда сидела на уроках в ожидании какой-нибудь новой неприятности. И все же однажды они чуть было не помирились. Как-то Яша застал в классе Стрепетову одну. Она пришла рано, сидела за партой, подперев щеку рукой, и о чем-то думала. Потом Яша увидел, что она плачет, зарыв лицо в ладони. Накануне она получила пятый «неуд» по арифметике. Яше стало жаль ее. Ему захотелось подойти и сказать ей: «Ну ладно, дай я тебе объясню задачу».

Он знал, что она улыбнется и даже веснушки ее просветлеют сразу. Он знал, что на этом кончится вражда. В душе он даже хотел, чтобы вражда эта кончилась. Но удерживала мысль о ребятах. Что они скажут? К девчонке подлизывается! И он сел за парту, не взглянув на Галю.

Когда выздоровел Сеня Зимин, «врагов» рассадил. Но война между ними не кончилась. Уж так всегда складывалось, что фамилии Стрепетова и Бережнов сталкивались. Когда вожатый отряда делил ребят на звенья, непременно Стрепетова оказывалась у Бережнова в звене.

«Враги» были вечным поводом для шуток в группе «А».

Так дошли до шестой группы: Яша — одним из первых, Галя — одной из последних. «Неуд» у Яши был всегда неожиданным событием, таким же, как «очхор» у Гали.

Трудно было сказать, на чьей стороне ребята в группе «А». С Галей никто не ссорился; с Яшей, у которого была прочная слава «Воображалы», никто, кроме Сени Зимины, особенно близко не дружил.

«Крики-драки»

Вся группа сразу узнала о том, что Сеня Зимин был у Стрепетовой дома. В раздевалке кто-то сказал об этом Тане Сигиде, Таня на ходу шепнула Вите Голикову, а Вита, у которого ни одно слово за душой не держится, на первом же уроке пустил по классу сатирический листок под названием «Крики-драки» с экстренной телеграммой:

«Вчера Сеня был у Стрепетовой дома. Сегодня Стрепетова явилась в новом пионерском галстуке. Оба молчат как рыбы».

Дело серьезное!

«Крики-драки» были задуманы Витей Голиковым еще в пятой группе, и выпускали их всегда, когда случалось какое-нибудь исключительное событие. Писали листок тут же на страничке, вырванной из тетради. Страничка шла по рукам, и каждый добавлял в нее что вздумается. Получались веселые стихи, шутки, экспромты, карикатуры, песенки, которые потом долго распевали. Иногда выходила самая неожиданная чепуха, вроде игры в «концы и начало»: к витинной голове дорисовывались тамарины ноги, к началу одного стихика приставляли конец другого.

Витя из номера в номер писал на разные лады стихотворение «Кто козу обидел», а Толя Айзман делал всегда один и тот же заголовок: два удивленных глаза, из которых во все стороны сыпались искры.

На этот раз «Крики-драки» начинались обычными стихами, зато вместо заголовка была нарисована необыкновенная карикатура: огромную парту, за которой сидели

толстый «очхор» и тощий «неуд», тащили лебедь, щука и рак. Лебедь — с лицом Яши, щука — Сеня и рак — Галя. Все тянули в разные стороны. За ними бежал вожатый Коля и размахивал заметкой.

С оборотной стороны листка различными почерками, карандашами всех цветов были написаны предложения по адресу Сени:

«Предложение первое:

Носить при себе варежку на случай, если Яша вздумает вызвать на дуэль.

Предложение второе:

Держать в парте ведро воды, чтобы можно было вовремя тушить пожар на лице у Стрепетовой.

Предложение третье:

Сене смазать свою часть парты дегтем, чтобы не переползали «неуды» от соседки».

Листок обошел класс и вернулся к Вите, испещренный галочками и кричащими восклицательными знаками.

На первом уроке ждали письменной по алгебре, но никто и не думал об «иксах» с «игреками». Каждому хотелось предложить что-нибудь поострее.

Витя успел уже сочинить экспромтом стишки и пустить их по классу:

«Стих мой посвящается

Тому, кто обижается...

Кто тебя обидел,

Я того не видел,

Как его увижу,

Так его обижу...»

Стихи в один миг облетели группу. «Крики-драки» в этом году были первые, и к тому же событие было тоже необычайное: Яша с Сеней поссорились, а Сеня с Галей подружились!

Когда Яша вошел в класс, ему торжественно поднесли листок. Яша покраснел, не читая, разорвал листок в клочки и бросил в угол. Чуть не завязалась драка, но кто-то крикнул:

— Егорыч идет!

В класс вошел учитель алгебры Николай Егорович. Яша уступил дорогу учителю и прошел к своей парте.

Уже шел урок, когда дверь открылась и появился Сеня, а за ним смущенно, как-то бочком, вошла Галя.

На партах задвигались и зашептались.

— Выходит, алгеброй никто не интересуется? — сердито спросил Николай Егорыч. — Может быть, отменим предмет?

Под сухим взглядом Николая Егорыча все притихли и для виду взялись за работу.

Но все были заняты листком, и никому в голову не шла алгебра. Контрольную решил только несколько человек. Яша Бережнов сдал тетрадь первым. Знай наших!

«Крики-драки» обошлись группе дорого: шестая «А» получила «неуд» по поведению.

Песня

День в школе был неприятный, долгий, утомительный. С первой группы Яша ни разу не ссорился с Сеней дольше чем на час. А эта нечаянная размолвка как-то сразу вошла в силу. Сеня явно избегал встречи. Когда они столкнулись на лестнице, он с костылем перепрыгнул через ступеньку.

А Стрепетова сегодня дежурила в столовой и подала Яше завтрак, когда другие уже кончали есть. Но тяжелее всего то, что письмо лежит в кармане третий день, а заговорить о нем с отцом Яша не решает.

Еще тогда, в первый же день возвращаясь домой из школы, на лестнице придумал он, как начать разговор.

Отец сидит за столом, перед ним чертеж. На чертеж падает кружок яркого света из-под рефлектора лампы. Яша подходит молча и, как самое обыкновенное письмо, кладет конверт с лепешками в светящийся кружок.

Бережнов, сосредоточенный на своих вычислениях, сначала отодвигает письмо: потом, некогда читать! Но вдруг он замечает знакомый конверт и быстро покрывает его всей своей широкой ладонью. Он оборачивается. Слышно, как от резкого движения скрипит стул. «Откуда это у тебя, Яша?» «Я сам хочу знать, откуда это...» — отвечает Яша.

Но всего этого не вышло. Бережнов пришел поздно, и глаза его были полны посторонних деловых мыслей, и весь он, точно отгороженный от Яши заботами, был неприступен. Так и на другой день не вышло. Василий пил чай втихомолку; таким он бывал редко. Утром все прояснилось, но уже Яша заговорить не решился. И вот третий день...

Так стоишь иногда на берегу реки, когда только начинаешь учиться плавать: уже подошел к самому краю берега, уже загнул пальцы ног за край обрыва; еще одна секунда — и ты оторвешься, бросишься в воду и поплывешь, но вот дыхание перехватило от страха, ноги обмякли. Хоть бы кто-нибудь толкнул в спину, тогда уже

поплывешь, хочешь — не хочешь. Или, может быть, уйти потихоньку, пока никто еще не увидит, что ты трусишь?

Чтобы скрыть свои мысли от отца, Яша занялся делом. Дело никчемное. Он собирает все свои карандаши и оттачивает их до такой остроты, что наощупь они колются как иголки.

— Ты для чего это стрелы точишь? — подшучивает Бережнов. — На случай если соедит обидит?

— Я и кулаком обойдусь, — почти огрызается Яша. — Пускай сунется. Кто бы ни был!

Бережнов отходит, улыбаясь в усы: «Значит, обидели, если хорохорится».

Был канун демонстрации. Бережнов с вечера готовился к параду. Каждый год в октябрьскую годовщину он проходил с партизанской колонной Красную площадь. Он любил этот день и накануне всегда чистил свою партизанскую амуницию с необычайной тщательностью. При этом он пел песни, путал старые с новыми, вспоминал товарищей.

Яша любил рассказы Василия, хотя знал их наизусть. Каждый раз он ждал их нетерпеливо, но сегодня слушать не хотелось. Яша следил за тем, как отец начищал сапоги. Но сейчас он смотрел на это не с таким увлечением, как обычно. Его не занимало и то, что сапоги блестят уже так, точно колючие искры сыпятся от носков и голенищ.

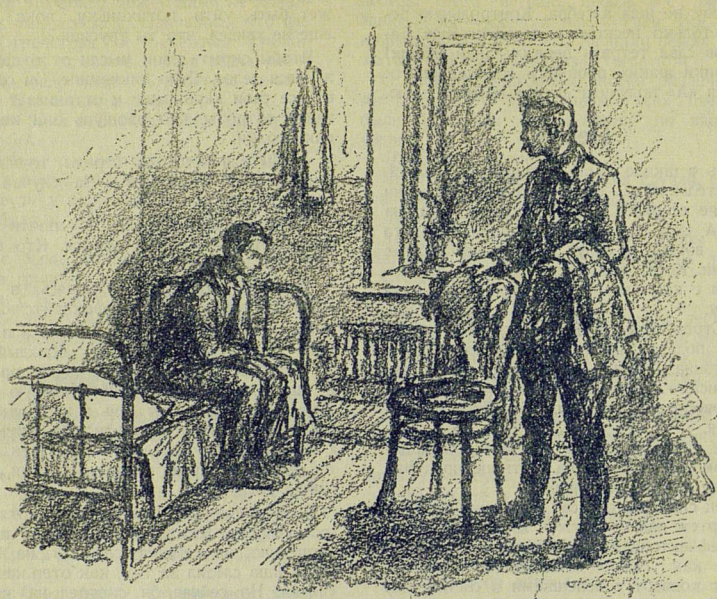
Вот, покончив с сапогами, Бережнов достал свои синие штаны, френч, кожаный потертый пояс с тремящей пряжкой. Пояс этот по праву участвует в партизанских парадах: он помнит бси под Киевом, и сырые ночи на берегу Гнилопяти, Тетерева, и Перекопа.

Осмотрев кожаную куртку, Василий затянул свою любимую старую песню, единственную песню, которую он не путал:

«Шли мы берегом, садами,
Шли по долам, по горам».

Где бы ни наступила Бережнова эта песня: посреди комнаты в куртке, натянутой на одну руку, с щеткой в другой, — он уже не двинется с места. Эту песню сочинил партизан Никита Хорь — маленький человек с бородкой, которую он сам называл «беднячкой».

С этой песней входили в местечки, в города. Она катилась из конца в конец улиц

— Отчего ты, Яша, весь вечер сычом сидишь? — спросил Бережнов.

и переулков. Навстречу ей люди вылезали из своих нор: из погребов и подвалов,— дети подхватывали ее.

Бережнов стоял посреди комнаты с курткой подмышкой. Он задумался. Он думал о своем погибшем друге, о Нохиме Ковале. Завтра рядом в колонне мог бы шагать и Коваль. Он нес бы знамя. Всем была бы видна его курчавая голова на упрямой шее. Он был ведь самый высокий в отряде...

Но, наверное, давно уже истлели его кости там, в деревне Барвинки, в старой погорелой бане. И все так же тихо течет речка Пахорка, и белые мазанки толпятся у берега и смотрят в сонные воды...

Дальше песня не вышла. Бережнов поставил на место сапоги. А пока он возился с курткой, Яша думал:

«Досчитаю до десяти. Если до десяти отец ничего не скажет, я спрошу о письме... Семь, восемь...»

— Отчего ты, Яша, весь вечер сычом сидишь? — спросил Бережнов.

Яша вздохнул и, запнувшись на девяти, не ответил.

— Голос бережешь? К завтрашнему дню? Песни петь?

— Не буду я петь! — упрямо ответил Яша.

— Как знаешь. А я петь непременно буду. Люблю в праздники песни петь!

И, точно сразу утомившись от всех сборов и приготовлений, Бережнов подсел к Яше на постель.

— Ты очень трудную песню поешь! Я ее никак запомнить не могу,— выговорил Яша.

— А ты протопай по земле с этой песней, как мы протопали, так не забудешь ее до смерти.

Яша тронул отца за руку и осторожно попросил:

— Расскажи что-нибудь...

Тишина стояла в комнате у Бережнова. Яша, тесно прижавшись к Василию, слу-

шал. Изредка он поглядывал на Василия. Вот карие, точно слегка сонные глаза, испещренные морщинками подглазья, зна-комая серая щетинка на подбородке, мягкие опущенные усы... И домашняя желтая куртка, давным-давно прозванная Яшей «чушкой». Все это: усы, глаза, щеки и эта куртка с потайным кармашком, где всегда лежит крохотный карандашик, — это детство, это отец. И никакого другого отца не надо Яше.

Мальчик слушал давно знакомый ему рассказ о том, как Василий Бережнов лежал раненым в поле один в ту ночь, когда партизанский отряд брал деревню Барвинки, и Бережнов оставил в полуразрушенной бане на берегу речки Пахорки своего умирающего друга. Рассказ почему-то сейчас казался ему вымыслом. Не может быть, чтобы этот небольшой, мягкий человек, сидящий рядом с ним, так яростно бросался в атаку, бил, колот, уничтожал врага, нес на своих плечах такого громадного и сильного, как тот, Коваль. О, как хотелось, чтобы все это было вымыслом! И это письмо, что лежит в глубоком боковом кармане куртки...

Яша слегка тронул письмо пальцами сквозь плотную материю. Оно на месте. Вот сейчас он может его вынуть, показать Василию, спросить обо всем, все узнать и рассеять сомнения, которые он носит в себе уже три дня.

«Это все правда», — скажет Бережнов. Но тогда Василий больше не будет его отцом. Отцом станет тот, другой. Яша закрыл глаза, испытал мгновенный страх, порывисто тронул руку Василия. Так он трогал ее совсем маленьким, засыпая, чтобы убедиться, что отец здесь, у его постели, что он не ушел; так делал он, желая, чтобы песенка или рассказ, оборванный его внезапным сном, потянулись дальше.

Бережнов, примолкнув, внимательно взглянул на Яшу. Столбик пепла, плотно державшийся на конце папиросы, упал и рассыпался. Яша отодвинулся. Нет, он не спросит сейчас. Завтра... Послезавтра... Только не сейчас!

— Может быть, он не умер тогда в бане? — все-таки тревожно спросил Яша, когда Василий умолк. — А? — и Яша огляделся, точно сейчас в комнату вошел живой Коваль и стал у окна, заслонив спиной зеленоватый свет уличного фонаря.

— Говорят, многих пропавших в гражданскую войну находят сейчас, — продол-

жал Яша. — У нашей нянечки Насти брат нашелся.

— Живые откликаются, — ответил Бережнов, — а я его долго искал.

«Николай Егорыч»

Школьная нянечка Настя аккуратно подбирала в классах все исписанные бумажки. Настя начала учиться грамоте на старости лет и ко всякой бумажке питала уважение. Пусть ее ругают за то, что в каждом классе она копается подолгу, зато уж если что-нибудь у ребят пропадет, оно в настоящих руках задержится. Все будет бережно сложено в корзинку за шкаф, а уж то, что покажется Насте похожим на документ, будет повешено на гвоздик в закутке, где лежат щетки, чернила, мел, запасные перья и ручки. Тут же и чахлый кактус, неизвестно откуда попавший в этот закуток. Когда заведующий школой прикажет Насте убрать ее «документы», она аккуратно заворачивает их в газету и прячет подальше. Зато и носит Настя прозвище «Архивариус», или, проще, «Архиваря».

Особенно бережно хранила Настя «Николай Егорыча» (так назывался в шестой «А» разстрепанный учебник алгебры).

Учебников алгебры в шестой «А» было 13 на 38 человек. В начале года распределяли учебники по признакам дружбы или близкого соседства. Если, например, Колька жил в доме № 7, а Петька — в доме № 10, то, хотя оба они с детства «не водились», их все-таки по соседству впрягали в один учебник. Хозяином учебника считался тот, кто первым надписал свою фамилию на обложке.

Был в шестой «А» один учебник алгебры без хозяина. Учебник был замечателен тем, что рядом с каждой задачей было написано решение. Он переходил из рук в руки, носил следы множества пальцев. Надписи на книге были сделаны карандашами всех цветов: «Рыжий Петька», «Танька Жила», «Не форси, Майка, сломаться!», «Зойка, если хочешь ссориться, скажи», «Алгебра — дура». На обложке была широкая надпись: «Где книжка из-под этой обложки? Мне по обложке алгебру учить, что ли?»

Когда-то обернули этот учебник в бумагу яркосинего цвета, но бумагу эту давным-давно оборвали на записочки. Остались одни лохмотья. На первой обложке кто-то в начале года посадил большое

жирное пятно. Кто-то приделал к этому пятну глаза, нос, рот и уши. А когда книга пошла по рукам, каждый прибавил к этому портрету какую-нибудь черточку. Коллективный портрет стал похож на учителя алгебры Николая Егоровича. Так и осталось за этим учебником прозвище — «Николай Егорыч». Обычно спрашивали друг друга:

— Где «Николай Егорыч»? Кто из «Николая Егорыча» начало вырвал? Десять дней «Николая Егорыча» маринуешь!

Пользовались этим учебником, как чудесным средством, все: кто — тайком, кто — откровенно. А тот, кто из «неудов» не вылезал, тот без «Николая Егорыча» не обходился.

На последнем заседании учкома Сеня Зимин предложил раз и навсегда уничтожить этот учебник: хоть некоторые перестанут списывать и будут учить алгебру.

«Николая Егорыча» бросили в печку. Но Настя вытащила его и спрятала у себя. Она стала выдавать его немногим счастливым. Было известно, что одной только Гале Стрепетовой она давала его чуть ли не каждый день. Под честное слово.

«Неуды» Гали Стрепетовой надоели даже Насте.

Счастье

Когда Сеня Зимин неожиданно пересел к Гале, она испугалась. Что еще затеял Яша? Может быть, вместе с Сеней они придумали какую-нибудь новую шутку? Галя отодвинулась на самый край скамейки. Вспомнив о своих веснушках, она прикрыла щеку, ту, что поближе к Сеньке. Краска пошла по лицу пятнами и зажгла уши. Девочка ждала, что Сенька непременно что-нибудь скажет о ее веснушках. Нет, уж лучше сразу уйти на последнюю парту!

Галя стала быстро собирать свои книги, но, как на зло, они повалились из рук. Спрокинулась чернильница, и черный ручеек быстро потек по парте. Его надо было задержать, чтобы не расплылся дальше. И в это время вошла учительница. Урок начался. Переходить было поздно.

Промокашка, размокшая, с пятном, похожим на тигра, делила парту пополам. Тигр лежал на границе.

Начался диктант. Слова знакомые, уже известные, но ни одной буквы не может вспомнить Галя. Как пишется «у», простое немецкое «у». Она растерянно ищет

по сторонам, но буква не вспоминается. А Сеня, будто бы и не глядит в ее сторону, но, конечно, он видит все. Сейчас на перемене он расскажет об этом Яше. Они ее, конечно, высмеют. Но вдруг, неожиданно Сеня поворачивается к Гале спиной и незаметно, левой рукой подсовывает записочку. Первая фраза диктанта написана крупным и четким почерком.

Галя испуганно отодвигается.

Ах, почему она забрала сегодня волосы за уши! Теперь все ребята сзади видят, как она покраснела. Если бы можно было обернуться, шелкнуть соседку и сказать «Не беру «неуд», тогда, может быть, еще не все было бы потеряно!

«Щелк не беру!

Щелк не беру!»

А Сеня придвигается к ней ближе и шепчет:

— Что же ты, Стрепетова, записки не берешь? Урок кончается. И не смотри ты на меня так: я рыжих не ем!

Галя взяла записку.

Недавно на учкоме много говорили о том, что списывать не надо. Сеня это сам говорил. Но что же поделаешь с этой! «Неуд» ей был обеспечен. Правда, никто и не подумает, что это он положил свою тетрадь так, чтобы Стрепетова могла все списать...

Может быть, она и вправду не списала, а только вспомнила то, что забыла сразу от страха и смущения. Буквы пошли сначала робко, неуверенно, потом вышли на ровную дорожку. Галя кончила диктант к звонку.

На другой день — вышло это как-то само собой — Сеня объяснил ей пример по алгебре. На третий день он принес ей домашней учебник географии: пусть она повторит все, только без дураков, на «очхор»!

Приход Сени был для Гали праздником. Она учила географию до поздней ночи, а когда легла спать, знала наизусть, с какими государствами граничит на западе Союз советских социалистических республик.

Знала без дураков, на «очхор»!

Шемаханская царица

Сенька стал каждый день приходиться к Гале готовить уроки. Когда она отвечала у доски, он не пропускал ни одного слова. Он подшоптывал ей ответ, он ободряюще улыбался, когда все у нее шло гладко. Он хмурился, когда заедал какой-нибудь «икс»

или «игрек», и подтягивал к себе свой ко-
стыль, точно сам готов был высочить из-
за парты, чтобы не дать Гале осрамиться.

Частенько из-за нее он не успевал до-
делывать свои уроки. Пустяки, ему нагнать
ничего не стоит! А Галя в группе должна
быть первой.

Он стал замечать, что Галя вовсе не та-
кая, как он думал, как говорил о ней Яша.
Оказывается, не все рыжие злые. Галя ни-
когда не злится, а ее рыжие волосы ему
даже нравятся. Иногда хочется взять паль-
цами завитой медный волосок, растянуть
его и отпустить как пружинку. Интересно,
как он завьется снова? Галя причесывает-
ся не как все девочки: и косы и чолка; зря
Яшка называет эту чолку «навесом, вы-
крашенным охрой».

И ресницы у нее, как птицы, прыгают.
Ресницы почему-то темные. И еще многое
нравилось, что было раньше недостойно
мальчишеского внимания. Смешно же было
засматриваться на тесемочку у воротника,
перевязанную так ловко, как ни у кого из
девочек. А штопка на галином платье ка-
залась Сене замечательным рукоделием.

— Это штопка елочкой, — объяснила
однажды ему Галя. — Хочешь, я тебя научу
штопать?

— Ну, разве мальчишки штопают?

Но когда Сеня как-то разорвал рукав
своей куртки, он сначала попробовал за-
штопать сам, а потом застенчиво попросил
мать, будто она могла догадаться о его
тайных чувствах:

— Сделай мне непременно штопку елоч-
кой.

Иногда ему хотелось поговорить с кем-
нибудь о Гале. Но не с кем. С ребятами—
неудобно. И он говорил сам с собой.

Как-то, повторяя с Галей уроки, Сеня
отложил учебник, внимательно осмотрел га-
лину комнату нарочно прищуренным гла-
зом и спросил:

— О чем ты думаешь, когда засыпа-
ешь?

Галя смущенно примолкла и ответила не
сразу. Так часто бывает: знаешь урок на-
изусть, а спросят тебя неожиданно — и
все из головы точно вылетело.

— А ты, Сеня?

— Ну, ты сначала о себе расскажи.

— Нет, ты!

Конечно, Галя заговорила первая. Несме-
ло. Может быть, она рассказывает совсем
не о том, о чем следовало.

— Я люблю поспать у мамы на постели,
не раздеваясь. Это самый сладкий сон!

*Сеня стал каждый день приходить к Гале
готовить уроки.*

— Ну, это неинтересно! — ответил Се-
ня, хотя больше всего любил именно этот
сон, на перепутье между вечером и ночью,
и хотел бы об этом говорить.

— Вот в комнате свет, — продолжала
Галя. — Мама ходит, возится. Вот я за-
крываю глаза, и начинаю наплывать на
меня разные рожи, рыбы, вещи. Прямо кар-
русель. Иногда даже страшновато стано-
вится. Я вздрогну. Мама меня укроет сво-
ей шубой. Тогда я согреваюсь и начинаю
мечтать. Меня никто не видит. И я нико-
го не вижу. Под шубой о чем угодно мож-
но думать.

— И о чем ты думаешь под шубой?

— О театре! Я укрываюсь и оставляю
маленький глазок. Знаешь, как в занавесе
на сцене. Я смотрю и все переделываю.
Например, если смотреть пристально на
наш потолок, кажется, что он разрисован-
ный. На нем есть трещины, похожие на
птиц. Видишь? А лампочка превращается
в люстру, как в Большом театре. А ты
был когда-нибудь в Большом? А вон ту
ситцевую занавеску я переделываю в бар-
хатную. Разных цветов. Смотри, какая
пьеса.

— И какая пьеса шла у тебя вчера? —
полюбопытствовал Сеня, и темные точки
в его серых глазах стали насмешливыми.

— Знаешь, только ты не смейся, Сеня:
когда я стану актрисой, моя первая роль
будет шамаханская царица! Непременно!

И, позабыв о том, что разговаривает с
мальчиком, перед которым она недавно ро-
бела до того, что все ее слова пропадали,
Галя окончательно увлеклась будущей

ролью, даже щеки ее покраснели и веснушки исчезли.

— Ты представь себе: я шемаханская царица. На мне платье такое восточное, в блестях. Вот я стою у шатра и смотрю вдаль. Подъезжает князь и вдруг влюбляется в меня... — и под насмешливым взглядом Сени Галя объяснила, прижимая холодные ладони к щекам: — То есть, знаешь, в нее... А не в меня... конечно.

Сеня расхохотался:

— Ты, Стрелетова, и в правду похожа на эту шемаханскую царицу: она, наверное, была рыжая, в веснушках!

Галя умолкла. Ей хотелось смотреть куда-то вниз, чтобы не видеть, как насмешливо шурится Сеня. Яше, конечно, он так бы не сказал. Яша — другое дело.

«Трудно дружить с девочками, — думал Сеня, сгребая книги. — Что ни слово — обида! Пошутить нельзя...»

— Я под шубой мечтать не люблю, — сказал Сеня сухо. — Кончу школу, пойду во флот.

— А костыль? — смущенно заметила Галя.

Сеня резко притянул костыль и взглянул сердито.

— Завтра ты должна сделать письменную алгебру на «очхор», шемаханская царица!

В раздевалке

Для Гали наступили неожиданные дни. Они проходили легко, как праздник. Взягая по школьной лестнице, она толкала встречных ребят, а не встречные ее, как бывало. С ней заговаривали первыми. Даже Толька Айзман, самый ярый ненавистник девочек в группе, стал здороваться с ней по утрам. Теперь она была уже не просто Галька Стрелетова, а соседка Сени Зимина. Она была стмечена дружбой лучшего ученика группы.

Девочки теперь гуляли с Галей на переменах в обнимку, шептались с ней.

Только Яшу она попрежнему обходила и, встречая его, отворачивалась. Иногда она готовила ему в ответ целые речи, если он вздумает подойти к ней, отругать ее или сказать какую-нибудь колкость.

— Пусть он уберет все это! — сказала Галя.

И каким удовольствием было бы крикнуть ему вдогонку что-нибудь такое, чтобы он поблдевел от злости и зависти. Сейчас ей хотелось мстить ему за «Тетию Лидию», за все!

Когда Яша проходил мимо, Галя наклонилась к кому-нибудь из девочек и говорила громко, чтобы он мог слышать каждое слово:

— Вчера мы с Сенькой решали задачи...

Или:

— У меня сенина книга. Мы вместе читаем о Колумбе.

А когда при этих словах Яша задерживал шаг или оглядывался, она еще громче добавляла:

— А как мы с Сеней хохотали вчера!..

Когда новая дружба для всей группы стала обычной, когда уже больше никто не обращал на это внимания, Галя столкнулась с Яшей.

Они оба опоздали на урок, и Настя не пускала их наверх. Они сидели в пустой раздевалке, на разных концах длинной скамьи. Казалось, ушел в плавание большой корабль, оставив на необитаемом острове их обоих. С минуту они смотрели друг на друга. Что-то похожее на улыбку промелькнуло по лицу Яши и перешло на галино лицо. Вот сейчас они рассмеются и заговорят. На середине скамьи лежали новые галины варежки. Варежки точно дразнили Яшу большими оттопыренными пальцами. Яша вдруг линейкой сдвинул варежки подальше.

— Пусть она уберет их! — сказал он в пространство.

Галя не ответила. Она только тихонько и зло засмеялась.

Тогда он швырнул варежки под скамью. Но он не успел опомниться, как его портфель полетел в другой угол, а чистенькие книги и тетрадки разлетелись по полу.

— Пусть он уберет все это! — сказала Галя.

Яша ползал по полу, собирая свои книги. А она стояла и смеялась. Откуда взялась у нее вдруг такая смелость? Она и сама не могла бы рассказать. Яша собирал рассыпанные книги:

— Сейчас я с тобой рассчитаюсь за все!

Но она и не думала отступать:

— Только тронь. Поставим вопрос на совете отряда! Меня Зимин в обиду не даст.

Уже прозвонили на перемену, уже вниз по лестнице неслась шестая «А», когда

Яшка уложил в портфель свои книги. Он прошел мимо Гали так близко, что почти задел ее, и поднес к самому ее носу кулак:

— Ты у меня при всех ребятах извиняться будешь, рыжая жаба!

Граната

Ни одна вещь у Вити Голикова не исполняла своих прямых обязанностей.

Тетрадь была одновременно и рупором, через который он вешал новости в классе; потуже свернутая, она служила оружием в драке. Только первая страница витиней тетради была иногда исписана без помарок и клякс. На второй — буквы выходили из строя, они рассыпались вкривь и вкось. На полях появлялись карикатуры.

Из мягких ластиков вырезались рожи, карандаши были обструганы замысловатой лесенкой и прорезаны до грифеля. Из промокاشки Витя делал птиц с квадратными головками, а кляксы растирал указательным пальцем так, что чуть не все лето палец носил лиловый след учебного года. Если Витя покупал перья, то лишь для того, чтобы устраивать «пляску перьев» при помощи магнита. В ручке перо было всегда сломанное, и писать приходилось всегда лодочкой кверху.

Рабочий стол у Вити был местом, куда он сваливал исписанные тетради, ненужные записочки, учебники без начала и без конца. В его чернильнице была разведена краска для рисования, а чернила налиты в белую фарфоровую баночку из-под мази с надписью «наружное».

У Вити ночью одеяло сползало. Пуговицы на куртке больше трех дней не держались.

Витя, не жалея, мог отдать товарищу свою книгу и свою шапку, надеть в школе ровное пальто вместо целого и не заметить этого. Роняя вещи и разбивая их, он равнодушно отодвигал ногой осколки и шел дальше. И только одна вещь, единственная среди всего, чем он владел в школе и дома, была отмечена любовью, вниманием — пустая ручная граната. Она занимала самое почетное место на столе. Никто не имел права ее трогать. Под гранатой хранились самые тайные и нужные бумаги: стишки, сочиненные на учителей, перехваченная в школе записка, подаренный братом рубль.

Когда Витя был поменьше и играл с мальчишками в войну, он привешивал на

груди пустую гранату, и никто никогда не мог его победить. Его так и звали во дворе «Гранатчик». На него смотрели с восхищением, и все нетерпеливо ждали того дня, когда он «ка-ак размахнется и ка-ак метнет ее, — весь дом кувырнется и станет книзу крышей». Но он только размахивался и всё не бросал.

Гранату привез Вите с Украины в подарок брат Андрей. Уже пять лет она стояла на столе. Брат Андрей невзначай рассказал Вите, как он нашел гранату. Витя запомнил все, от слова до слова, и рассказывал об этом каждому товарищу, даже случайно забредшему за книгой. Это была единственная история, которую Витя не перевирал.

Когда Витя вырос и кончилась пора детских войн, он стал отводить на гранате душу. В дни неприятностей — сплошных «неудов», выговоров и взбучек — он забрасывал свои учебники и тетради и принимался чистить гранату. Он толк кирпич, раскладывал на подоконнике тряпку и чистил свою любимицу с увлечением, добраясь до самых глубоких щелочек.

Дома знали: если Витя часто возится с гранатой, — значит, к концу четверти обв'яжутся обильные «неуды». В шестой группе он уже не только чистил гранату: он что-то к ней приделывал, пристраивал, изобретал. И это отнимало иногда весь вечер.

Сегодня, пока Витя «вымещал» на гранате обиду за очередной «неуд» по географии, он сочинил песенку про Галю Стрепетову и Сеню и придумал необыкновенно веселое представление, чтобы разозлить Агнию Сидоровну. У него даже не хватало терпения дожидаться до утра.

Но на первом уроке, как на зло, объявили вместо географии обществоведение.

Эпизод

«Общество» — Андрей Иванович Кузьмин вошел в класс по-военному подтянутый. Скрип сапог сопровождал его как военный марш. Вот он прошелся по рядам, проверил, все ли на местах, — так проверяют бойцов перед боем. Кажется, что Андрей Иванович скомандовал «Пли!»; вытер доску и приготовился писать тему.

Галя быстро перелистала тетрадь. Страх пополз по ее спине. Галя слышит, как бьется у нее сердце.

К обществоведению она неготова. Стыдно сознаться Сене. А сложить два пальца и

ловким щелчком передать свою неудачу соседу — «Щелк, не беру «неуд» — тоже нельзя: сейчас же заметит Сеня.

Андрей Иванович старательно написал на доске тему «Эпизод из гражданской войны».

— Каждый пишет какой-нибудь эпизод из гражданской войны, — объяснил он. — Можно сочинить. Но лучше вспомнить рассказы старших.

По классу пробегает шелест. Галя испуганно смотрит на доску: «Эпизод из гражданской войны!» Не даром вчера ей приснилась змея: она залезла в правый башмак и прогрызла дыру. Галя уже видит, как тоненькой змейкой извивается по пустой странице ее тетради ядовитый «неуд». Что она может написать про гражданскую войну? Ничего она об этом не знает: у нее в семье никто не воевал.

Солнечный заяц, метнувшись по партам, по озабоченным разгоряченным лицам, спрятался за последние ряды. С парты вдруг поднимается Витя Голиков:

— Андрей Иванович, про бабушку можно написать? У меня бабушка на войне была пулеметчиком...

Голос у Витьки сейчас тихий, даже грустный. Глаза честные, и ребятам и сам Андрей Иванович не знают, правду ли говорит Витя. Может быть, и в самом деле воевала его бабушка тринадцать лет тому назад?

— Пиши, — соглашается Андрей Иванович. — Пиши, что знаешь!

Уже почти все пишут. Только Галя не знает, с чего начать. Она аккуратно надписала сверху: «Классная работа. Ноябрь 1933 года». Но дальше ничего не идет.

Она прячется за спину Сени. Но Куз'а, как на зло, смотрит в ее сторону. Только бы не подошел к парте.

«Пронеси «неуд»!

Пронеси «неуд»!

Пронеси «неуд!» — шепчет Галя.

— Вспоминайте, вспоминайте, — подбадривает Андрей Иванович

Что может вспомнить Галя? Когда воевали с белыми, она была совсем маленькой. Они с матерью жили на том же дворе, что и сейчас, но двор казался больше. Мать всегда сидела в комнате и заворачивала какой-то порошок в крошечные пакетики. За это ей платили деньги. Вокруг нее на полу лежали горы бумажек. Из них можно было складывать птиц, и это — самое интересное, что запомнилось.

Галя выпускала птиц во двор, и за пти-

цами прибежала Наташка из соседнего двора. Однажды Наташка прибежала с булкой в руке. Булка была белая и легкая. Она была намазана вареньем, и варенье стекало по руке Наташки прозрачной струйкой. Вот повисла на кончике пальца большая капля. Наташка подбирает языком все варенье с пальца и за пять бумажных птичек дает Гальке лизнуть мизинец. Только мизинец!

И сейчас еще помнится Гале вкус этого варенья. Но ведь об этом тоже не напишет. И это же не о войне.

Тетрадь у Гали пуста.

Хорошо, если бы Сеня подложил ей записку, как тогда, на немецком, и подсказал эпизод. Хотя бы на «уд» вытянуть. Но Сеня пишет, часто взглядывая вправо, где сидит Яша. Уже который раз он сдвигается к самому краю скамейки, чтобы разглядеть его тетрадь. Лицо Сени встревожено. Что случилось с Яшей? Почему он не пишет? Нагнулся над партой и низко опустил голову, точно сразу стал близорук. Неужели он слал пустую тетрадь и получит второй «неуд»?

Время идет. Уже кое-кто из ребят промакнул первую страницу, а Яша пока еще ничего не вспомнил. Он сразу забыл все. Забыл все, что отец рассказывал ему о гражданской войне. Эти рассказы были ему вместо колыбельной песни. Много мыслей лезет в голову, но все они ненужны сейчас. Вот вспоминается Яше то время, когда он был совсем маленьким, десять лет тому назад. Они жили тогда в той же самой комнате, но посреди комнаты стояла узкая черная печурка с жестяной трубой, выходившей в форточку. Печурку называли «буржуйка».

Из нижнего этажа приходила крыса. У нее был свой тайный ход за шкафом. Когда уходил отец и в комнате становилось тихо, крыса выходила. Она не боялась Яши. Однажды отец принес рыбу и положил эту рыбу на подоконник. Рыба была большая, с серым хвостом. Яша думал, что она живая. Но даже и этой рыбы крыса не боялась.

И еще помнит Яша, как к нему приходил сосед, дед Фомичев. Он брал Яшу на руки, прижимал его к своей груди, грел ему руки своим дыханием и подолгу рассказывал. О чем говорил Фомичев, Яша не понимал. Но в груди у Фомичева что-то хрипело, скрипело, булькало, и это было весело. С Фомичевым Яша не боялся ни крысы, ни рыбы. И еще помнит Яша синюю

байковую юбку. Она висела в углу на гвоздике и называлась «мамина юбка». А мамы не было. Никогда не было. Иногда отец укрывал Яшу на ночь поверх одеяла этой синей байковой юбкой.

— Пишите, пишите, — подбадривает Андрей Иванович.

«О чем писать?» — думает Яша. Он грызет ручку, растерянно смотрит то на учителя, то на ребят. На черном поле доски отчетливо белеет строчка: «Эпизод из гражданской войны». Яша бессмысленно читает эти слова.

Но вот в классе громко хлопнула форточка. Яша очнулся, привинул поближе тетрадь, застегнул пуговку у ворота и стал писать. Он увидел медленную и тихую речку Пахорку. К берегу прикурили сонные хаты, за тополями спрятались деревня Барвинки.

...Деревня спит. В полуразрушенную баню тихо, почти ползком, пробираются двое. Они несут третьего, раненого товарища. Его зовут в отряде Коваль. Он огромен, и близкая смерть еще больше вытянула его. Он черен, и при свете копилки видно, как запеклась у виска и на переносице кровь.

В бане над тряпьем возится деревня бабка. Она испуганно смотрит на людей, прибежавших ночью в ее убогое жилище. Откуда они? Кто они? Чего им надо? Уже давным-давно никто не заглядывал сюда. Идут мимо войска. Гремят тачанки, ржут кони, и пули летят, и все идет мимо старой погорелой бани. И вдруг явились люди в рваных шинелях, в пыли, а один совсем почти мертвый.

Старший, в папаче, отвязывает фляжку с водой и ставит около умирающего, хотя знает, что вода больше ненужна. Губы товарища навсегда сжаты. Еще, может быть, один, последний вздох вылетит из его груди...

Но неожиданно умирающий приподнимается, и бабка, крестясь, шарахается в угол. Его руки упираются в гнилой, трухлявый пол. Он словно стяхивает со своих плеч невидимую тяжесть. Но голос изменил. Прейжий, могучий голос Ковалья сорван.

— Вася, — говорит он шопотом, — у меня там в местечке жинка и дети. Сын и дочка. Помни о них, Вася!

Никто не видел, как умер Коваль...

Яшка дописал. Поставил точку. Скоро кончится урок, а Яшка все сидит над своей тетрадью, забыв о том, что ее надо сдать.

Он снова поглощен мыслями о письме, о Златке Брегман, которая была его матерью.

И вдруг в воображении мальчика партизан Коваль прочно стал рядом с этой женщиной, умершей где-то на вокзале от тифа в 1921 году. Затем внезапная мысль пронесится в мозгу мальчика и вытесняет все остальные: «Какая же была фамилия у этого Нохима Ковалья? Ведь Коваль — прозвище...»

Андрей Иванович обходит парты. По коридору шумно, как всегда к концу урока, бежит со звонком нянечка Настя. Она звонит щедро, долго.

После звонка Андрей Иванович сразу становится проще. Он обычный, свой Кузá. Тетради, шестеля, летят к нему со всех сторон класса. Последний сдает тетрадь Яша Бережнов. Это небывалый случай для шестой «А». Он молча кладет тетрадь на стол и выходит. Класс шумит. Недописанные слова, запоздалые мысли бьют через край. Уже громко вокруг Кузы идет спор, как надо было и как не надо было писать. Сейчас каждый вспомнил что-нибудь интересное. Хоть урок начинай сначала. По партам шагает Витька.

— Вот и победила моя бабушка! — кричит он.

Витя высоко поднял свою тетрадь. Он написал целых шесть страниц про бабушку-пулеметчицу. Сейчас его встречают дружным смехом. Всем ясно: Голиков выдумал.

Только Галя Стрепетова не сдает работы. Ее тетрадь пуста. На чистой странице расплылись две кляксы от слез. Будет «неуд». Не даром же вчера ей приснилась змея!

Куза

Андрей Иванович дочитал последнее сочинение 6-й «А». Из тридцати восьми тетрадей только на одной стояло размашистое «очхор». Андрей Иванович к этому слову всегда приставлял точку. Журную, от всего сердца. И короткую подпись «Куз».

От этой подписи и пошло прозвище Андрея Ивановича «Кузá». А так как Андрей Иванович преподавал еще и литературу, звали его иногда «Кузá в квадрате». Андрей Иванович знал свои прозвища, и сам себя иной раз мысленно называл так же. Он знал, что его после письменной работы всегда ждут в группе нетерпеливо, знал, что его похвала приятна и лестна. Он никогда не повышал голоса, не торопился вписывать «неуд» в журнал. Но когда он приподнимал брови, забирал в руку узкий клинчик серой бородки и молча глядел на кого-

нибудь из ребят, хотелось потом сидеть всю ночь напролет и учить обществоведение или литературу, чтобы только Кузá не глядел так.

Кузу любил. Его предметы группа учила охотно. Когда он смотрел на чьи-нибудь грязные руки, казалось, что грязь на них становится темнее, и руки прятались мгновенно. Назавтра они были вымыты дочиста и гордо лежали на парте.

Андрей Иванович развязал пачку тетрадей, из тридцати восьми достал одну, ту самую, на которой ломающимся почерком было написано: «Яша Бережнов». И, хотя было уже поздно, Андрей Иванович снова раскрыв сочинение и прочел не отрываясь в третий раз.

Сочинения Яша писал легко, но было в этой легкости, где слово с трудом подбирается за бойкой мыслью, больше мальчишеского задора и желания удивить учителя рассуждениями.

Сочинение, которое написал Яша вчера, было не обычное; и самый почерк, и слова, и то неуловимое, что было между строчками, заставили Андрея Ивановича задуматься. Не было сомнения, это — не просто сочинение на заданную тему: в этих коротких страничках школьной работы Яша выказал что-то глубоко и тяжело тревожащее его.

В школу сегодня Андрей Иванович шагал, как школьник, рассеянно, торопливо, с тетрадями подмышкой, наталкиваясь на встречных ребят. Даже Настю он удивил: вошел в учительскую в калошах и шапке.

В раздевалке стояла обычная сутолока. Запоздавшие сломя голову неслись по лестнице вверх. На тесной площадке лестницы мимоходом затевалась драка. Бежала по коридорам Настя, подгоняя зевак. В школьном коридоре сладковато пахло сырими березовыми дровами. Хлопали парты. Из углового класса, что за колонной, неся громовой смех Витьки Голикова. Когда ни прилешь, он здесь, и уж успел послить на всех партах и пустить какую-нибудь очередную шутку. У школьной стеногазеты толпится кучка ребят, горячо обсуждается очередной вопрос к предстоящему совету отряда. Слова «дисциплина» и «неуд» еклонются на все лады.

Андрей Иванович не встретил никого из 6-й «А». И был рад. Он вышел после безн... Правда, недолгой. Он не был в школе всего три дня. Но когда Андрей Иванович пропускал хотя бы один день, он любил появляться в группе как бы неожиданно.

Дойдя до двери своей группы, он на секунду задержался, прислушивался и не сразу открывал дверь, а чуть-чуть приоткрывал ее и вставлял знакомый клинушек своей бородки, точно спрашивая: «Здесь 6-я «А»?»

Его встречали весело.

Сегодня Андрей Иванович шел по коридору быстрее обыкновенного. Уже второй раз прозвонили на урок. Кузá опаздывал. Но по привычке своей у двери класса все-таки задержался.

«Кузовый час»

Витя Голиков с балалайкой в руке стоял на парте и командовал:

— Приготовились! Начали!

Он ударил всей пятерней по балалайке. В разных концах класса откликнулось на все лады:

«...з-з-з-а!

...Стоит в поле береза.

Под березою коза.

У козы болят глаза.

Ты чего ревьешь, коза?

Помер бедный наш Кузá».

Дверь класса открылась, и на пороге показался Андрей Иванович. Минуту он стоял, не двигаясь. Был свободный урок обществоведения. Знали, что Андрей Иванович болен и не придет. И свободный урок кто-то назвал «кузовым часом». «Кузовый час» решено было провести как можно веселее. Но еще задолго до урока Витя Голиков разошелся сверх меры, и «кузовый час» грозил скандалом. Староста был бессилен. Сказали заведующему школой. Заведующий поручил дело вожатому Коле. Коля встретил организованным тушем и не пустил в класс. Толя Айзман стоял у двери на страже, но, как всегда, проморгал. В класс неожиданно вошел Андрей Иванович.

Хор сразу умолк. Сиротливо звякнула балалайка. Кто-то на задней парте поперхнулся смешком.

Сеня Зимин беспокойно притянул к себе костью и опустил голову. Яшка почему-то спрятал руки.

Андрей Иванович прошел к своему столу. Выдвигая стул, он задел доску и бросил быстрый взгляд на аккуратно выведенный мелом стихок.

Все сжались, точно осели от стыда, и ждали: что будет?

Доска, задетая стулом, покачивалась, и в настороженной тишине класса было слышно, как скрипят ее винты.

Андрей Иванович уселся. Несеша провез журнал, ровным голосом начал переключку. Имена звучали укором:

— Айзман.

— Бережнов.

— Голиков,

— Зимин,

— Сигида.

— Стрепетова.

За многими фамилиями последней, как всегда, Шукина Тамара.

Тамара, как спросонья, вскочила:

— Есть!

— Здорово, молодцы,—сказал Кузá улыбаясь. — Живем?

Никто не ответил. Никто не посмел. Низко опустив голову, что-то смущенно чертил в своей тетради Яша. Сеня Зимин держал свой костью, как винтовку на карауле. У Стрепетовой на лице пылали веснушки.

— Ну, живем, значит,—ответил сам себе Кузá, осмотрев всех точно поверх очков, хотя никаких очков на носу у него не было.

На парте перед Витей лежала балалайка с кричащим желтым бантом. Незаметно пятак ее придвинуть и спрятать от глаз, Витя задел струну.

Андрей Иванович аккуратно разложил тетради, достал одну, дважды проверил фамилию, точно боясь перепутать:

— Голиков, Виктор!

Витя встал.

— Голиков, возьми свою тетрадь, пожалуйста!

Витя, громко хлопнув партией, вышел к столу. Никогда еще ребята не видели его таким растерянным. Он хотел улыбнуться, но улыбка не выходила. Он стоял у столика, переминаясь с ноги на ногу. Кузá поглаживал свою бородку.

— А у тебя, Витя, и вправду бабушка была пулеметчицей?

— Была бабушка,—пробасил Витька.

— Пулеметчица?

— Нет!

— А сочинил неплохо. Даже, скажу, хорошо сочинил.

Группа оживилась.

— А мы про вас, Андрей Иванович, сегодня сочинили,—вдруг осмелев, выпалил Толя Айзман, и тонкая шея мальчика от смущения спряталась в воротник.

Раздались смешки.

Если бы Андрей Иванович разозлился! Если бы он стал стучать кулаком об стол,

Витя Голиков с балалайкой в руке стоял на парте и командовал:
— Приготовились! Начали!

если бы он влетел всей группе «неуд» и призвал заведующего школой, — все это было бы пустяком в сравнении с тем молчанием, каким он наказывал свою группу.

Он больше никого не вызвал. Ничего не спрашивал и не объяснял. Он молча роздал тетради и, не дождавись звонка, ушел.

Дверь класса осталась открытой. Было слышно, как проскрипели шаги Андрея Ивановича и растаяли в конце коридора. Спустился вниз, в учительскую.

Никто не встал и не прикрыл двери. Казалось, сейчас Кузá вернется, сядет на свое место и будет продолжать урок. Но он не возвращался. Учительский стул, покинутый раньше времени, смотрел с укором на б-ю «А».

Первым заговорил Бережнов, внушительным голосом старосты.

— Голиков, вытри доску! — приказал он.

Витя не двинулся.

— Не могу. У меня руки дрожат. Я очень старосты испугался!

И, не желая сдаваться, он вскочил на парту, высоко поднял балалайку с восторженными бантом и грянул:

— Даешь самостоятельности!

Но хор не ответил.

Навсегда...

Поздно вечером, когда все уроки были готовы и надо было уже ложиться спать, Сеня вдруг решил немедленно идти к Яшке. Просто. Без всяких раздумий. Подняться на 17 ступенек и позвонить. Надо поговорить о «куззовом часе».

«— Яшка, выйди на минутку.

Яшка выбежит. Он будет по привычке застегивать и расстегивать пуговку у ворота.

— В чем дело, Зимин?

— Сядем на подоконник и поговорим. Я пришел к тебе не мириться. Я пришел по делу группы, как председатель уючка к старосте. Разговор будет серьезный. Надо извиниться перед Кузой и написать в стенгазету о поведении Витьки.

— Поговорим на совете отряда, — предложит Яша.

Когда Сеня слезет с подоконника и равнодушно скажет «ладно» и захочет уйти, Яша удержит его:

— Сеня, поговорим... Я уже давно хотел.

— Давай рассказывай, — ответит Сеня, не моргнув, и Яша начнет рассказывать с самого начала. Почему он получил тогда по географии «неуд». Почему сказал ему

«сплетничай про меня с девочками», и тогда они начнут наперебой объяснять, как они однажды на лестнице отвернулись друг от друга и почему, как писали то сочинение, как Сеня хотел послать записочку, когда видел, что Яшка не пишет. Потом пойдет разговор о всякой всячине. И беспричинный смех. Точно за все время ссоры им было запрещено смеяться!»

Но что расскажет ему Яшка, — Сеня не знал и придумать никак не мог.

Он быстро накинуд на плечи куртку и пошел. Крепко прижав к боку свой костыль, он стоял у двери, не решаясь позвонить. Дверь была знакомая. На двери дощечка с надписью «Архитектору Бережнову четыре звонка». Сенька так давно привык к этой двери, что не замечал больше дощечки.

Мальчику послышалось, будто щелкнул замок. Сейчас выйдут. Конечно, Яша подумает, что он пришел мириться.

Мальчик крепко прижал к боку костыль и, глуша свои шаги по лестнице, вернулся домой.

Наутро он проснулся с твердым решением. Дружба с Бережновым кончена. Навсегда.

«Не ходил я к нему мириться первым и не пойду! Сегодня же, до школы, соберу и сожгу все его старые тетради, все его записки. И отдам ему его книги».

В углу, около шкафа, стояла лыжная палка — яшкина. Сеня поспешно выставил ее за дверь, в коридор.

«Буксир»

Сеня пришел в школу рано. Ночью выпал первый снег. Школьный двор, белый, тихий, точно спрятался за невысокий забор, подальше от улицы, где уже с утра автомобили, пешеходы и трамваи успели затоптать дочерна мостовую и тротуары.

Еще не начатый школьный день лежал на чисто вытертой доске, в нетронутых, до края налитых чернильницах, в свежести недавно вымытых полов.

Вот первая парта. Здесь Сеня просидел прошлый год с Яшей. Каждая черточка на этой парте ему знакома. Парта — живая запись школьного года. Здесь необходимые слова, формулы, хронология, карикатуры на товарищей и учителей. Сеня постоял с минуту и, зачеркнув свое имя и фамилию, прошел к себе. В класс влетел Яша. Он увидел Сеню и стал насвистывать... Свист был чужой и резкий. «Я ничуть не жалею, что мы

поссорились! — означал этот свист. — Мне и без тебя весело».

Сеня не желал слушать. Он достал из портфеля залежавшиеся у него яшины книги:

— Возьми свои книги, Бережнов. У меня для них места нет!

И, выложив стопочку на среднюю парту, он двинул ее к Яше. От слишком сильного толчка книги доехали до края и свалились. Тогда Яша изогнулся как бы для ловкого прыжка и ногой швырнул книги обратно, в сторону Сени.

— Можешь подарить их своей Гальке на память!

В тот же день стало известно, что Сеня Зимин до конца года берет Галю Стрепетову на «буксир», что скоро их договор со множеством пунктов и обязательств будет вывешен в группе около печки. Слово «буксир» не сходило с уст.

Новость всколыхнула всю группу.

— Почему называется «буксир»?

— Кто кого тянет?

— Как делят «неуды» между собой?

Галю забросали записочками: «Галька, сшей мешок для «очхоров». Галя, засуши на память «неуды».

«Буксир» особенно взволновал Тамару Щукину:

«Нельзя допустить, чтобы двое были впереди всей группы, к тому же мальчишка и девчонка!»

«Есть предложение, — написала Тамара Тане, — создать бригады из одних девочек. А мальчишки пусть сами, как знают».

Договор Сени с Галей Стрепетовой был принят как первое большое событие с начала года. Всех удивляло то, что Сеня, лучший ученик в группе, выбрал себе в товарищи отстающую девчонку, первую по «неудам».

В этот же день из-за «буксира» пострадал Витя Голиков. Он получил по географии решающий «неуд» в четверть и выговор от заведующего школой. В этом был виноват договор, который Витя сочинил на большой перемене. В этом договоре Витя объявил себя на «буксире» у всей 6-й «А». Он обещал к концу года ответить по предметам на «удвг», то есть на удивление всей группе, и поразить этим всех педагогов.

Договор был перехвачен Агнией Сидоровной. Она тут же вызвала Витю к карте, спросила про Ледовитый океан. Витя, изодрывая, плел чепуху про китов, которые глотают торпеды, и получил «неуд».

После урока Витю вызвали к заведующе-

му школой. О чем шел в учительской разговор, не удалось узнать. Когда Витя ушел домой, никто не видел. После уроков няничка Настя нашла на витинной парте его учебники и унесла к себе.

Встреча

Мальчики столкнулись на лестнице в школе после уроков. Оба как по команде отвернули головы. И оба в одно и то же время оглянулись.

Сеня догадался, что Яша забыл в парте книги: он их часто забывает, а Яша понял: должно быть, Сеня объяснял Гале задачу и остался после уроков. В раздевалке Сеня долго натягивал калошу. Она сразу стала тесной. Он снимал и надевал ее столько времени, сколько, по его расчетам, надо было, чтобы Яша дошел до класса и обратно.

Калоша налезла как раз в ту секунду, когда раздали торопливые прыжки по лестнице. (Яша всегда прыгал через две ступеньки.) Но пусть он не думает, что Сеня его ждал!

Пока Яша получал пальто, Сеня успел выйти за ворота. Несколько шагов они шли друг другу в затылок. Потом Яша опередил. И опять отстал.

«Кто первый дойдет до угла, — загадал Сеня, — тот первым придет мириться».

И он задерживал шаг.

В переулке, у самого дома, вдруг налетел снежный ветер. Он рванул под полы сениного короткого пальто и сорвал шапку с его головы. Яша увидел ее впереди себя, узнал и обрадовался. Черная ушанка. Она катилась. Ветер гнал ее, а зади, по мерзлому тротуару, стучал костыль. Яша погнался за шапкой.

— Возьми свою ушанку, — сказал он, задыхаясь от быстрого бега.

— Я забыл уши завязать, — виновато ответил Сеня.

И оба они неловко улыбнулись. Сеня хотел уже сказать: «Ну, Яшка!» — но Яша опередил. Должно быть, он успел приготовить слова:

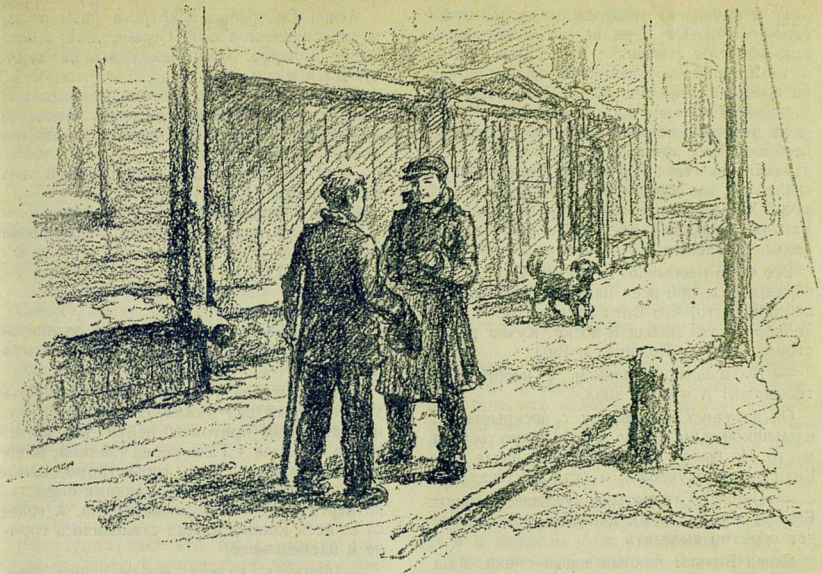
— Послушай, Зимин.

Сеня притянул костыль и ждал. Это был серьезный момент в их дружбе.

— Я уезжаю, — сказал, наконец, Яшка. — Навсегда. Я хотел бы позвать тебе руку, Зимин. На прощанье.

Он отвернулся, его верхняя губа прыгала.

— Я ухожу из дому, Сеня. На Украину. Навсегда.

Сеня притянул костыль и ждал.

— Почему вдруг на Украину? — серьезно спросил Зимин.

— Так надо!

— Тайна?!

Яшка помолчал.

— Нет. То есть да... У меня случилось горе...

Он опустил голову. Сеня готов был поверить.

— У тебя умер кто-нибудь?

— Да, умер, то есть, нет, не умер.

— Что у тебя за таинственные дела завелись, Яша? Хочешь — скажи: Не хочешь — как хочешь!

И Сеня, не оглядываясь, пошел в глубь двора.

Было слышно, как отчетливо и сердито стучал костыль. Снег проскрипел и замер.

«А если я действительно уйду и пришлю Василию письмо? Объясню все и не вернусь, — думал Яша. — Они будут меня разыскивать. Везде. И даже в морге. Они не лягут спать, и всю ночь они будут думать и вспоминать обо мне оба — Василий и Сеня».

Ветер трепал волосы мальчика. За ворот падали мокрые хлопья снега. Было холодно.

«Скоро они узнают все! — и Яша побежал, спотыкаясь и скользя. — Прощай, Сенька, прощай Василий!»

Испуганная дворняга Гулька метнулась в сторону и тут же рванулась вслед пробежавшему мальчику. Гулька бежала за ним до угла, злобно лая на темные развевавшиеся полы пальто, на мелькавшие ноги. За углом она примолкла и, виновато опустив хвост, побрела обратно к дому.

Солнечный заяц

На другой день после этой встречи Галя Стрепетова получила первый «очхор» по алгебре. Не «уд» и не «хор», а «очхор»!

Над Зиминым подшучивали:

— Зимин, посиди со мной: у меня по алгебре «удочка».

— Зимин, одолжи мне твой учебник: у тебя учебник закодированный.

Галя смущенно отводила глаза, совестясь своей удачи. От Сени шутки отскакивали как мячик от стены.

— Я за Галю к доске не ходил и за вас не пойду, и кончайте звон! Полностью заслуженный «очхор» у Стрепетовой.

На второй перемене, когда Сени в классе не было, Витя подсел к Гале.

— Очень тебя прошу, Стрепетова, — сказал он, — объясни мне, пожалуйста, задачу. Хочу ответить Егорычу на «очхор». Как ты. Раз ты у нас сейчас чемпион алгебры, объясняй!

Все было необычно. И то, что Витя к ней обращался и при всех называл ее чемпионом алгебры, и то, что Витя решил ответить на «очхор». Галя вышла к доске. Кучка ребят стояла у доски. Подошел и Яша.

— Поздравляю, Голиков, с новой учительницей! А я и не знал.

Он взглянул на девочку с нескрываемой насмешкой. Она сразу хотела вернуться на место. Но было уже поздно. Она взяла мел. Витя раскрыл учебник и стал диктовать:

— Пиши, Стрепетова, условие. Дано: Егорыч лезет в окно. Доказать, как он будет обратно вылезать.

Слова Витьки покрыл взрыв смеха. Яша заплодировал:

— Молодец, Витька!

В это время в класс вошел Сеня. Он остановился у доски, соображая, что произошло. По лицу Гали он понял: очередная шутка по поводу «очхор».

— Бережнов, — сказал он, — я поставлю вопрос о тебе на совете отряда. Тебе как старосте группы позорно смеяться над своим товарищем!

— Буду у тебя спрашивать разрешения на смех! — огрызнулся Яшка. — Ты меня, Зямин, отрядом не пугай. Мы сами с усами. Завязался спор.

— Пока ты еще не уехал на Украину, Бережнов, веди себя в группе как подобает пионеру.

Яша дернул конец своего галстука. Казалось, что он хочет его сорвать и бросить Сене. Сеня, не отрываясь, смотрел на руку товарища. Глаза его предостерегали: «Только посмей сорвать!»

— Нето?

— Нето поговорим на отряде!

По партам разошлись они нехотя, точно не закончив драки. Вошла Агния Сидоровна, неся впереди себя свернутую географическую карту.

Агния Сидоровна осмотрела ряды и, заметив смущенное лицо Стрепетовой, вызвала ее к карте: «Наверно, урока не знает, прячется!»

Сеня не расслышал вызова, не видел, как Галя поднялась и пошла к доске. Мысленно он спорил с Яшей. Он очнулся, когда его потянул за рукав Витя.

— «Буксир», подсказывай. Галка твоя заваливается.

Класс командовал:

— Стрепетова, ниже, ниже! С'езжай вниз по Волге!

— Выше!

— Стоп!

Яша поднял руку.

— Агния Сидоровна, спросите ее притоки Волги. Она здорово их знает. Она теперь на «буксире»!

А Галя стояла у карты и молчала. Она уже который раз указывала Оку и Каму, но остальных притоков найти не могла. Карта поплыла у Гали перед глазами. Моря и реки залили сушу, горы громоздились друг на друга, огромными точками вырастали перед глазами ненужные города. А голова со всех концов класса становилась громче и насмешливее:

— Держись, Галка! Не смущайся. Правее. Левее...

Но все покрывал громкий и искусный шопот Витьки Голикова.

Больше всего подсказывает Витька на уроке географии. Подсказывает из озорства. На зло Агнии Сидоровне, которую не любит. Всегда невпопад, но зато всегда так ловко, что ни разу не удалось еще поймать его с поличным.

Но Галя не слышит подсказа. Галя молчит. Тогда Агния Сидоровна, окончательно потеряв терпение, идет дальше:

— Галина, расскажи, пожалуйста, все, что ты знаешь о Днепре.

Не успела Агния Сидоровна задать вопрос, как яркий солнечный зайц прыгнул на стенку, оттуда на карту и, дрожа и переливаясь всеми цветами спектра, лег на Днепр.

Агния Сидоровна не заметила зайца. Не дождавшись ответа, она стала спрашивать о Сибири. Но и о Сибири Галя не знала. О Сибири не знал и солнечный зайц. Он метался по карте с юга на север, с востока на запад и вдруг, отчаявшись, прыгнул на Агнию Сидоровну и заиграл на ее лице.

Около третьей парты упал костыль. Агния Сидоровна вышла из класса, громко хлопнув дверью.

Коля

Вниз по лестнице бежит вожатый Коля Подосенов. Он бежит запыхавшись, на ходу отвечая ребятам и что-то также на ходу спрашивая. Завидев вожатого, Витя Голиков оседлал перила и мигом с'ехал Коле наперез.

— Стой, Подосенов, новость!

— Ну что ты мне, Витя, под ноги лезешь в самый горячий час. Заходи в пионерскую после уроков.

Но Витя уже схватил Колю за рукав и нетерпеливо выкладывает новость:

— У нас в группе «буксир»

Сверху, снизу, со всех сторон, учуяв Колю, бегут ребята. Он всем нужен, у всех есть к нему какое-нибудь дело, но Коля всегда неуловим, и поймать его трудно, как трудно поймать школьный звон.

Точно он бывает в одно и то же время в разных концах школы, на разных этажах, и отовсюду зовут его сразу:

— Подосенов!

— Есть!

— Где Коля?

— Здесь.

Но откуда идет его голос,—никто никогда не знает. В пионерскую комнату ребята всегда врываются еле дыша:

— Не видали Коли? Всю школу обегали.

— Только что был, и везде он был только что, и нигде его не найдешь.

Коля решительно отбивает натиск Виктора:

— Давай организованно. Только организованно. У меня нет времени выслушивать всех зараз.

Сроки жмут Колю. Каждый день сваливается что-нибудь новое, неожиданное и всегда раньше, чем Коля этого ждал.

«Пионерскую правду» раскрывает всегда Коля с опаской и тайным страхом. В каждом номере что-нибудь его подстерегает. То образцовый вожатый подмигивает и ехидно улыбается, то на первой полосе карикатура, от которой Коле совестно становится, точно обругали его, Подосенова, но случайно по имени не назвали.

Разговор о «буксире» застиг Колю врасплох. Нужно было что-то сейчас же сделать, организовывать, говорить. Конечно, это — дело вожатого.

— Главное — сроки, — сказал Коля и тут же записал что-то в свой вечный блокнот.

— Все, начиная от заведующего школой, кончая школьной нянечкой Настей, любили

Колю. Но все с одинаково теплой усмешкой и недоверием относились к его «мировым» делам, поспешным решениям, не ладившим со сроками, к его «вечному» затрепанному блокноту. Кто не знал колиного блокнота? Это был большой настольный блокнот, с которого «для удобства» был сорван переплет. Обмякший от времени, он легко сворачивался и умещался в кармане кожных брюк, хотя и торчал оттуда, как труба.

И чего только не было в колином блокноте! Личные записи перемешались со школьными, «очередное» предложение рядом с подхваченным случайно острым словом или интересной мыслью, перечень книг «для прочтения в первую очередь» переплетался со списками фамилий школьных ребят.

Первый день учебного года — первая страница колиного блокнота. Здесь все чисто, ясно, все изложено по плану. «Первоочередные» дела помечены галочками, имена стоят чинно,—но никогда нельзя было точно предусмотреть, на какой странице строчки выйдут из строя и перемешаются со множеством восклицательных и вопросительных знаков, перемешаются, как все дела и замыслы Коли Подосенова.

Три года Коля—вожатый. В каждом новом учебном году, после каждого каникул Коля начинает все сначала. Сначала у него ладится. Даже впереди других идет его отряд. Но неизвестно, где и когда дела забегут вперед и перепутаются.

— Было бы у меня время, о нас бы в газетах писали.

Но дни бегут. Время бежит впереди Коли, и каждый вечер перед сном, умученный дневными заботами, «текущими делами», твердо решает Коля назавтра начать все свои дела заново.

Разговор в пионерской комнате

Больше всего беспокоили вожатого Колю Подосенова дела в 6-й «А». Их накопилось здесь так много, что о них говорят уже во всей школе. Неприятности выскакивают в этой группе неожиданно. Хотя бы эта история с солнечным зайцем!

Сеня сидел против Коли, хмурился и ждал.

— Почему у вас это выходит, Сеня? Кто виноват? Ну, к примеру, твоя ссора с Яшей. Из-за чего это вышло? Были друзья, стали враги. А теперь. Из-за вас и в группе неладит. Ну из-за чего все это у вас вышло?

Сеня молчит

— О вашей группе, — продолжал Коля, — скоро во всем районе говорить будут. Нигде такой второй нет. Еще подожди! Допрыгайтесь, о вас в «Пионерке» напишут! На первой полосе.

— Наверное, с портретом вожатого! — ехидно замечает Сеня.

Коля мимоходом спрятал «Пионерку» в карман. Опять на второй полосе портрет лучшего пионервожатого. А эти портреты Коля принимает всегда как тяжкий укор себе. Уж лучше не смотреть!

— Ну, почему у вас в группе все так происходит? — продолжает пытаться Коля.

Но Сеня молчит, и Коля теряет терпение.

— В конечном счете, — говорит он, — на сегодняшний день 6-я «А» имеет меньше «неудов» чем 6-я «Б».

— Мы с ними не равняемся!..

Коля слезает с подоконника и садится с Сеней на один стул: «Иногда этот Зимин точно в броню закован. Цедит что-то сквозь зубы, а толку не добьешься!»

— Поговорим как товарищи. Просто, как товарищи. Ну скажи мне, пожалуйста, Зимин, кто виноват в том, что вы обидели Кузьмина?

— Все виноваты.

— А кто виноват в том, что пустили зайца на географию?

— Наверное, заяц...

— А кто виноват в том...

Но Сеня не дает ему договорить.

— Может, и ты, Коля, виноват. Ты вожатый отряда.

— Может быть, я и в том виноват, что ты с Яшей поссорился?

— Может быть.

Часы в пионерской показывают одиннадцать тридцать — большая перемена. О чем-то неразборчиво кричит радиорупор, и крик врывается в обычный школьный шум. За дверь пионерской комнаты слышен топот, смех, обрывки песен. Впередгонки несутся по лестницам.

Сеня поспешно подтягивает костыль и идет к двери. Он идет медленно, точно еще хочет вернуться: «Я был неправ: совсем не так хотел разговаривать с Колей. Ведь Коля — хороший парень». Сеня хотел бы вернуться и сказать Коле что-нибудь хорошее: «Подосенов, давай вместе подтянем нашу группу. И к весне о нас в «Пионерку» напишут. На первой полосе с портретом». Но Сеня не вернулся. Он вышел и осторожно прикрыл за собою дверь.

Когда стук костыля затих, Коля достал свой истрепанный блокнот и на единственной чистой странице записал повестку дня очередного совета отряда:

«Пункт первый. О дисциплине в 6-й «А». («Кузцовый час», солнечный заяц и прочее).

Пункт второй. О дружбе. (Галья Стрепетова, Яша, Сеня и другие.)»

Он подумал и вписал в блокнот:

«Пункт третий. О вожатом».

Шел урок. Коля на цыпочках дошел до конца коридора, где была 6-я «А». Половина двери здесь стеклянная, стекло зеленое — весь класс кажется изумрудным. Изумрудный Андрей Иванович что-то увлеченно объясняет, и вся группа слушает его и не шелохнется. Даже Витя.

«Конечно, я был неправ сегодня».

И он приоткрыл дверь, отыскал глазами Сено и улыбнулся ему. Сеня кивнул головой в ответ.

Поздно вечером, засыпая, Коля перебрал в памяти все дела прошедшего дня. Разговор с Сеней не шел из головы:

«Кто же виноват в самом деле в том, что 6-я «А» — худшая группа по дисциплине во всей школе? Может быть, и я?»

Колечко

Пелагея Стрепетова нагнулась к спящей Гале и тихонько поцеловала ее в щеку. Мать при всей своей доброте ласкала девочку редко. Галья даже сквозь сон смутилась и прижалась щекой к пухлой материнской руке. Стрепетова с минуту таинственно улыбалась, потом достала из глубокого кармана колечко с бирюзой и надела его на галин мизинец.

— Это тебе. С днем рождения!

Спросонья Галья ничего не поняла. Она недоуменно глядела на голубой камешек, вправленный в серебро. Раньше мать давала подержать это колечко, когда перекладывала вещи в сумку, но тут же отбирала его. Колечко это было так же недосыгаемо, как и красное шелковое платье с белыми рюшами — остатки маминой молодости.

Ощувив колечко на мизинце, Галья даже вскрикнула от радости, но через секунду сняла колечко и потеряла мизинец, точно на нем остался след.

— Мне этого нельзя, мама, я пионерка! Понимаете сами, что нельзя. Я не барышня, чтобы колечка носить.

— От такого подарка не откажешься! — и Пелагея Ивановна хитро улыбнулась. —

Одно дело — в школе, а другое — дома. Кто тебя проверять станет?

Галя нерешительно хмурилась.

Должно же было так случиться, что накануне они с Сеней говорили о бантах, о серьгах и кольцах. Разговор зашел из-за того, что Зойка пришла в класс с огромным бантом в волосах. Бант был яркосиний и торчал как рога. Девочки глядели на Зою, иные с откровенной завистью, другие с завистью скрытой, мальчишки — с явным презрением. Бант был до того необычным явлением в школе, что мальчишки сразу же подняли Зойку насмех.

— Гражданка, снимите пропеллер! — крикнул кто-то из задних рядов. — Нам доски не видно.

— Зойка, держись крепче! Улетишь!

Но Зойка не сдавалась. Яркосиний бант стойко держался у нее в волосах. Тогда мальчишки решили донять Зойку. Наспех мастерицы банты из бумаги, и руки с бантами стали взлетать то здесь, то там над партами.

— Зойка, заводи мотор!

Вечером, за уроками, Сеня и Галя обсуждали этот случай. Как всегда, Сеня относился к делу «принципиально».

— Девчонки любят подражать дикарям, — сказал он. — Навешать на шею бусы — то же, что навешать на шею связки зубов, как это делают дикари. Я бы за тебя, за сережки и банты исключал из пионерского отряда. Я бы с тобой, Галя, ни почем дружить не стал — с такой... бусовой.

— А если это красиво? — спросила Галя.

— Ну продень себе в нос колечко, — усмехнулся Сеня. — Может, и это красиво.

Вопрос был «принципиальный», и Сеня о «баракле» больше говорить не пожелал. Вечером Галя отколола пряжку со своего берета и спрятала ее в ящик. И решила твердо: Сеня не увидит на ней ни одной побрякушки.

Колечко лежало около Гали, на подушке. Оно голубело как крошечное яичко, выброшенное из гнезда необычайной птицы.

— Кольца, мама, одни дикари носят. Что на палец надень кольцо, что в нос его продень. Это одно и то же. Ну зачем нужно человеку кольцо? Вы мне скажите.

— Может, человеку и платью красивое нужно? — обиделась Пелагея Ивановна.

Галя произнесла слова резонно, как Сеня. Точь в точь:

— Если оно шелковое какое-нибудь, очень яркое, со всякими такими украшениями, пряжками, — конечно, оно ненужно.

Мать поспешно спрятала кольцо в карман.

— Учителей у тебя много. Колечко тебе не разоравилось. Я вижу. Только уж тебя кто-нибудь взбаламутит. Не иначе твой хромоногий. Вот запрещу ходить сюда, и кончится дело.

Галя

День Пелагеи Ивановны был размерен галиными делами. Если, вернувшись с работы, в обычный час, она не застанет девочки, Стрепетову охватывает тревога. Ей кажется, что Галя никогда больше не вернется. Ее задавило трамваем, ей на голову упала балка, она свалилась с лестницы, ее до смерти избили мальчишки. И Стрепетова в нетерпении бежит в школу. Она сидит в раздевалке и ждет звонка.

Но вот шумно высыпают в раздевалку ребята. Знакомые. Незнакомые. Мимо. Мимо. И вот, наконец, показывается Галя. Это момент величайшего счастья и радости, когда сердце готово вырваться навстречу девочке. Кажется, она давным давно не видала ее.

А Галя, заметив мать, сердится:

— Не надо приходиться за мной, мама. Я ведь уже не маленькая, Мне стыдно!

Пелагея Ивановна любит смотреть, как Галя, склонившись над столом, пишет в тетради, как аккуратно выводит заглавные буквы. Она любит читать по ее учебникам непонятные страницы, помеченные словами «отсюда — досюда» Никто и не догадывается, что Пелагея Ивановна знает почти все пионерские песни наизусть, все песни, которые разучивает Галя. Она поет их про себя, когда никого нет дома.

Вся нехитрая жизнь Пелагеи Ивановны проходит на виду у девочки. Иногда надоест навязчивая забота матери, а без матери и день не мыслится Гале.

Мама! Оттого ли, что она так близка, живет в каждой твоей большой и малой нужде, не всегда ее замечаешь! Не замечаешь, как свою здоровую руку, как целый глаз, как сердце, что ровно бьется в груди.

В самый приятный для Гали день, в день ее рождения, двадцатого декабря, мать всегда, как на зло, ходит встревоженная, смотрит куда-то поверх рассеянными гла-

зами, чересчур обидчива и все о чем-то думает. Это злит девочку. Так хочется, чтобы все были особенными, внимательными и ласковыми в этот день. Точно все вокруг должно таить для тебя сюрпризы в день твоего рождения и улыбаться тебе, а мама и подавно...

Но двадцатое декабря не было днем рождения Гали. Далекие и путаные концы одного дня были запрятаны от всех в памяти Пелагеи Стрепетовой. Об этом дне она вспоминать не любила, с годами тень его слабла, но всегда накануне этого дня Стрепетова спала тревожно, просыпалась от смутных ночных дум, долго ворочалась, вздыхала и успокаивалась лишь тогда, когда своими руками обнимала девочку и, ощутив в ладонях ее теплые щеки, говорила:

— С днем рожденья, дочка!

И Галя отвечала:

— Спасибо, мама!

Тринадцать лет тому назад умерла у Пелагеи Стрепетовой на Волге мать. Это было в тысяча девятьсот двадцать первом году. Не выезжавшая из Москвы уже много лет, пустилась женщина по бездорожью в Казань. На обратном пути Стрепетова сутками сидела на холодных станциях, помогала таскать поленья к обессиленным паровозам, вместе с десятками ожидающих глаз вглядывалась в темноту и слушала, когда сквозь пургу прорвется спасительный гудок.

— Поезд!

На обратном пути, на маленькой заброшенной станции под Казанью, на перепутье, за три дня ожидания к рукам Стрепетовой привыкла маленькая рыжая девочка. Сначала она боязливо жалась к своей больной матери, укутанной в солдатское одеяло, прятала от «чужой» мамин узелок (что-то увязанное в платочек, серый в черную клеточку). Потом привыкла. Стрепетова кормила девочку и пела ей песенку про «кутят».

На станции лежала тьма. Хозяйничала вьюга. Обледенелые рельсы безучастно бежали куда-то мимо, на Москву. Мать рыжей девочки умерла тихо, укрывшись солдатским одеялом, прошептав перед смертью невнятные какие-то слова и адрес. Все это записал случайный проезжий и, вложив в самодельный конверт, заклеил хлебным мякишем. Письмо указывало дальнейший путь девочки.

Ночью рыженькая спала на руках у Стрепетовой. Спрятав ручки за теплую пазуху, она спростоня позвала:

— Мама!

И Стрепетова ответила ей первым повернувшимся именем:

— Галенька...

Той же ночью Стрепетова, укутав девочку в свой платок, брала приступом место в теплушке. Поезд шел на Москву. В туалете был выбит из рук женщины мешочек с хлебом. Вместе с ним и письмо с адресом. Кто знает, куда занесло его ветром?..

В руках у Стрепетовой остался чужой узелок, что-то увязанное в платочек, серый в черную клеточку, и судьба рыженькой девочки, названной ею Галей.

Татьяна Ларина

Школьный драмкружок готовил к каникулам новую постановку — отрывок из «Евгения Онегина». Главную роль — Татьяны Лариной — прочно завоевала в группе «А» Таня Сигида. Галя завидовала ей. Она могла бы быть лучше Тани, и сыграть она могла бы так, что ее назвали бы «настоящей актрисой». Но она робела на сцене.

Иногда Галя задерживалась перед дверью, где шла репетиция и подслушивала. И шопотом подпевала, подсказывала, исправляла ошибки. Она знала роль Татьяны Лариной наизусть. Дома она закалывала волосы по старинной моде, приседала, отбрасывала ногой подол воображаемого бального платья. Она играла перед воображаемыми зрителями...

Уже все было давно готово к спектаклю, до каникул осталось несколько дней, когда Таня Сигида поссорилась с «Евгением Онегиным». Коля Подосенов, озабоченный, носился по школе, без конца уговаривая Танию. Но Таня была непреклонна. И роль Татьяны Лариной передали Гале Стрепетовой. Это было неожиданное счастье. Она стала смотреть, улыбаться как Татьяна Ларина. Засыпая, она шептала роль. И решила во что бы то ни стало выпросить у матери к спектаклю красное шелковое платье. Правда, после истории с колечком просить платье было неловко. Но это же для сцены, а не «вообще». И вот трудный момент настал.

Пелагея Ивановна шумно выложила на стол красное платье. Оно развернулось непомерно широким подолом, и заняло весь стол. Жестяной чайник, сахарница, рыжая фаянсовая масленка скромно посторони-

лись на самый край. Платье из трескучего шолка, отделанное белым тюлем. Тюль взбит пышными рюшами на груди и на рукавах. Пелагея Ивановна осторожно смахивала пылинки с подола и нерешительно смотрела на Галю.

— А если «Евгений» твой «Татьяне» на подол наступит? А если он руками белый рюш ухватит, а у него, может, руки жирные, тогда как?

Пелагея Ивановна любовно расправляет рюш. Тюль сохранил былую свежесть и напоминает о молодости Пашеньки Стрепетовой. Платье пылает. Сейчас оно кажется Гале прекраснее и богаче чем раньше. Как переливается у пояса шёлковая муаровая лента! Как эта лента обхватит талию! Раздастся звонок. Коля дернет занавес. Галя выйдет на сцену, и платье заполнит все во-круг шорохом и блеском. Бал. Она встречается с Онегиным, но Онегин смотрит не на нее. Он смотрит на платье.

«Откуда у Гали такое платье?» И шопот пробегает по рядам. Но о платье никто не должен знать до последней минуты. Она придет в нем и сразу ошеломит всех. И с тех пор в школьных спектаклях она всегда будет первой.

Девочка замечталась. Она уже видела себя взрослой актрисой. Она едет домой из театра на автомобиле. Вот машина под'ехала к воротам, ребята со двора выбежали смотреть. В пятнадцатой квартире, где живут Голиковы, распахнули окно, и все шепчут: «Галька приехала. Галька приехала».

А Стрепетова уже мысленно примерила платье Гальке и с гордостью подумала:

«Какая она у меня большая стала! Как незаметно промелькнули годы».

Пелагея Ивановна шумно вздохнула. Ни разу не пришлось ей вынуть это платье из сундука. «И в те трудные годы не продала его», — с гордостью подумала Стрепетова. И она вдруг увидела, как Галька выступает в этом платье и ребята сгрудились вокруг нее. Кто пояс цупает, кто рюши взбивает, кто ленту гладит. А вот кто-то зацепил его и разорвал.

Пелагея Ивановна решительно складывает платье.

— Не дам я тебе, дочка, этого платья в школу. Хоть проси, хоть плачь. Я в нем памятку имею очень драгоценную. Не дам!

Характер у Пелагеи Стрепетовой мягкий. Иной раз хочется ей прикрикнуть мягко, сказать слово по-хозяйски. Но гнев ее

точно сразу выдыхается. И никто ее не слушается. Даже кот Лымка. Крикнешь на него, а он хвост трубой. И пошел, куда желает.

Редко бывает так, чтобы Пелагея Ивановна что-нибудь сказала твердо и ничем бы ее сбить нельзя было. Если в чем и откажет, то всегда «наотрез», но через минуту все от сердца отойдет и отказа как не бывало.

— Не дам, — твердо повторила Пелагея и сложила платье. — Раз и навсегда.

Галя знала, что сейчас же мать строго взглянет на нее, но в этом сердитом взгляде будет раскаяние. И хотя Галя все это знала и хотела попросить ласково, обещать, что никто платья и рукой не коснется, но слова на язык пришли другие:

— Какая вы, мама! — сказала Галька. — От родной дочери вы свое добро стережете. Одно жестокое, несправедливое слово влекут за собой другое. Галя хотела остановиться, но не могла:

— Я в одной пьесе писателя Островского такую мать видела. Ужасно жадная! Вы точно при царе живете. Богу молитесь. Суеверия разные развели и меня научили. Если дальше так будет, меня из отряда выгонят.

Пелагея Ивановна слушала молча, не отводя глаз от платья.

— Тебя бы на свете не было, если бы не я. Кто с тобой ночей не спал? — сказала она тихо. — Может быть, ты меня и выгонишь за мои заботы на старости.

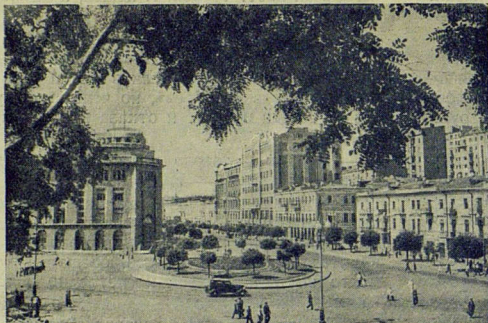
Стыдно перед матерью и жаль ее. Так и обняла бы ее и сказала бы ей что-нибудь такое ласковое, чего еще никогда не говорила. И расцеловала бы подрагивающие от волнения щеки. Но вышло иначе:

— Я ваша дочь, и вы обязаны обо мне заботиться и сейчас и когда была маленькой. Какая же вы мать, если вам платье старого жалко! Тане Сигиде вот шёлковое платье новое купили, а вам все жалко.

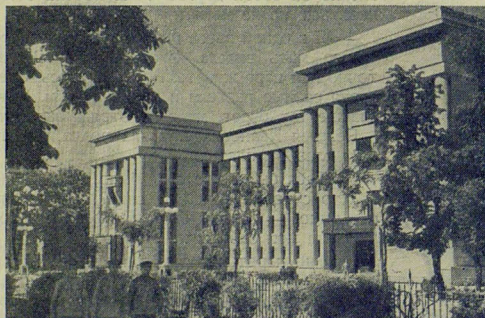
Пелагея Ивановна сердито спрятала платье в сундук. Швырнула туда кофточку, обшитую стеклярусом, старую шляпу и вдруг, подозрительно глянув на девочку, она поспешно сгребла лежавший в стороне узелок, серый в черную клеточку, и сунула его на самое дно.

«Тоже, драгоценность! — подумала Галя и зло дернула уголками губ. — Узелок с какими-то бумажками старинными. И зачем она его так бережет? Вот как-нибудь доберусь и развяжу его. Назло!»

(Продолжение в следующем номере)

Столица Советской Украины — Киев.

Минск — столица Советской Белоруссии.

Хлопковые поля Узбекистана.

Презренные предатели и убийцы из «право-троцкистского блока» бесстыдно торговали нашей родиной, торговали счастьем ее народа.

Они обещали немецким фашистам Украину, польским панам — Белоруссию, японским генералам — Приморье, английским империалистам — Среднюю Азию.

Бухарин, скрывавший свое лицо убийцы и предателя под маской ученого, философа, ругал изменника Икрамова за то, что тот недостаточно активно связывался с английскими шпионами.

Рыков обучал польского шпиона Шارانговича, как вредительствовать в Белоруссии, чтобы легче было оторвать эту республику от Советского Союза.

Гринько — одновременно и германский и польский шпион — организовывал на Украине кулацкие банды, пытался всадить нож в спину украинским колхозникам.

Вот эти города, вот эти земли хотели отдать они капиталистам и помещикам. На этих улицах хотели они расставить полицейских, на этих полях — барских надсмотрщиков.

Десятилетиями вынашивали предатели родины свои преступные замыслы. На другой же день после Октябрьской победы пытались они отдать Советскую страну на растерзание немецким полчищам.

Об этом рассказывается в статье, которую вы сейчас прочитаете.

Дни Бреста

Б. Ивантер

Бывают дни, когда события далекого прошлого вспоминаются так ярко, будто они произошли вчера. И радость, и боль, и обида, и ненависть тех далеких дней снова кипят в сердце человека. Так, многие люди во время последнего процесса над преступниками из «право-троцкистского блока» вновь припомнили и пережили первые месяцы нашей революции — самые радостные дни октябрьских побед и трудные, невыносимо тяжелые дни Бреста, когда германские полчища тучей нависли над только что родившейся Советской республикой.

В конце 1917 года, когда над нашей страной взвился красный флаг социалистической революции, в мире все еще грохотала империалистическая война. В некоторых боях на каждый метр фронта упало 150 снарядов. На каждый квадратный метр! В аду, в непрерывном громе артиллерии, в холоде и сырости, во вшах и в грязи, среди тысяч смертей три года подряд безжалостно и беспощадно убивали друг друга люди, посланные на войну капиталистами. Одурманенные и обманутые в начале войны, они начинали понимать, что не им нужна эта человеческая бойня. Первыми это поняли солдаты русской армии — рабочие и крестьяне, одетые в серые шинели. Они пошли за партией большевиков и нашли выход из войны — направить штыки против своих угнетателей.

И как только гудящиеся России победили, как только в Питере была установлена советская власть, новое правительство Советской республики обратилось по радио ко всем народам и правительствам с предложением начать переговоры о мире.

В войне участвовало к тому времени 22 народа. Германию и ее союзников теснили ее противники — страны Антанты (Антанта — согласие; странами согласия называли себя Англия, Франция и Россия), к которым незадолго присоединилась Америка, могучая страна Соединенных штатов.

Антанта видела, что победа на ее стороне. Она не собиралась заключать мир, а тем более мир без захвата чужой земли,

как предлагало советское правительство. Такой мир был невыгоден побеждающей буржуазии стран Антанты.

Они ничего не ответили на предложения Советской республики, и мы начали без них вести с немцами переговоры о мире.

Теперь представьте себе фронт на тысячи верст, изрытую воронками от снарядов землю, бесконечные ряды окопов и остатки русской царской армии — солдат, измученных до последней человеческой возможности, которые ждут от новой власти мира, во что бы то ни стало мира!

Первым словом большевиков, когда они пришли к власти, было слово о мире, о мире для всех народов, и если буржуазия Антанты не отвечает советскому правительству, надеясь взять свое, наступить на горло побежденным и потуже набить свои карманы, то советское правительство, выполняя волю своего народа, без них, без этой шайки «союзников» России, заключит отдельный, сепаратный мир с Германией.

И вот объявлено перемирие. На фронтах необычная тишина, неправдоподобная после трехлетнего грохота снарядов, визга пуль и стонов людей. Можно безопасно высунуть голову из окопа, можно даже вылезть из него, потоптаться на твердой от мороза земле, можно даже пойти к немцам покурить, поговорить, правда, больше жестами чем словами, можно за спиной немецких офицеров раздать солдатам листовки, напечатанные немецкими буквами, где большевики советуют немецким солдатам поднять восстание, помочь своим рабочим сбросить кайзера и капиталистов, как это сделано в России.

А в логово к немцам, к немецким генералам, которые пока еще держали свою армию в железном кулаке, приехала для переговоров о мире советская делегация.

В ту пору, когда революция с победой шла по России, к партии большевиков присоединились чужие люди. Были среди них и крикуны, горлодеры, которые при первой серьезной опасности сеяли панику вокруг себя, были и прямые враги, спрятавшие на время свое оружие, чтобы в труд-

ный момент подколоть советскую власть, всадить ей нож в спину.

Одним из таких врагов был Троцкий, в то время председатель советской мирной делегации.

Таковыми были Бухарин, Пятаков и еще другие, которые в разное время по разным поводам боролись против Ленина.

На всех важнейших поворотах истории, когда партия должна была быть особенно смела и решительна, эти люди висли на ней, пытались связать ее по рукам и по ногам, заставить ее пойти по ложной дороге. Так было и тогда, на труднейшем повороте истории, когда враги Ленина и партии требовали войны с немцами во что бы то ни стало.

Ясный ум Ленина видел, что немец вооружен до зубов, а русская армия бессильна и почти разоружена. Ясный ум Ленина видел, что немецкое наступление отдаст им всю Россию, потому что русская армия не может воевать. Ясный ум Ленина видел, что немецкая армия на своих штыках принесет восстановление власти капиталистов. Русская буржуазия ждала немцев как избавителей, русские генералы и офицеры, вчера водившие солдат на убой и звавшие их воевать до победного конца, сегодня ждали помощи от немцев, чтобы расправиться с восставшим русским народом. Это были первые дни советской власти. Тогда еще не было Красной Армии, которая годом позже громила превосходно обученные и снабженные войска белых и интервентов. Наступление немцев в те дни опрокинуло бы первую в мире Советскую республику, и во имя революции нужно было любой ценой отгородиться от немцев, сохранить любой ценой власть рабочих и крестьян, добиться передышки, чтобы привести в порядок свои дела, построить свою армию. Для этого нужен был мир.

Ленин знал, что дешево этот мир не купишь! Что немецкие генералы, двойные наши враги — враги русского народа и русской революции, — захотят заграбастать все, что смогут окинуть оком. Но какую цену не отдашь за рожденную революцию?!

— Если для спасения социалистической революции, — говорил Ленин, — нам нужно пройти через грязный хлев, именуемый брестским миром, то это надо сделать.

Ленина решительно поддержал Сталин.

Это было мужественное решение. Бесконечно трудно было после победоносной революции проходить через этот грязный хлев. Немцы требовали отдать им огромную территорию: Польшу, Литву, часть Эстонии, Латвии, Белоруссии и Украины, заплатить им контрибуцию в 3 миллиарда рублей! Но было ясно, что нужно идти на это, иначе немцы силой задушат революцию.

Гибели революции и добивались противники Ленина, изменники, называвшие себя «левыми коммунистами», — Бухарин, Пятаков, Осинский и другие.

— Ну и пускай задушат! — кричали они.

Один из них так и сказал:

— Это очень хорошо, если немецкий империализм нас задушит: гибель Советской республики пробудит революцию на Западе.

Эти изменники, готовые положить голову революции под немецкий топор, любили щеголять красивыми, как будто революционными фразами о «революционной войне», о пробуждении революции на Западе. Что им до того, что там революции еще нет, а у нас, говорил Ленин, «уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая революция, которого мы можем убить, начиная войну»!

Убить революцию было их целью. Задушить революцию германским бронированным кулаком — этого они добивались. Это скрывалось за «революционной фразой», которую всем своим существом ненавидел Ленин.

Итак, война, война во что бы то ни стало, война до гибели советской власти, кричали «левые». Это была одна группа предателей с Бухариным и Пятаковым во главе.

Была и другая группа противников Ленина: тут орудовал Троцкий, который предложил мира не подписывать, но и войны не вести, а солдат распустить по домам.

— Но ведь если мира не подписывать, а армию распустить, то кто же помешает немцам занять всю страну?

— Немец не будет наступать, — отвечал Троцкий, — не решится.

С таким же успехом можно было утверждать, что голодный удав не станет есть беззащитного и бессиленного кролика. Немецкие войска могла бы остановить германская революция, но она еще только

зрела, и полагаются на то, что она поспеет к началу германского наступления, — это значило гадать на кофейной гуще. Гроза революции надвигалась, но в какой день и час ударит молния, предвидеть точно не дано было никому. Даже гении революции Маркс и Ленин не брались предугадывать точно сроки таких событий, только шарлатан мог по таким предсказаниям рассчитывать тактику революции, только изменник мог бы решиться по таким доводам поставить революцию под смертельный удар. Троцкий был и тем и другим: и изменником и шарлатаном.

Предложения Бухарина и Троцкого отличались по форме, они были изложены разными словами, но оба сводились к одному. Поэтому оба изменника действовали вместе, и Бухарин в конце концов проголосовал за предательский лозунг: «Ни мир, ни война!», — проголосовал против линии Ленина, Сталина и Свердлова.

И вот Троцкий, председатель советской мирной делегации, должен выехать в занятый немцами Брест-Литовск для переговоров о мире. Вот его последняя беседа с Лениным. Ленин снова и снова, в который раз, железными доводами припирает его к стене. Как дважды два—четыре доказывает он ему, что если мир не будет подписан, гибель революции неизбежна. Скрывая за поблескивавшими стеклами свои глаза предателя, Троцкий обещал Ленину подписать в Бресте мир.

— Советская делегация, — говорил Ленин, — должна затягивать переговоры, чтобы выиграть время, а когда немцы предъявят ультиматум, — подписать мир.

Троцкий дал Ленину слово, что выполнит его указания.

Еще раз, уже из Бреста, запросил Троцкий мнение Ленина по телеграфу.

И Ленин со Сталиным, без которого он не принимал важнейших решений, ответил ему:

— Наша точка зрения вам известна, она только укрепилась за последнее время.

Наступил последний день, и... Троцкий сорвал переговоры, заявив, что Советская Россия мира не подписывает, из войны выходит и армию демобилизует.

Так Троцкий открыл двери в нашу страну германской кайзеровской армии. Так он обманул Ленина и предал советский народ. Это произошло 10 февраля 1918 года.

В 12 часов дня 18 февраля истек срок перемирия. С утра уже русские солдаты заметили, что в германских окопах не та жизнь, что вчера, а ровно в 12 часов, буд-то по одной команде, на всем огромном фронте в 3 тысячи верст в ширину грянули десятки тысяч орудий. Будто и не было тишины перемирия: небо снова стало грозным, ревущим, грохочущим, свистящим, железный град осколков, свинцовый дождь шрапнели снова разразился над русской, украинской, белорусской землей, затакали пулеметы, и уже теперь не в бескозырьках, как вчера, а в серых стальных шлемах, скованные жестокой дисциплиной, германские солдаты тысячами, десятками, сотнями тысяч вышли из своих окопов и пошли в наступление на Питер, на Киев, на Смоленск, на Одессу, на Екатеринослав.

Троцкий сдержал данное немцам обещание: армии перед ними не было. Бросая орудия, пулеметы, винтовки, облепив поезда, а то и пешком, по дорогам и без дорог уходили, убежали с фронта остатки старой, царской армии. Это было то, что предвидели Ленин и Сталин. Вот оно, следствие предательства Троцкого, а ведь еще вчера вечером, накануне немецкого наступления, он и Бухарин смели нагло заявлять, что «немец не будет наступать».

Положение все ухудшалось. Немцы занимали один город за другим, одну губернию за другой. В занятом немцами городе Двинске русские офицеры надели уже погоны, сорванные с них революцией. Немцы возвращали старый порядок.

Их нужно было остановить, а остановить их можно было только заключением мира, вынужденного, унижительного, трижды проклятого, но необходимого революци- ми мира. В ночь с 18 на 19 февраля немцам была послана телеграмма о согласии советского правительства на мир.

Немцы ответили не сразу — они продолжали наступать.

Из-за предательства Троцкого они захватили 680 тысяч квадратных километров территории с 38 миллионами жителей и на 2 миллиарда рублей золотом оружия и снаряжения. Вот чего стоило нашей стране предательство Троцкого!

Немцы продолжали наступать, и, не останавливая наступления, они предъявили еще более тяжелые требования чем те, которые отказался принять Троцкий. Они потребовали, чтобы мы отдали всю Лат-

вию, Эстонию, Финляндию, всю Украину (а во всех этих краях уже была советская власть), демобилизовать всю армию и заключить невыгодный для нас хозяйственный договор с Германией да еще отдать три области на Кавказе Турции. Вот как мы должны были расплачиваться за предательство Троцкого!

Такие условия получили мы от врага, и их нужно было принимать, стиснув зубы, сжав кулаки, их нужно было принять, чтобы спасти революцию, а Бухарин и Троцкий все еще противились миру.

23 февраля в одной из комнат Смольного идет заседание ЦК партии. И здесь, когда враг у ворот, «левые» смеют еще продолжать свою предательскую болтовню, играть «революционными фразами». Ленин бегаёт по комнате в сильнейшем возбуждении: он возмущен этими крикливыми комедиантами, которым красивая фраза дороже судьбы революции. Он осунулся и похудел за этот последний, тяжелый месяц, пока против воли партии и народа брала верх политика предательской «левой фразы», как он ее называл.

Он говорит о ней с отвращением, сквозя зубами:

— Больше я не буду терпеть ни одной секунды. Довольно игры! Ни одной секунды. Я не хочу революционной фразы! Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор советской власти через три недели. Довольно!

Ленин, гневный, решительный, сломил, наконец, сопротивление колеблющихся и получил большинство в ЦК — против Бухарина, против Троцкого, против предателей и болтунов «слева».

Но это было еще не все. В советском правительстве были тогда представители партии «левых» эсеров, враждебных большевикам. Нужно было сломить и их сопротивление. Сломали. Эсеры ушли из правительства. Сбежали с ответственных должностей и «левые коммунисты» «в знак протеста» против политики Ленина и большевиков. Но этим они не могли запугать Владимира Ильича, на это дезертирство он отвечал презрением.

Немцы уже получили наше согласие принять последние условия мира, но все еще продолжали наступать. Пал Псков. Немцы были у самого Петрограда. Нож был у горла республики. Гудки всех питерских заводов известили рабочих, что

Петроград в опасности. Рабочие знали, что это призыв Ленина, и, как в октябрьские дни, собрались на свои заводы, получили оружие и ушли на фронт. Двор Смольного, коридоры огромного здания были полны вооруженными рабочими. Смольный бурлил и кипел, как в октябрьские дни, и мозг революции — Ленин — отсюда управлял страной, давал указания новой мирной делегации, вооружал и распределял по фронтам отряды рабочих, те отряды, из которых потом родилась могучая Красная Армия.

В этом кипятке сквозь запруженные людьми коридоры Смольного к Ленину в кабинет пробирались трое из «вождей» «левых», которые только вчера дезертировали с ответственных постов, бросив все дела на произвол судьбы. Ленин занят, как может быть занят человек, на плечах которого в самый опасный момент лежит судьба революции. Ленин занят, вокруг него люди, прибывшие с фронта, едущие на фронт. Но он оживленно встречает дезертиров. Хорошо, что образумились, вернулись: работы уйма. Но нет, они не за этим пришли, они хотят еще раз объяснить, еще поспорить о войне и мире.

— А? — говорит Ленин. — Что ж? — и приглашает гостей за перегородку в своем кабинете.

Там небольшая дверь, через нее Ленин проходил в кабинет из своей квартиры. «Левые» обрадовались, сейчас они поспорят с Лениным, они ему еще...

Но Ленин, быстро своим ключом отпирает дверь и неожиданно для них говорит: — До свидания! Все объяснения и разговоры окончены.

Одного за другим он выпроваживает их за дверь, в пустынный коридорчик и поворачивает ключ на два оборота.

«Левые», очутившись в темном коридорчике, плетутся восвояси. Ленин возвращается к своей кипучей работе.

Но «левые» были не только болтунами и спорщиками: не даром большинство из вождей «левых» оказалось впоследствии шпионами фашистских разведок. Несколько лет спустя выяснилось, что бухаринцы и троцкисты вместе с «левыми» эсерами собирались свергнуть советское правительство и арестовать Ленина. Эти «левые», с позволения сказать, «коммунисты» вместе с «левыми» эсерами собирались сделать председателем Совнаркома вместо Ленина Пятакова, того самого Пятакова, который

КАРТА БРЕСТ-ЛИТОВСКОГО МИРА

1. Этими точками и тире показаны границы Российской империи.
2. По этой линии проходила граница, которую предлагали немцы во время январских переговоров.
3. Так была намечена граница во время переговоров в Брест-Литовске.
4. По этой линии проходил тогда фронт.
5. Черная линия — нынешние границы Советского Союза.
6. Так показаны границы захваченных немцами земель после того, как предатели сорвали брест-литовский мир.

через 19 лет был расстрелян по приговору советского суда как шпион и террорист.

Бухаринцы, проболтавшись об этом еще в 1924 году, утверждали, что такой план предложили им «левые» эсеры и что они, «левые коммунисты», с негодованием отвергли его. И только через 20 лет, в 1933 году, на процессе «право-троцкистского блока» выяснилось, что это Бухарин и его шайка предложили «левым» эсерам этот предательский план, что это Бухарин предложил не только арестовать, но и убить Ленина, Сталина и Свердлова. Вот какой чудовищный замысел собирались привести в исполнение люди, которые казались на первый взгляд только спорщиками и крикунами!

В марте мир с немцами был подписан. Тяжко было Владимиру Ильичу подпи-

сывать этот унижительный договор, но он знал, что главное мы сохранили: мы сохранили советскую власть, — и теперь дело за нами. Наша страна «убогая и бесильная», говорил он словами Некрасова, но станет она могучей и обильной. Он видел путь, по которому должна идти страна, чтобы стать такой, какой мы ее видим сейчас. Ленин подписал мир, республика получила передышку, чтобы залечить раны, создать свою армию. Полки германской армии занимали Украину, Белоруссию, но Ленин знал, что недалеко то время, когда он сможет порвать похабную брестскую бумагу. На Украине, занятой немцами, поднималась революционная армия: уже Щорс собирал свои повстанческие отряды, уже батько Боженко пускал под откос немецкие поезда, вывозившие из Украины сало и хлеб. Уже Ворошилов отводил свои эшелоны на соединение к Сталину в Царицын, отбываясь по пути от немцев и от белых. В эти тяжелые дни мы уже ковали свою железную, непобедимую Красную Армию.

Мир с немцами был уже подписан, но враги партии: бухаринцы и «левые» эсеры — не следили своего предательского оружия.

«Левые» эсеры решили во что бы то ни стало вызвать войну с Германией, и если советский народ не захочет воевать, то заставить Германию снова объявить войну Советам, вызвать повод для войны убийством германского посла графа Мирбаха.

И вот эсеры начинают стягивать в Москву свои отряды, чтобы сразу после убийства Мирбаха поднять контрреволюционные восстания. Отряды приехали из разных городов. Эсеры, пользуясь тем,

Вот как расправлялись германские захватчики с рабочими и крестьянами. Виселицы в Днепропетровске в 1918 году.

Покушение на Владимира Ильича Ленина.

Картина художника Соколова (Музей Ленина).

что они еще открыто работали в советских органах, организовали свой отряд при ВЧК и 30 июня 1918 года привели его в боевую готовность, чтобы выступить по первому сигналу.

Заместителем председателя ВЧК, Феликса Эдмундовича Дзержинского, был «левый» эсер Александрович. При его помощи эсеры Блюмкин и Андреев сфабриковали фальшивые документы, будто им ВЧК поручает поговорить с немецким послом, подделали подпись товарища Дзержинского, поставили печать и отправились в германское посольство.

Как только Мирбах вышел к посетителям, Блюмкин выстрелил в него из револьвера, промахнулся, бросил бомбу и убежал.

Мирбах был убит. Это произошло 6 июля 1918 года.

Страна на волосок от войны!

Эсеры уже арестовали председателя Московского совета, уж они заняли телеграф и по всей России разослали телеграммы, что Мирбах убит, что власть захватила партия «левых» эсеров.

Как только председатель чека Феликс Дзержинский узнал об убийстве, он один пошел в штаб эсеровского отряда, чтобы арестовать виновников убийства и мятежа.

Он попал в самое логово заговорщиков, и они обезоружили и захватили его в плен.

Неистовый Феликс, бесстрашный рыцарь революции, захваченный врагами, не растерялся. Презрительно и гневно он крикнул эсеровским вожакам:

— Я в ваших руках, вы можете меня расстрелять, но я предупреждаю вас, если мне удастся выйти на свободу, вы будете беспощадно расстреляны за предательство и измену народу!

Никто не знал, что стало с Дзержинским. Знали, что он один отправился во вражеский лагерь, знали, что он не вернулся, и страшная тревога охватила его друзей. Владимир Ильич велел передать эсерам, что за жизнь Дзержинского ответят своей жизнью 1000 «левых» эсеров. Если Дзержинский не вернется, они будут расстреляны.

На борьбу с эсеровским мятежом были мобилизованы партийные работники, по московским улицам расставили патрули, массы рабочих вооружались, чтобы отразить эсеровское нападение. Народ негодовал, народ был возмущен тем, что эсеры насильно толкают его на войну, которую он не может и не хочет вести.

А между тем Дзержинский, обезоружен-

ный, в кольце врагов, клеймил предателя — эсеровских вождей — на чем свет стоит. Через их головы он обратился к рядовым членам отряда, который его арестовал, и страстная убежденность его так повлияла на них, что он во главе этого же отряда ушел из здания, где с ним чуть было не расправились.

На следующий день мятеж был ликвидирован.

Мы были все же на волосок от войны. Уж германское правительство требовало нашего согласия на присылку из Германии в Москву батальона солдат для охраны посольства. Германскую военную часть в Москву! Это было бы первым шагом к воинному захвату нашей страны.

Ленин твердо и решительно отклонил это предложение. Он сказал, что на такой шаг мы вынуждены были бы ответить войной и уж в этой войне весь наш народ будет драться до последнего издыхания.

Но и на этот раз нам удалось избежать войны.

И мятеж свой и расчет на войну «левые» эсеры делали в согласии с Бухариным и бухаринцами. Они хорошо сговорились, эти две шайки изменников. Двадцать лет об этом ничего не было известно, и вожаки «левых» эсеров, уже вычеркнутые историей из жизни нашей страны как тени давнего прошлого, как могильные призраки, появились свидетелями на процессе «право-троцкистского блока». Они, оказывается, существуют еще — эти бесславные останки прошлого. Они свидетельствуют о скрытом от света предательском договоре, они свидетельствуют о еще более чудовищных делах того времени, и через 20 лет весь народ увидел тень Бухарина, направляющего руку убийцы-эсера Каплан на Владимира Ильича Ленина 30 августа 1918 года.

Член ЦК эсеровской партии Семенов был организатором покушения на Владимира Ильича. Эсеры решили убить его из револьвера, когда он будет возвращаться с митинга. Это Семенов дал террористу Каплан револьвер — браунинг с патронами, а пули отравил страшным ядом кураре, чтобы Владимир Ильич умер даже от легкой раны.

30 августа вечером Владимир Ильич приехал на завод Михельсона. Митинг кончился. Ленин, окруженный толпой рабочих, уж выходил из корпуса, стал подниматься по ступенькам, чтобы выйти во

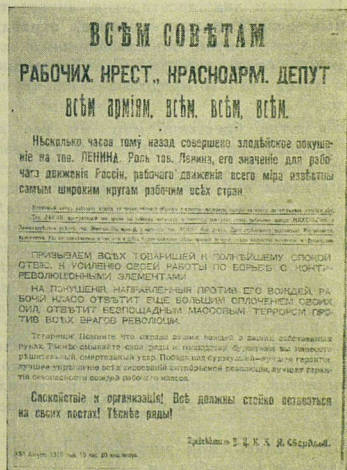
двор. Вдруг какой-то человек во флотской форме растазил руки, стал отснять толпу от Ленина и пропустил вперед какую-то женщину в черном. Владимир Ильич подошел к автомобилю, стал уж одной ногой на подножку, разговаривая с обступившими его людьми. Вдруг раздались три выстрела — и Ленин, раненый, упал на землю.

Рабочие, окружившие Ленина, поймали убийцу и готовы были расправиться с ней самосудом. Вся страна горела ненавистью к убийцам-эсерам. Услышав о ранении Ленина, красноармейцы на фронте прихотили в ярость, без команды бросались в наступление и опрокидывали белых. Так было под Казанью, когда балтийские моряки и московские рабочие погнали нанятых Антантой чехословаков.

Вся страна беспокоилась и заботилась о раненом Ильиче.

В Музее Ленина сохранилось с того времени письмо одной девочки, Наташи Вознесенской, напечатанное тогда в «Правде» среди сотен приветствий и пожеланий выздоровления. Вот это письмо:

«Товарищи! Я прошу вас напечатать мое письмо в вашей газете. Я очень люблю т. Ленина и

Сообщение о злодейском покушении на Ленина, подписанное председателем ВЦИК тов. Свердловым.

болею за него, а ему самому не могу сказать об этом. У меня нет папы, а только мама и Ленин. Мама не знает, что я написала вам, она очень расстроена.

Наташа Вознесенская
Будь здоров, дорогой. Я расту для твоей работы. Мама учит агитаторов на Сретенке. Я тоже буду учиться, чтобы шли за тобой.

Твоя дочь
Наташа.

Так думала о своем отце вся Советская страна. Ленин поправлялся: к счастью яд, которым были отравлены пули, был старый и не оказался смертельным.

«Как могли решиться эсеры поднять руку на Ленина?—думали многие тогда.—Неужели они не знали, что вся страна восстанет против них? На что они надеялись?»

Они надеялись на помощь буржуазных стран Антанты, на кулацкие восстания, на белогвардейские банды, на врагов партии, прятавшихся в ее рядах, на Бухарина и бухаринцев, которые толкнули их на это преступление. Без Бухарина они не решились бы на него.

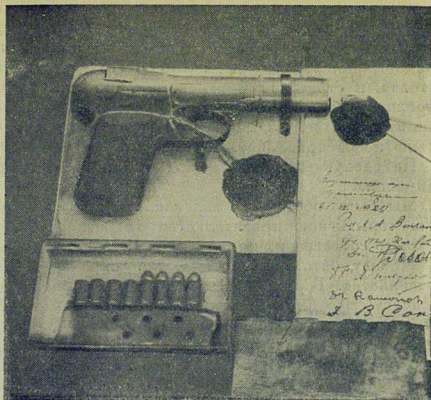
Это признали и сами эсеры и «левые коммунисты», вызванные свидетелями на процессе «право-троцкистского блока».

Не даром два десятилетия спустя тот самый эсер Семенов, который отравлял ядом кураре пули, предназначенные для Ленина, снова встретился с Бухариным для того, чтобы продолжать их черное дело.

Но тогда брестский мир им все же не удалось сорвать: Ленин сам разорвал этот договор в ноябре 1919 года, когда силы наши окрепли, когда рабочие, крестьяне Украины и Белоруссии восстали против германского ига, когда в Германии разразилась, наконец, надвигавшаяся революционная гроза. Ленин и партия большевиков добились передышку для измученных народов России; они залечили свои раны, оправились, окрепли, пошли в бой, разбили врагов: интервентов, белогвардейцев, кулаков, эсеров, меньшевиков, троцкистов, бухаринцев — и построили ту жизнь, которая теперь цветет в нашей стране.

Мы дрались под знаменем Ленина и Сталина, и мы победили.

Недавно прошедший процесс «право-троцкистского блока» показал нам наших врагов, как они есть, неприкрытыми, во

Револьвер, из которого стреляла эсерка Каплан. Внизу — обойма и пули.

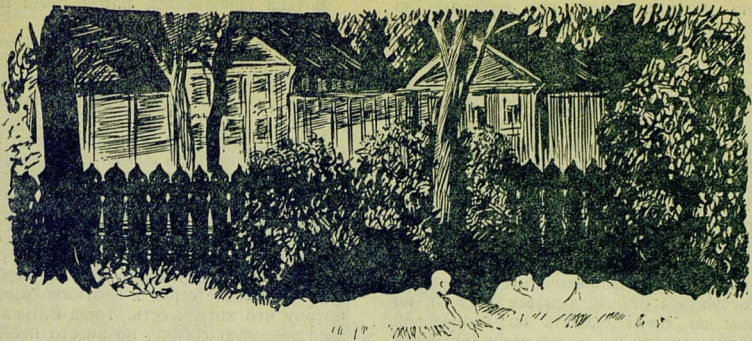
всем их мерзком виде. Он открыл для истории такие дела, какие они считали давно похороненными.

Суд вытащил всю длинную нить, которая тянулась 20 лет, на которой нанизаны измена на измену, предательство на предательство, убийство на убийство. Эти мастера измены — Троцкий и Бухарин — в 1918 году предавали нашу родину немцам, потом уж они ее продавали и немцам, и японцам, и полякам — всем, кто только хотел ее покупать.

В 1918 году Троцкому удалось открыть фронт немцам, сорвав переговоры в Бресте. Теперь попытка открыть наш фронт фашистским государствам ему не удалась. Не удалась она ни ему, ни Бухарину, ни Рыкову, ни Тухачевскому, и не удалась никому. И если фашисты, после того как мы разгромили их скрытые отряды право-троцкистских шпионов, их «пятую колону», вздумают открыто напасть на наши границы, то они получат такой сокрушительный удар, от которого погибнут.

Наши границы защищают могучая Красная Армия и весь советский народ.

Пусть наши враги помнят еще и о том, что мы, граждане Советской страны, — армия мировой социалистической революции, а угнетенные народы всего мира — наши кровные братья!

На рассвете

Рассказ А. Письменного

Рис. П. Митурича

Вечером ждали грозы, но она прошла мимо и разрядилась далеко за городом. Мальчики сидели вместе со взрослыми. Стол был накрыт в палисаднике, под старыми липами. Длинный шнур настольной лампы протянули сюда из комнаты. По темной улице, мимо палисадника, отгороженного пыльными кустами желтой акации, густо двигались в городской парк гуляющие. За этим близким шумом стояла тишина, а дальше, в глубине, далеко за домами, слышно было, как шумит завод. Дядя Павел, брат витькиной матери, рассказывал о Магнитогорске. Он уехал туда работать горновым после того, как здесь, в родном городе, закрыли карликовые, нерентабельные старые домы. В первый раз после отъезда дядя Павел приезжал в Косью проведсти отпуск. Ему не было еще и тридцати лет, но мальчикам он казался стариком. Он держал себя солидно, пил водку равнодушно и кричал после каждой рюмки, как витькин отец, пожилой, пятидесятилетний мастер мартееновского цеха.

Мальчики сидели молча. Больше всех говорил дядя Павел. Он рассказывал о Магнитогорске, хвастался магнитогорскими домами. Тяжелые ночные бабочки прыгали в воздухе вокруг лампы. Птицы во сне шевелились на ветвах старых лип.

— Время идет,— говорил дядя Павел,— даже ты, Танюша, постарела, определенный факт. И наглядный показатель: молодое поколение растет,— он кивнул в сторону Витьки, худого, остроного мальчика, с белой, недавно остриженной под нулек головой, и спросил:

— Ты, как, Витька, по доменному делу пойдешь, или тебя все-таки больше мартен привлекает?

— Я не знаю,— сказал Витька,— я еще не решил.

— А ты решай скорей,— сказал дядя Павел,— доменное дело—это основа всему. Ты смотри: даже государство узнают по чугуну. Мартен, конечно, тоже имеет значение, но все-таки это музыка уже не та. Возьмем, например, мельника и кондитера. У кондитера работа чище, а у мельника зато почетнее. Его дело — основа, а не наоборот. Так и у нас. Верно я говорю, Степан Петрович?

Отец усмехнулся. Ему было лень спорить с дядей Павлом о том, что главнее для государства: чугун или сталь.

Дядя Павел был уже навеселе, раз говорил так много. Доменщики — народ молчаливый, а дядя Павел был настоящий доменщик. Мальчикам было смешно. Они перемигивались, хихикали, подталкивали друг

друга локтями. Вчера они вернулись из пионерского лагеря и на рассвете, первый раз в этом году, собрались на рыбную ловлю. От дома Шандориных было ближе к пруду, здесь же хранились весла и вся рыболовная снасть. Борис пришел с вечера, чтобы переночевать у Витьки и завтра спозаранку выйти на пруд.

Борис, большой медлительный парень, был на два года старше Витьки. Ему было уже пятнадцать лет, но учились мальчики в одном классе. Четыре года назад Борис болел скарлатиной и с тех пор плохо слышал. Уже и речь его делалась невнятной, и посторонние с непривычки едва понимали его. Учиться становилось все трудней, но Борис не хотел уходить из нормальной школы, пока он не совсем оглох. Он знал, что скоро он совсем оглохнет.

Ночь наступала душная, обещающая хорошую рыбную ловлю на рассвете. Мальчики легли в палисаднике перед домом. Долго они не могли заснуть, шептались, ворочались, шуршали сеном.

— Ты не проспишь, Борька? — громким шопотом спрашивал Витька.

Борис с трудом разбирал его шопот, но в этот час мысли мальчиков были настолько близки, что он угадывал и те слова, которые не мог слышать, и отвечал правильно.

— Я не просплю, — говорил он, — а ты грузила приготовил? Возьми у отца хотя бы дробинок. Мы их расплющим. А то будет лески сносить. В устье Медынки должно здорово клевать. В прошлый выходной Сашка Пахомов там вот такую щуку поймал.

Он показал в темноте, какая была рыба.

Потом мальчики замолчали, но еще долго не могли заснуть. То один, то другой приподнимались они на своей лежанке и трогали ржавую консервную банку с червями, которая стояла у них в ногах: было приятно лишний раз убедиться, что все предусмотрено и готово к завтрашнему дню.

Поздно ночью легковая машина, пробиравшаяся по улице, засыпанной старым доменным шлаком, осветила на мгновение за кустами акации две белые фигуры, закутанные в простыни.

Первым проснулся Борис. Солнце еще не взошло. В тишине утра отчетливо слышался топот прокатных станков на заводе. Борис толкнул Витьку.

— Вставай, пора, — сказал он.

Витька приподнялся, потом снова повалился на подушку.

— Вставай, Витька, сказал Борис, — что ты, проснуться не можешь?

Он говорил громко, позевывая, мычащим голосом и поглядывая на небо, определяя погоду.

Витька чувствовал, что необходимо проснуться, но прогнать сон не мог. Ему снился дядя Павел, синие верблюды, зима. Это было давно, в голодные годы, когда его еще и на свете не было. В сарае у них было много сена, но корова сена не брала, и ее кормили жареной рыбой. Корова ела рыбу вместе с костями, а синие мертвые верблюды стояли возле сарая и протяжно мычали, потому что хотели есть. Тогда Витька позвал дворовую собаку, но вместо нее прибежало шесть серых волков. Они прибежали быстро и быстро, как по команде, уселись вокруг верблюдов, облизываясь и лая. Дядя Павел выстрелил из берданки, выстрел отдался в витькиных пятках, и он упал, и ноги его омутились в капкане для волков. Выл ветер, была зима. Из дому с громким криком бежала витькина мать, а он лежал ничком в снегу, и стальные зубья капкана все сильнее впивались в его голые пятки.

В окне дома появилась белая тень.

— Не проспала? — спросила витькина мать.

Борис не услышал ее голоса. Он тормошил Витьку, кричал на него.

— Вставай, Витька. Уже поздно! — кричал Борис.

— Ты его по пяткам пошлепай, — сказала витькина мать. — Пошлепай по пяткам! — закричала она громко.

Борис оглянулся. Она поставила босую ногу на подоконник и показала, что нужно сделать. Она смотрела, как Борис будит ее сына.

Когда Витька проснулся, мальчики завернули подушки и одеяла в простыни и потихоньку спустили свертки через окно на пол, в комнату. Затем они вышли из палисадника и через двор, вокруг дома, пробрались в кладовку.

В кладовке стояли зимние рамы с приставшими кусочками замазки и клочками пожелтевшей ваты, оцинкованные ведра, ящики из-под гвоздей. Полки были уставлены жестяными и стеклянными банками, на стенах висели веревки, связки сушеных грибов, порванная рыболовная сетка, почерневшая от пыли. В углу стояли весла и удочки. Пахло здесь смолой, грибами, мы-

Борис осторожно повернул лодку и подгреб ближе к берегу.

шамп, пометом, соленой рыбой. Сейчас, на рассвете, запахи казались таинственными—так, вероятно, пахло в трюмах кораблей.

Витька вынес удочки во двор, потом вернулся, отыскал в ящике из-под гвоздей кусочек свинца.

— Во, видал? — сказал он Борису.

Борис взял весла и уключины.

Они вышли на улицу. Город спал. Улицы были темны и пустыньны. У аптеки, на лавочке, спали куры. Мальчики шагали молча. В этот ранний час маленький заходистый городишко выглядел торжественно и незнакомо. Непрестанный шум завода, зарев над его маргеновскими печами, лягж железа на погрузочной площадке, свистки паровозов говорили о вечной жизни на земле, о труде, о счастье. Хорошо было идти под этот далекий шум на рыбную лодку по тихому городу.

В пустом, ярко освещенном подъезде горсовета с чугунной лестницей, которая вела на второй этаж, спал сторож на деревянном ящике. Гулко отдались в помещении шаги мальчиков. Под карнизом крыши проснулись голуби. Они заворковали, встрянулись, с легким шорохом на тротуар скапнулись зернышки и крошки штукатурки. На деревьях проснулись и защелбтали мелкие птички. Сперва одна неуверенно произнесла: «Туйть», — потом другая, и вот, когда мальчики подходили к пруду, уже во всех кустах трещали и чирикали соловьи и щеглята.

На берегу пруда, у мостков для стирки белья, стоял в одном исподнем старик Прохарчев, седой, согнутый от старости, и играл на флейте. Ему не спалось по ночам. Он был сын крепостного музыканта; вся семья Прохарчевых играла на каких-либо инструментах. Старик не слышал мальчиков. Витька остановился возле него послушать музыку. Он любил флейту, скрипку, духовую трубу, пианино, барабан.

— Что стал? — замычал на него Борька и потащил вперед. — Одно из двух: или концерты слушать или рыбу удить.

Лодка была вытащена на берег маленького залива в том месте, где дорога из города поворачивала к бывшему монастырю. Борис вдел уключины, вложил весла, потом они вдвоем столкнули лодку на воду. Борис сел на весла. Витька, шлепя по мелководью, вывел ее на глубокое место и, оттолкнувшись, вскочил на корму. Борис принялся выгребать на середину пруда.

Дул встречный ветер, и покида Борис не выгреб на середину и не повернул, грести

было тяжело и лодка шла медленно. Пруд весь наморщился, у мостков разбивались мелкие волны. Пока они плыли, Витька все время слышал флейту старика и топот прокатных станов на заводе.

Пруд был большой и старый. Устье Мельники находилось километрах в шести от города по прямой. Нужно было приплыть туда до восхода, потому что позже рыба клевала не так хорошо. Правда, и позже, часов до восьми, рыба клевала здесь неплохо, но хотелось, чтобы рыба ловилась совсем хорошо, потому что это была первая вылазка после лагеря в этом году.

На середине пруда Борис повернул, лодку стало покачивать, но зато она пошла быстрее, только приходилось все время забирать правым веслом.

Скоро должно было взойти солнце. Становилось все светлее. Но сосны в той стороне, где должно было взойти солнце, оставались такими же темными на светлом фоне неба.

— А ты знаешь, — сказал Витька, — я во сне вспомнил смешную историю про дядю Павла.

— Не кричи, — сказал Борис, — рыбу распугаешь.

— Ну, сказал, — ответил Витька, но переполз с кормы на скамейку поближе к Борису и, согнувшись, громким шопотом заговорил: — Знаешь, в голодные годы сюда пригнали верблюдов. Кормить их, конечно, было нечем — они скоро подошли с голоду. Их свалили за нашим домом. Дядя Павел был тогда паренком вроде нас с тобой. Смотрит он: на снегу вокруг верблюдов следы. Ну, конечно, волчи. Вот он взял у моего отца капкан и поставил возле верблюдов.

Чтобы лучше слышать, Борис широко раскрыл толстогубый рот.

— А волки уже начали падаль есть? — спросил он.

— Не знаю. А что?

— А то, что тогда они наверняка дожираться вернуться.

— Не знаю. Ты слушай дальше, — сказал Витька. — Вот он поставил капкан, а на другой день, рано утром, пошел смотреть и еще издали увидел, что волк попался. Он пошел в дом, взял берданку. Сам страшно рад, что волка поймал, но боится: вдруг волк вырвется да на него. Подошел к изгороди, прицелился, потом вдруг замечает: волк что-то странного цвета. Пегий какой-то. Он тогда прорезал через изгородь, под-

ходит ближе, а волк этот как завизжит, а потом как залает...

— Не может быть,— сказал Борис.

— Да ты слушай, это наш Рыжик в капкан попался. Дядя Павел собачьи следы принял за волчьи. Здорово?

— Ну уж и здорово! Что он, раньше проверить не мог, чьи следы? — презрительно сказал Борис.

— Он дурной был,— сказал Витька,— как сейчас. А ты голода не помнишь?

— Ясно, нет. А почему ты говоришь, что дядя Павел дурной?

— А ты разве не заметил? Доменщик, а столько треплется.

— Так он пьяный был.

— Все равно трепаться не должен.

— Это, пожалуй, верно,— сказал Борис.— Смотри-ка: восход начинается.

Витька обернулся. В просеку, на той стороне пруда, медленно вползало солнце. Розовато-желтые его лучи пробивали стволы высоких сосен, стоящих на берегу. Весь пруд покрылся желтыми блестящими пятнами.

— Как раз поспеем,— сказал Витька.

— Немного опоздали,— сказал Борис.

— А знаешь,— сказал Витька,— я ни мартенщиком, ни доменщиком не буду. Я буду радиотехником. Это гораздо интереснее.

— Это—хорошее дело,— сказал Борис,— мне радиотехником нельзя. Я скоро совсем оглохну.

— Ну, а кем ты будешь?

— Я? Я буду летчиком.

— Это—шикарное дело,— Витька помолчал.— Ну, а слух, думаешь, тебе не помешает?

— Слух! В летном деле это не так важно. Там главное, чтобы нервы были крепкие и зрение хорошее. Это главное всего.

— Ну, все-таки, знаешь, и слух нужен.

— Нужен-то нужен, но не так. Мотор же все равно так гудит, что ни черта не слышно.

Некоторое время мальчики плыли молча. Ветер прекратился. Поверхность пруда разгладилась и медленно переливалась, поблескивая отсветами солнца. Они подплыли к устью Медынки. Здесь было мелко. Сквозь чистую воду ясно был виден желтый песок на дне. В устье реки плеснула большая рыба.

— Тише давай,— прошептал Витька.

Борис осторожно повернул лодку направо и между двумя мелями подгрел ближе к берегу. Там он положил весла на борт. Витька осторожно спустил в воду два кирпича на веревочке, заменившие якорь.

Они размотали удочки, наживили червяков и забросили.

— Знаешь, Борька,— громким шопотом сказал Витька,— я придумал шикарную штуку. Я читал в одном журнале, что если слуховые нервы не совсем повреждены, то можно научиться слышать, даже если ты совсем глухой.

— Ну да?— сказал Борис.

— Честное слово. Нужно только сделать такой специальный телефон, и тогда через него можно слышать, что говорят.

— Как же можно слышать, если ты глухой?

— В том-то вся штука, что через телефон слуховые нервы все равно, даже если ты глухой, могут получать звуковые колебания. Я это читал.

Борис недоверчиво покачал головой.

— Если ты глухой,— сказал он,— как же ты можешь слышать?

— Ну вот, я тебе говорю. Я про это читал. И, понимаешь, что можно сделать? Телефон можно надевать под шлем. Так Водопоьянов летал на Северный полюс. У него под шлемом был телефон, и он переговаривался с другими кораблями. Всегда можно найти какой-нибудь выход. Понимаешь, я тебе сконструирую такой телефон, когда буду радиотехником, и ты сможешь шикарно летать.

Борис посмотрел на Витьку, покачал головой и сказал:

— Это здорово. Конечно, если ты про это читал. Но только, знаешь, не передумай. Иди обязательно в радиотехники.

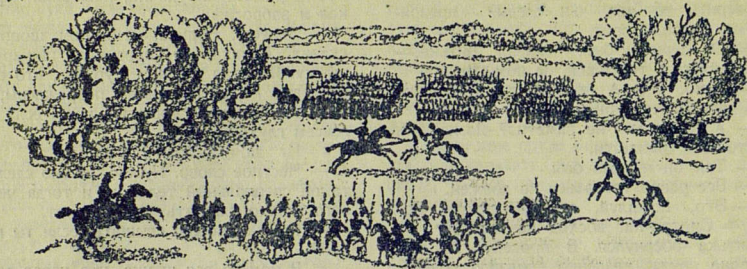
— Ну ясно, раз я сказал,— ответил Витька.

Снова плеснула большая рыба. Витька поднял удочку, переменял червяка и забросил снова.

— Мы это сделаем, Борька,— сказал он,— а то дядя Павел требует: решай скорей, кем ты будешь. Как будто это скоро решишь...

— Это верно,— сказал Борис,— смотри, только не передумай.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Г. Шторм

I

В 1236 году, весной, с верховьев Иртыша и склонов западного Алтая двинулись войска монголов. Их кони имели в изобилии подножный корм и воду. Это была как бы перекочевка. Тридцать тысяч семейств гнали с собой стада, тащили военные орудия. Их вел внук Чингис-хана — Батый.

Орды кочевников шли покорять Европу. За двенадцать лет перед этим им удалось выиграть битву на Калке. Монголо-татары впервые столкнулись тогда с русским народом. Они узнали, что народ этот храбр и опасен в бою, но постоянно страдает от междоусобий. Они пошли завоевывать Русь, зная, что ее отдельные богатые и сильные княжества разрознены и не могут противостоять сплоченному врагу.

Батый решил напасть на северо-восточную Русь зимой, когда деревья уже сбросили лист и в лесу легче избежать засады, когда болота и топи замерзают, а снег заносит крепостные рвы, облегчая взятие городов.

И вот легла зима. Пришли по санному пути к рязанским князьям Юрию и Олегу татарские послы и сказали: «Дайте нам десятину (десятую часть) от всего, что имсете: от людей, оружия и коней». А коней потребовали разных: белых, вороных,

бурых, рыжих и пегих; потому что отряды татарской конницы различались по цвету мастей.

Рязанские князья выехали навстречу татарской рати и отвечали:

«Когда нас всех не будет в живых, тогда все ваше будет».

После этого орда хлынула потоком на Рязанскую землю «в бесчисленном множестве, как саранча». А в декабре татары осадили Рязань.

Этот город находился в тридцати двух километрах по Оке от Рязани нынешней, называвшейся тогда Переяславлем Рязанским. Это была Старая Рязань.

Татары приступили к ней со стенобитными машинами, осадными лестницами и целыми отрядами метателей огня.

Горожане отчаянно защищались, но на шестой день осады враг разбил таранами деревянные стены и сквозь дым и пламя ворвался в город. Тысячи мужчин, женщин и детей были убиты. Одних рассекали мечами, других расстреливали из луков, третьих связывали и бросали в огонь.

Когда весь город был обращен в пепел и на пожарище не осталось «ни стоящего, ни плачущего», орда ушла дальше, направляясь к Коломне.

В это самое время приехал в свой родной разоренный город рязанский боярин Евпатий Коловрат. Сердце его сжалось

при виде чудовищного разгрома. Быстро собрал он в окрестностях города тысячу семьсот человек и с небольшою этой дружиной бросился догонять орду.

Русские настигли татар в Суздальской земле, внезапно налетели на них и начали сечь без милости. Они рубили их так, что мечи рязанские тупились, тогда дружинники хватили мечи татарские и поражали ими врагов.

Старинная «Повесть о разорении Рязани Батыем» говорит, что татары стояли как пьяные, думая, что это рязанские мертвецы восстали. С трудом удалось им взять в плен пять смельчаков, изнемогших от ран.

Их привели к Батыю, и хан спросил, кто они.

«Мы слуги князя Рязанского, — ответили пленные, — а воины Евпатиева полка. Нам велено проводить тебя с честью, как русские обычно провожают от себя чужеземцев: стрелами и копьями».

Тогда Батый послал шурина своего Тавруда с сильным отрядом, чтобы уничтожить горсть храбрецов.

Предание говорит, что Таврул и Евпатий с'ехались один на один, но Коловрат, «исполнил силою», рассек противника надвое, «до седла».

Татары ничего не могли сделать с отважной дружиной. Только окружив ее и поставив на сани до ста металлических орудий и засыпав рязанцев камнями и стрелами, удалось им убить Коловрата и почти всех его людей.

Тогда собрались татарские мурзы во главе с Батыем и, оглядывая раненых пленников, стали говорить:

«Мы со многими царями во многих странах сражались, а таких удалцов не видали. Это люди крылатые и бессмертные — так крепко и мужественно они бьются: один — с тысячею, а два — с тьмою»¹.

А Батый сказал:

«О Евпатий Коловрат, здорово ты со своею малою дружиной меня пощипал, многих богатырей моих побил, и множество воинства моего от твоей руки пало. Если бы такой, как ты, у меня служил, держал бы я его против самого своего сержда».

И повел выдать его тело израненным пленным рязанцам и отпустить их, не причиняя им никакого вреда...

Из Рязанской земли Батый двинулся на Владимир, но не прямым путем, а через Коломну и Москву.

Под Коломною он разбил владимирскую рать под начальством Всеволода — сына Юрия, а разорив Москву, взял в плен другого его сына — Владимира. Отступить к Москве Юрий больше не мог: этот путь был отрезан. Князь ушел за Волгу — собирать войско. А тем временем пали Владимир и Суздаль, и все Владимирское княжество оказалось во власти татар.

«Солнце погибло по всей земле!» — горестно восклицали тогда русские летописцы. А народ слагал замечательные по глубине чувства и поэтичности «плачи» о страданиях и бедах родной земли.

«Солнце мое дорогое, месяц мой прекрасный, зачем так рано зашли! — жалуется князь. — Где... честь и слава ваши? Над многими землями были вы господами, а ныне лежите на земле опустошенной... От страны к стране, от дубравы к дубраве — все плачете со мною... столько погибло князей и великих храбрых удалцов!..»

Погиб и сам Юрий Всеволодович, князь Владимирский, не пожелавший пойти против татар вместе с Рязанью. Собрав в Ярославской области войско, он встретился с ордой на берегах реки Сити, был разбит и сложил голову в неравном бою.

А татары, разорив почти все рязанские и суздальские города, взяли Торжок, чтобы прервать сообщение Новгорода с владимирцами. Батый старался сражаться с каждым князем в отдельности, не давая соединиться их силам и опережая их быстрыми передвижениями своих войск.

В начале весны орда уже шла Селигерской дорогой и приближалась к Новгороду. Уже оставалось до него не более ста — двухсот километров, но вскрытые рек и озер и бездорожье весеннего первопутка заставили татар повернуть назад.

На обратном пути они подступили к Козельску, и этот маленький город задержал их на целых семь недель.

Жители решили умереть, но не сдаваться. Никакими угрозами врагу не удалось их поколебать. Когда, наконец, были разбиты стены и татары вошли на вал, горожане в отчаянии «резались с ними ножами», затем бросились в стан Батыя, изрубили стенобитные машины и множество воинов и сами погели на их трупах. Татары перебили всех до единого жителя и назвали Козельск «Злым городом».

¹ Тьма — по древнерусскому счету — 10 тысяч.

потому что потеряли при осаде четыре тысячи человек...

Северовосточная Русь была разгромлена, и орда ушла за Волгу. В следующем году она появилась снова, прошла Мордовскую землю, сожгла на Клязьме Гороховец и Муром и обрушила главные свои силы на южную Русь...

Народ героически сопротивлялся нашествию. Тем не менее разрозненные русские княжества к 1242 г. были покорены.

На Нижней Волге Батый основал центр татарского ханства, в состав которого вошли: Булгарское Поволжье, часть Средней Азии, Кавказ и Таврида. Ханство это стало называться Золотой Ордой.

Русские княжества попали в зависимость от золотоордынских ханов и должны были платить им дань.

Дань эта называлась «выходом», потому что, получив ее, татары выходили из русских владений, то есть не должны были их разорять.

Но уже одна эта дань была достаточным разорением для народа. А татары наложили еще особые пошлины: на рабочий скот, пашни, мосты, реки и озера — на все, что могло принести доход.

Данью было обложено все мужское население. По словам итальянца Плано Карпини, на Руси «каждый, как малый, так и большой, даже младенец однодневный, давал дань».

Ее собирали сборщики («баскаки»). Они доставляли в Орду определенную сумму, а все, что выжимали сверх того, оставляли себе.

Былина говорит, как «баскак» грабил народ:

«У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет...»

У каждого, кто имел троих сыновей, брали одного. Татары составляли из них военные отряды; вводили в Золотую Орду и заставляли там работать; некоторых же переселяли в Среднюю Азию, Монголию и Китай.

Русские князья должны были являться на поклон к ханам. Отправлялись к ним, они прощались с жизнью — писали духовные завещания. Вынужден был ездить в Орду — в далекое Забайкалье — и побе-

дитель немецких «псов-рыцарей» Александр Невский, несмотря на то что именем его татары пугали своих детей.

Русский народ нередко восставал против своих угнетателей, пытаясь сбросить гнетущее, позорное иго. Но эти попытки были жестоко подавляемы татарами, так как ханы пользовались слабостью, разрозненностью Русской земли.

Но время шло. Московские князья Иван Калита и Симеон Гордый, ведя ловкую политику по отношению к золотоордынским ханам, добились от них признания своего старшинства над прочими князьями и получили право собирать для Орды дань со всех русских земель.

Московское княжество начало возвышаться и крепнуть. Владения его расширялись. Укреплялись города. Увеличивалось войско. Отдельные княжества объединялись вокруг Москвы.

II

Внук Ивана Калиты, московский князь Дмитрий Иванович, продолжал расширять и укреплять Московское государство, успешно борясь со всеми соперниками Москвы.

Одержав ряд побед: над Тверью, Рязанью, Новгородом и Литвою, — он решил, наконец, выступить и против угнетателей Руси — ханов Золотой Орды.

Время для этого приспело. Уж многие князья были обязаны помочь московскому князю в борьбе с татарами. «Биться нам всем против них, до единого», — так договаривались князья между собою. А в то время как Русь все более крепла, Золотая Орда приходила в упадок из-за постоянных внутренних смут.

В 60-х годах 14-го века большую силу в Орде приобрел военачальник Мамай. Он командовал десятитысячным корпусом, или, по древнерусскому счету, «тьмою», и потому на Руси его называли «темником». Он ставил и свергал ханов по своему усмотрению и от их имени управлял Ордой.

Мамай сумел усилить Орду и навести в ней порядок. Но это не остановило московского князя. В союзе с тестем своим Дмитрием Нижегородским он совершил несколько походов в подвластное татарам Поволжье. В 1376 году московская и нижегородская конница двинулась на Великий Булгар.

Русские войска перед боем в 1380 года.

Со старинной миниатюры.

Город этот был столицей одного из четырех ханств, составлявших в 14-м веке Золотоордынское государство. Нападать на него было все равно, что на Золотую Орду.

Булгарское войско вступило в бой на верблюдах, думая испугать этим русских коней.

Но верблюдов вогнал в город московский воевода Боброк-Волынец. Русские овладели Булгаром. Жители его должны

были просить мира и согласились платить московскому князю дань.

Тогда Мамай понял, что Москва перешла в наступление. Он решил положить ему предел в самом начале и послал два войска на северо-восточную Русь.

Одно из них разорило и сожгло Нижний Новгород. Другое, более сильное, под начальством мурзы Бегича двинулось на Москву.

Дмитрий опередил эту рать и встретил ее в Рязанской земле на берегах притока

Оки — реки Вожи. Здесь 11 августа 1378 года татары были разбиты и бежали в степи, побросав множество своих кибиток и телег.

Москва одержала над своим заклятым врагом первую большую победу. Так началось решительное сопротивление русского народа власти Золотой Орды.

Но Мамай не забыл поражения своей рати. Он созвал своих воевод и мурз, объявил себя ханом и летом 1380 года двинулся на Русь со всею ордой.

Перед началом похода он разослал приказ по всем золотоордынским улусам: «Пусть никто не смеет сеять хлеба, готовить на хлеба в Русской земле».

Он собрал огромные татарские и половецкие силы, кроме того нанял отряды хорезмцев, черкесов; живших на Средней Волге буртасов; генуэзцев, обитавших в Крыму.

Затем, заключив союз с литовским королем Ягяйло и князем Олегом Рязанским, он прикочевал с ордой к устью реки Воронежя, то есть к границам Рязанской земли.

Тогда Дмитрий разослал грамоты ко всем русским князьям, призывая их идти к нему на помощь со своими дружинами. И вот начали собираться в Москву ратные люди под начальством многих тяготевших к Москве князей.

Раньше всех прибыл двоюродный брат Дмитрия Владимир Андреевич Серпуховский. Вскоре пришли князья Белозерские; явились удельные Ярославские, Ростовские и Устюжские князья.

Но никто из сильных, областных князей не отозвался на призыв Дмитрия. Все они либо боялись татар либо не хотели способствовать дальнейшему возвышению Москвы.

Не явились ни смоляне, ни новгородцы. Не прислали помощи ни Тверь, ни Нижний Новгород. Москва должна была защищать Русскую землю только теми силами, которые она успела объединить.

Когда стало известно, что Мамай готовит удар на Москву, как только встретится с Ягяйло и Олегом, на общем совете было решено идти навстречу татарам в самые степи и предупредить соединение вражеских сил.

20 августа 1380 года русское войско выступило в поход.

Вся Москва провожала уходящих воевод. Теплый слабый ветер колыхал стяги. Повсюду — куда только доставал глаз — виднелись шлемы с остроконечными верхушками; блистали кольчужные брони, франкские прямые мечи и кривые восточные сабли, топорщились копыя, секиры, луки, колчаны, длинные красные щиты.

Чтобы не было тесноты в пути, русское войско двинулось тремя дорогами: одна рать пошла на Серпухов, другая — к Старой Кашире, третья — к селу Брашеву, где был перевоз через Москву-реку.

Князю Дмитрию Ивановичу было в то время не более тридцати лет. Он был горяч и отважен в бою и крепко верил в успех предстоящей битвы. Отчасти поэтому взял он с собою в поход десять «гостей-сурожан» — купцов, торговавших шлоком с крымским городом Сурожем (Судак), которым в 12 веке завладели генуэзцы. «Пусть поведают в дальних землях о том, что случится», — сказал князь Московский. Но «сурожане», хорошо знавшие степь, были полезны и как проводники.

А впереди русского войска давно уже выслеживали татар и приглядывались к местности два сильных сторожевых отряда. Дмитрий послал их «под самую орду Мамаеву» — добывать вестей.

Вести же были такие, что Мамай не торопится, так как ждет прихода Ягяйло и тянет время до осени, когда поля на Руси будут убраны и орда сможет грабить крестьянский хлеб.

24 августа ополчение подошло к Коломне, где был назначен сбор всех русских сил.

Здесь к Дмитрию неожиданно явилась помощь: пришли с дружинами двое князей Ольгердовичей, родные братья Ягяйло: Андрей, княживший в Пскове, и Дмитрий Брянский. В свое время они бежали из Литвы на Русь и теперь зависели от Москвы.

Был в войске Дмитрия и отважный воевода — Боброк, тот самый, который одержал над волжскими булгарами большую победу. В те времена Москва привлекала к себе многих выходцев из разных княжеств, особенно угнетаемых татарами и Литвой.

Тем временем Ягяйло в союзе со шведами и жмудинами пришел к Одоеву и стал на берегах Уфы. Он ждал Олега Рязанского, но тот, проведав о численности войск, собравшихся под знамена москов-

ского князя, медлил и колебался, не зная сам, на чью сторону ему стать.

26 августа, утром, войско выступило левым берегом Оки и остановилось, дойдя до устья реки Лопасни. Здесь присоединились к нему новые, посланные из Москвы отряды. Всей рати было около 150 тысяч. Такой могучей силы еще никогда не выставляла Русская земля.

От Лопасни рать двинулась прямо к Верхнему Дону, направляясь вдоль западных границ Рязанского княжества. Московский князь строго приказал ратникам не обижать жителей, чтобы и они не вредили войску, оставаясь в тылу.

«Кто идет по Рязанской земле, да не смеет ни к чему прикоснуться!» — так сказал он.

Приблизившись к Дону, Дмитрий оставил полки у села Березуй.

Туда пришло множество пешего воинства: ремесленного и торгового люда из разных городов русских и крестьян из сел, находившихся поблизости. Летописец говорит: «Страшно было видеть эту массу людей, идущих в поле против татар».

От пойманного татарина русские узнали, что Мамай недалеко, но подвигается медленно, так как ждет Олега и Ягайло; о близости же московской рати у него вестей нет.

Тогда собрались князь и воеводы, чтобы решить, где биться с врагом. Некоторые считали, что не надо переходить реку, оставляя у себя в тылу Литву и Рязань; в случае неудачи, говорили они, легче будет уйти восвояси. Но Дмитрий сказал:

«Братья, лучше честная смерть чем позорная жизнь; перейдем за Дон и все там положим свои головы за братьев наших».

И Ольгердовичи его поддерживали.

«Если перейдем на ту сторону, — сказали они, — войны будут знать, что отступить и бежать некуда, что надо только победить или лечь костьми».

7 сентября, в пятницу, русское войско придвинулось к самому Дону и остановилось на речке Себенке. Дмитрий велел нарубить деревьев, наломать хвороста в окрестных дубравах и наводить мосты для пехоты. Конница же должна была перейти вброд.

Вскоре прискакал со своим отрядом разведчиков воевода Семен Мелик, только что бывший с передовыми татарскими всадниками.

«Мамай перешел Дон, стоит на Гусином броду, одна ночь пути между нами!» — сказал он.

Мамай спешил помешать русским перейти Дон до прихода Ягайло. А Литва, жмудины и шведы уже шли от Одоева навстречу орде.

К ночи русские перешли Дон и расположились на лесистых холмах при впадении в него Непрядвы. За холмами лежало девятнадцатикилометровое Куликово поле, пересеченное речкой Смолкой. По преданию, на нем водилось много куликов.

За речкой, на противоположных холмах, разбила свой стан орда Мамай; она пришла ночью, но опоздала: русские уже перешли реку.

Окрестности Куликова поля были овражисты, покрыты кустарниками, рощами и лесными зарослями. На самом высоком месте поля — Красном холме — стоял шатер хана. Около него шатры его военачальников: темников, мурз и воевод.

Ночью Дмитрий Иванович и вольнский воевода Боброк выехали на Куликово поле. В глубокой тишине слушали они, как гудит тысячами голосов татарский стан.

Тихо было в русском лагере. Немногие спали в нем в эту ночь перед битвой, но и те, кто бодрствовал, молча ожидали наступления утра, когда решится судьба родной земли.

Татарский же стан рокотал как море. Орды было не менее трехсот тысяч. Казалось, что несметные толпы народу сошлись на торжище, где продают и меняют пленников, волов и коней.

Уже звери сбегались, чуя поживу. Где-то выли волки и клеткали хищные птицы. Тревожно кричали лебеди на Непрядве. Далеко было слышно, как скрипели телеги. Облако пара стояло над ордой..

Утро 8 сентября началось густым туманом. Мгла мешала видеть расположение враждебных ратей. Только трубы трубили с обеих сторон.

Часу в десятом туман начал редеть. Солнце осветило русские полки, выстроившиеся перед битвой. Правым своим крылом они упирались в овраги и заросли речки Нижнего Дубика, впадающей в Непрядву, а левым — в крутые берега Смолки. На правом крыле были Ольгердовичи, на левом — князь Белозерские. Пехота выставлена в «большой», передовой полк.

Кроме того был отправлен в засаду конный запасный полк под начальством Вла-

1380 год. Битва войска Дмитрия Донского с войском Мамаа.

Со старинной миниатюры.

дмитрия Андреевича и Боброка-Волынца. Он стал за левым крылом, в густой дубраве над рекой Смолкой. Князь Дмитрий выбрал это место очень удачно: отряд мог легко поддержать левое крыло, где было много молодых, неопытных воинов, кроме того он прикрывал обозы, а также мосты, наведенные через Дон.

Князья и воеводы сказали Дмитрию:

«Тебе подобает стоять в стороне и смо-

треть на битву. Если же тебѣ лишимся, то станем как стадо без пастуха: придут волки и распугают нас».

Но князь ответил:

«Братья мои милые! Если я вам глава, то впереди вас хочу и битву начать. Умру или жив буду, но вместе с вами!»

Потом он снял с себя золототканый плащ, надел его на своего любимца, боярина Михаила Брянока, и приказал во-

зять за ним свое черное великокняжеское знамя. Сам же покрылся простым плащом и пересел на другого коня.

Около одиннадцати часов утра русские войска двинулись на татар.

Старинное «Сказание о Мамаевом побоище» так изображает это движение русских дружин:

«Ревели натянутые ветром стяги, и словно живые развевались знамена; доспехи воинов колыхались как волны; как утренняя заря блистали их шлемы, а гребни шлемов горели как жар».

Полки быстро спустились с холма в лошину, откуда вытекала Смолка, и стали «на поле чистом, на месте твердом». В татарском стане было время обеда. Враг не ожидал такой смелой атаки и начал поспешно выступать, сбросив свои котлы.

Обе великие рати начали сходитья в долине. Русские войска с их красными щитами, красными перьями на шлемах и светлыми доспехами сверкали на солдце. Татарские же — походили на грозную тучу из-за своих серых кафтанов и черных щитов.

Передовой татарский полк, как и русский, состоял из пехоты. Он двигался густою колонной, при этом воины задних рядов клали свои копья на плечи передних. Затем обе рати остановились: стена против стены.

Из полков выехали единороборцы: янок Пересвет и великан Челубей. Они ударили друг друга копьями, и оба упали с коней мертвыми. Тогда Дмитрий сказал:

«Уже гости наши близко! Пришло время нам пить чаши!»

И началась битва. Мамай следил за нею с Красного холма.

Скоро воинам стало тесно. Ратники задыхались в свалке, а расступиться им было негде. Копья ломались как солома, говорит русская летопись, пыль закрывала солнце, падали стрелы дождем.

Князь Дмитрий дрался как рядовой воин и поразил на смерть ханского племянника Тулу-бека. Ни на чьей стороне не было перевеса. Русские одолевали в одном месте, татары — в другом.

«Сказание о Мамаевом побоище» говорит:

«На поле Куликовом, между Доном и Мечюю, сошлись сильные полки; кровавые ручьи вытекали из них; от блеска мечей и сабель затрещали синие молнии, и

грек от множества копий раздался как гром...»

«Полилась на кованые седла кровь, засверкали булатные сабли около голов богатырских, покатылись золоченые шлемы на землю, и пали коням под копыта головы многих богатырей...»

Но вот пешая русская рать вся полетела, «как сено посеченная, как деревья, сломившись». Татары стали напирать на главные силы русских — на полки Московский, Владимирский и Суздальский. Они прорвались к большому черному знамени московского князя, которое возили за переодетым Михаилом Бряноком, убили его и подсекли древко знамени. Но русские воеводы успели снова сомкнуть «большой» полк.

Дмитрий поставил свои войска так, что татары не могли охватить их ни с какой стороны. Им оставалось только прорвать русский строй и тогда уже напасть с тыла. Потерпев неудачу в центре, татары бросили свежие силы на левое крыло.

Закишел ожесточенный бой. Командовавшие левым полком князя Белозерские были убиты. Полк стал подаваться назад: это создало для центра опасность быть обойденным с фланга и тыла. Все русское войско было бы тогда отрезано от Дона и приперто к Непрядве. Татары знали, что левое крыло слабее, и направили туда свой главный удар.

Между тем засадный полк продолжал стоять в дубраве и не вступал в битву. С бьющимися сердцами следили воины Владимира Андреевича и Боброка-Волында, как бились с врагом «за свою великую обиду» русские удалцы.

«Какая польза от нашего стояния? — стали ворчать наиболее нетерпеливые. — Кому мы станем помогать, когда все избурены будут наши полки?»

«Подождите еще немного! — сдерживал их Боброк. — Будет еще вам с кем шить и веселиться!»

А жестокая битва длилась уже около двух часов. Стоило огромных усилий, чтобы смотреть на нее и оставаться в бездействии. Врагу еще помогло то, что солнечный свет ударял русским прямо в глаза и ветер дул им в лицо. Татары уже торжествовали победу. Но вот солнце зашло сбоку, и ветер потянул в другую сторону. В это же время расстроенные левое крыло русских и теснившая его татарская рать порвались с дубравой, где стояла засада.

«Теперь наше время!» — воскликнул Боброк и вытащил меч из ножен.

По этому знаку — как соколы на журавлиную стаю — русские бросились на татар.

Засадный полк пришел на помощь главной рати. Победа была решена в течение часа. Орда, не ожидавшая натиска, дрогнула, и все русское войско двинулось вперед.

На спуске с Красного холма, допятившись уже до своих таборов, татары, подкрепленные дружинниками самого Мамай, приостановились было и вновь завязали бой. Но русские неудержимо шли вперед и со всех сторон охватывали противника. Тогда зароптали татары:

«Горе нам! Русские перехитрили нас, оставив самых удалых князей и воевод в засаде. Наши же руки ослабели, и плечи устали, и колени оцепенели, и кони наши утомлены. Кто может против них устоять? Горе тебе, великий Мамай! Всех нас погубил ты напрасно!»

Орда обратилась в бегство. Мамай, его мурзы и остатки дружины на свежих конях бросились в степь.

К вечеру сорокаверстное пространство до реки Красивой Мечи было устлано татарскими трупами. Русские преследовали врага до ночи. Масса татар погибла при переправе, и лишь немногие из них выбрались на другой берег реки.

Князь Владимир Андреевич «стал на костях» — так говорилось встарину о победителе, занимающем поле сражения. На поле Куликовом победно трубили тру-

бы. Развевалось черное великокняжеское знамя. Со всех сторон с'езжались к нему русские воеводы и князья.

Но самого Дмитрия нигде не было видно. Долго искали князя, и, наконец, два костромских воина — Сабуров и Хлопичев — нашли его. Без памяти лежал он в дубраве, под свубленным деревом, накрытый листвою. Доспехи князя были иссечены, но крепкие шлем и броня спасли его от опасных ран.

Русская рать возвращалась со славой и богатой добычей. Сто сорок лет позорного ига были сброшены с плеч великим русским народом в течение одного дня.

По народному сказанию, татары после этой проигранной ими битвы стали говорить:

«Уже нам, братья, в Русь не хаживать, а выхода нам у русских людей не прашивать».

И хотя они еще целых сто лет «хаживали» на Русь и «прашивали» у русских людей «дани-выходы», но уже не могли угнетать их попрежнему и боялись встречи с ними в открытом бою.

Русский народ прозвал князя Дмитрия Донским, а Владимира Серпуховского — Храбрым. Эти князья совершили подвиг, нанеся страшный удар могуществу Золотой Орды.

Все народы, подвластные татарским ханам, воспрянули духом после куликовской победы. Великий русский народ твердо понял, что его сила в единстве, и разрозненные княжества с неудержимою силой потянулись к избавительнице от чужеземного гнета — Москве.

Печать Дмитрия
Донского.

В гостях у Скотта

М. Гершензон

Ранним утром, в конце августа 1817 года, почтовая карета остановилась у ворот Абботсфорда, старинного поместья Вальтер-Скотта. Пока почталыон с визитной карточкой гостя ходил в дом, гость рассматривал скромное жилище знаменитого шотландца. Небольшой коттедж стоял на склоне холма, сбегаящем к Твиду — речке, прославленной песнями Вальтер-Скотта. Вьющиеся растения оплели весь дом, а прямо над входом раскинулись ветвистые рога лося, точно это была охотничья стойка.

На шум кареты выбежали с яростным лаем собаки всевозможных пород и мастей. Вскоре показался хозяин. Он был высок ростом, могучего телосложения. Одет он был просто: старая зеленая охотничья куртка, собачий свисток у петлицы, грубые башмаки, поношенная шляпа. Прихрамывая, он шагал по аллее, опираясь на тяжелую дубинку. Большая гончая стального цвета степенно выступала рядом с ним.

Старый писатель радушно приветствовал своего гостя; он держался с ним так, будто они давно знакомы. Они и вправду были знакомы. Вальтер-Скотт помнил первую книжку Ирвинга — веселую «Историю Нью-Йорка»; Ирвинг же с детства любил романтические повести и стихи шотландца.

— Не думайте, что наш уголок можно прочитать в одно утро, как газету, — сказал старик своему молодому другу.

Два дня прожил Ирвинг под гостеприимным кровом Вальтер-Скотта. Он подружился со всей семьей: с женой писателя и со старшей, семнадцатилетней дочерью Софией, которая чудесно пела старинные шотландские песни, и с младшей, мисс Эни, и с мальчиками — подростком Вальтером и маленьким Чарлзом, не хуже отца знавшим все местные предания и поверья.

На всю жизнь запомнились Ирвингу прогулки, которые совершил он со Скоттом в окрестностях Абботсфорда. Вальтер-Скотт неизменно был в бодром настроении и полон жизнерадостности. Он словно и не думал о работе. Эта черта его характера всегда удивляла гостей. Целыми днями бродил он с ними — то пешком, то верхом — среди поросших вереском холмов, окруженный стаей любимых собак. Он был прекрасным собеседником и без конца мог

рассказывать легенды старой Шотландии; о каждом встречном была у него занимательная история, и рассказы его были так же ярки, а портреты, нарисованные невзначай, находку, так же выпуклы, как образы героев в его романах.

Он умел не только рассказывать, но и слушать. Всей душой отдавался он беседе. Молодой американец тоже был отличным рассказчиком и не менее чем его гостеприимный хозяин любил народные песни, легенды и поверья; так же жадно всматривался он в людей, стараясь в каждом найти особые, неповторимые черты.

Они сблизились очень быстро. Ирвинг с глубоким волнением осматривал места, которые были для него родными с детства. Отец его был шотландцем, и няня — шотландкой. Об этих холмах и ручьях слышал он песни в младенчестве, в колыбели.

— Потому так волнует нас этот нежный шотландский пейзаж, что приводит на память песни, слышанные в детстве, и людей, которых мы любили и которых уже нет, — сказал он Скотту.

Старик оживился, почувствовав, как глубоко волнует его гостя народная шотландская песня. Он показывал Ирвингу Ламермур, и Смальгольм, и склоны Эрроу, и ручей Эттрик, струющийся серебряной нитью и впадающий в Твид. Все эти холмы и ручьи прославил в своих песнях «великий менестрель Севера». И они показались Ирвингу бледными по сравнению с волшебными картинами романов и баллад Вальтер-Скотта.

Перед Ирвингом простирались однообразные холмы, нагие, безлесные, и прославленный Твид, бегущий среди обнаженных берегов, обманул его ожидания. Ирвинг не удержался и поделился этим впечатлением с Вальтер-Скоттом. Тот задумался, стал сержезен.

— Может быть, я пристрастен, — сказал он. — Но для моих глаз эти серые холмы имеют свои, особые красоты. Я люблю самую обнаженность этих мест; что-то смелое, строгое есть в этой нагоде. Когда случилось мне жить под Эдинбургом, среди пышной природы, я стал тосковать по этим честным серым холмам; если бы нельзя мне было видеть этот вереск хоть раз в год, — я, верно, умер бы с тоски.

Он подчеркнул последнее слово, стукнул в землю своей дубинкой; потом стал доказывать, что Твид—очень красивая река, и нечего жалеть, что по берегам ее ни кустов, ни деревьев. Тогда Ирвинг снова вспомнил свое детство, горы, одетые могучими лесами, и реки, пробивающие себе путь через чащу.

— В этом великое очарование вашей страны!—воскликнул Скотт.—Вы любите леса, как я—мой вереск; но вы не думайте, что я не чувствую величия лесистых просторов. Ничего бы я лучшего не хотел, как очутиться среди ваших огромных диких, первобытных лесов; знать, что вокруг сотни миль девственного леса. Однажды я видел в Лейтсе бревно, только что привезенное из Америки. Это должно было быть огромное дерево, когда стояло оно на своей родной почве, со всеми своими ветвями. Я глядел на него с восхищением; оно похоже было на гигантский обелиск из тех, которые привозят порой из Египта, чтобы пристыдить карликовые памятники Европы; и правда, эти могучие деревья, под которыми находили кров индейцы до вторжения белых,—это памятники, это древние обелиски вашей страны.

Ливень застиг путников в горах; они укрылись в лесной чаще. Вальтер-Скотт усадил Ирвинга подле себя и накрыл его своим плащом. Так, прижавшись друг к другу, сидели два писателя, два поэта, которых сразу породнила и сдружила любовь к народным легендам, к реликвиям прашлых веков. Они толковали о прошлом; каждый осколок старины волновал их воображение; история вставала перед ними во всей пышности романтической сказки.

Пушкин называл Вальтер-Скотта «шотландским чародем». С ним согласится всякий, кто читал «Айвенго», «Веверлей», «Квентин Дорвард» и другие исторические романы великого шотландского писателя. Больше всего любил Вальтер-Скотт историю своей родины; он знал тут каждый разрушенный замок, каждый овраг и ручей; каждый камень рассказывал ему о прошлом Шотландии. Как драгоценные камни собирал Вальтер-Скотт народные предания и песни прошлых веков. И прошлое оживало в его творчестве. Немногие писатели умели так ярко изображать исторические события, как Вальтер-Скотт. Главную прелесть его романов Пушкин видел в том, что он показывает своих героев без всякой напыщенности, «домашним образом», как современник: его герои просты,

Вальтер-Скотт.

в их речах нет ничего приподнятого, театрального. Поэтому нельзя не верить «шотландскому чародею», о чем бы он ни рассказывал: о прошлом Шотландии, Англии или Франции, о королях и рыцарях или о народном герое—Робине Гуде. «Рассказ странника Вилли»—вводная новелла из повести «Редгаунтлет». Действие повести относится к восемнадцатому веку; одному из героев этой повести слепой странник рассказывает предание о давно прошедших временах. В середине семнадцатого века жестокая война заливала кровью Шотландию. Шотландский народ боролся против английского короля и его партии; сторонников королевской власти называли «тори», или, презрительно, «кавалерами». Их звали еще «прелатистами», потому что они стремились навязать шотландцам свою «епископальную церковь»; шотландцы же были «пресвитерианцами», «ковенантерами», и не признавали епископов так же, как не хотели признать короля. Они боролись за парламентскую власть и назывались «вигами». В образе старого рыцаря лэярда Редгаунтлета Вальтер-Скотт изобразил сторонника короля и епископов; резкими, скупыми штрихами он нарисовал портрет яростного «тори». Этот небольшой рассказ справедливо считается одним из лучших произведений Вальтер-Скотта.

Рассказ слепого странника Вилли

Вальтер Скотт

Рис. Ю. Кискачи

Перевод с английского М. Гершензона

Быть может, вам приходилось слышать о сэре Роберте Редгаунтлете, который жил в этих краях перед голодными годами. Наша округа долго будет помнить его; наши отцы, бывало, не смеют дух перевести, чуть услышат его имя. Он воевал вместе с горцами во времена Монтроза и был соратником Гленкерна в шестьсот пятьдесят втором, так что, когда прибыл король Чарльз Второй, кто еще был в такой чести, как лэйд Редгаунтлет? Он посвящен был в рыцари при лондонском дворе меча самого короля; и, будучи ярым прелатистом, спустился сюда, неистовствуя, как лев, чтобы покончить с вигами и ковенантерами в нашем краю. Жестокое это было дело, потому что твердость вигов не уступала ярости «кавалеров», и все дело было в том, кто первый доведет врага до изнеможения. Редгаунтлет славился своей тяжелой рукой — имя его прогремело по стране так же, как имена Клевергауза или Тэма Делайеля. Ни в долине, ни в ущелье, ни в горах, ни в пещерах не спрятаться было бедным горцам, когда Редгаунтлет гнался за ними со своим рогом и с гончими псами, точно за какими оленями. И, правду сказать, когда головорезы Редгаунтлета настигали кого-нибудь, то церемонилась с ним не больше чем охотник с оленем. Скажут: «Принимаешь присягу?» А если нет: «Приготовься! Готово! Пли!» И упрямец падал мертвым.

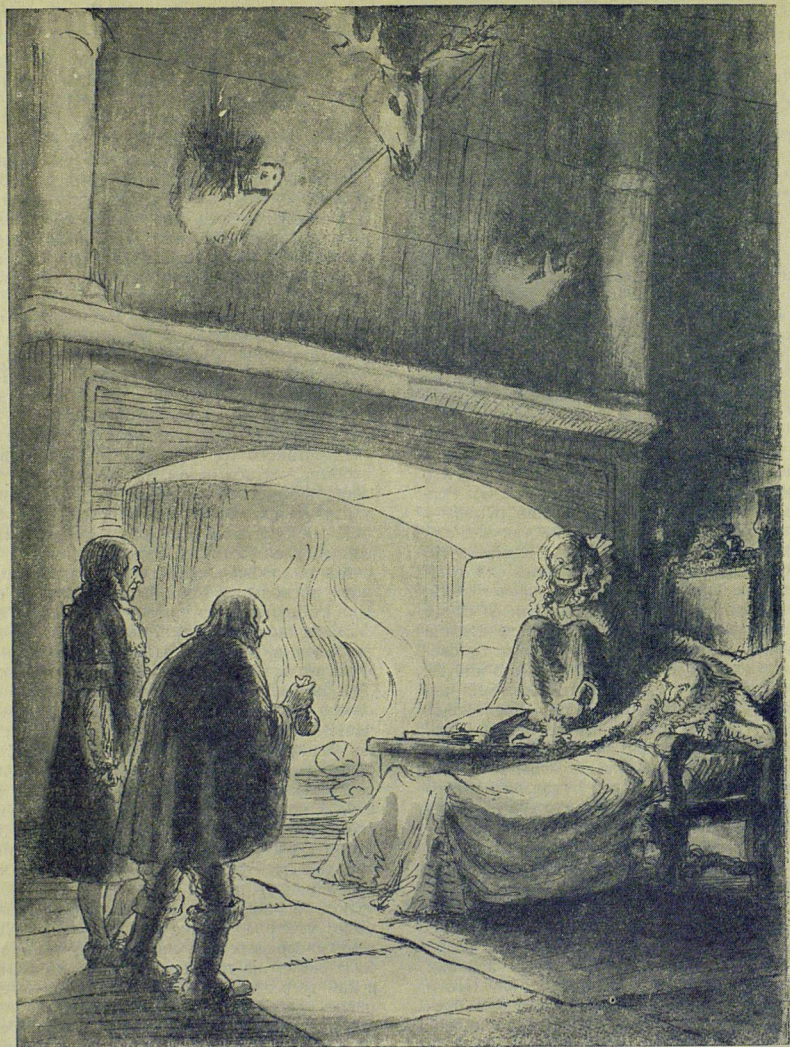
Далеко в окрестности ненавидели и боялись сэра Роберта. Народ думал, что у него прямой договор с сатаной; что его не берет сталь; что пули отскакивают от его кожного полукафтання, как градины от земли, и что у него есть кобыла, которая обращивается зайцем на крутых склонах Каррифрагона. Лучшим благословением, которым поминали его, было: «Дьявол поberi Редгаунтлета!» При всем том для своих людей он не был дурным господином, и ленники даже любили его; а что касается слуг его и вознов, которые выезжали с ним «на преследования», как называли виги эти кровавые дела, то они готовы были пить его зраие до потери сознания в любое время.

Так вот, надо вам знать, что мой дед жил на земле Редгаунтлета — это место

зывается у них Цветочный бугор. Жили мы на этой земле под Редгаунтлетами в дни междоусобицы и задолго до того. Это был славный уголок; свежее мне, и воздух там был чище и свежей, чем где бы то ни было во всей стране. Дом этот заброшен теперь; вот только три денька назад я сидел на его разбитом пороге и рад был, что глаза мои не видят этого запустения.

Там жил мой дед, Стини Стинсон, — непоседливый, шумливый парнем был он в юности и хорошо играл на волынке; он прославился своей песней «Прыгуны и шутники», ни один кэмберлендец не смел тягаться с ним, когда он играл «Джоки Лэттин». Не было лучшего игрока от Бервика до Карлиля. Не такого сорта человеком был Стини, чтобы сделаться вигом, и поэтому стал он торги, как их величали тогда, — а нынче мы зовем их якобитами; просто, надо вель было ему стать на чью-нибудь сторону. Никакого зла против вигов он не имел и не очень-то любил видеть, как льется кровь, хотя, поскольку обязан был следовать за сэром Робертом в погонях и схватках, в засадах и набеггах, он был свидетелем многих злых дел, а быть может, и принимал в них участие, если не мог увильнуть от этого. Так вот, Стини был вроде любимчика у своего господина и знал всех в его замке; частенько за ним посылали, чтобы он играл на волынке, когда шло там веселье. Старый Дугэл Мак Коллэм, дворецкий, который не покидал сэра Роберта ни в радостях, ни в беде, ни в хорошие дни, ни в худые, пуще всего любил волынку и всегда готов был замолвить словечко за моего деда перед лэйдом; а вель Дугэл мог обкрутить своего хозяина вокруг пальца.

Вот, значит, прошла революция; похоже было, что она должна разбить сердце Дугэла и сердце его господина. Но перемена была совсем не так велика, как они боялись и как того хотели бы другие. Вигам не терпелось расправиться с исконными своими врагами и особенно с сэром Робертом Редгаунтлетом. Но много еще было видных людей, повинных в таких же делах и так-таких вывернуть мир наизнанку. Так что парламент обошелся с ними довольно

У деда моего не совсем спокойно было на душе, когда он очутился в комнате, где нет никого, кроме лэйрда, Дугэла Мак Коллэма и Майора.

мягко; и сэр Роберт остался таким же, как прежде, разве что вынужден был охотиться на лис вместо ковенантеров. Так же шумно он пировал, и зал в его замке был освещен так же ярко, как всегда, хотя, быть может, не хватало ему прежних оброков, что и брал он с врагов, наполняя свою кладовую и погреб; во всяком случае он стал куда внимательней к своим доходам; и арендаторам приходилось не мешкать в день выплаты ренты, иначе лэйрд гневался. А был он так грозен, что никто не имел охоты сердить его; он божился в сердцах такими клятвами, и такой распался яростью, и такие взгляды метал, что людям приходило порою на ум, не сам ли дьявол во плоти перед ними. А дед мой, надо вам знать, плохим был хозяином, — не то, чтобы он был мотом, но добра он копить не умел и задолжал свою ренту за два срока. Учтивыми речами да игрой на волынке ему удалось умамсить лэйрда на троичин день; но как пришел день святого Мартина, управляющий потребовал, чтобы он явился с рентой в назначенный день, нето придется Стини распродаваться с землей.

Трудно было ему достать серебра, но друзья помогли ему, и в конце концов он наскреб всю сумму — тысячу марок; большую часть он добыл у соседа, которого звали Лаури Лэпрэйк, — хитрая это была лиса. Лаури имел много одежек: он гонялся с псами и улепетывал с зайцами, был виг или тори, святой или грешник, — как ветер подует. Он был докой¹ в делах революции, но любил в то же время звуки веселья и напевы волынки; к тому же он уверен был, что серебро, которое он ссудил под проценты моему деду, — в надежных руках. Итак, поскакал мой дед к Редгаунт-летскому замку с тяжелым кошельком и легким сердцем; он счастлив был спастись от гнева лэйрда. Но едва приехал он в замок, как услышал, что сэра Роберта скрутил приступ подагры, — и все потому, что Стини не было до полудня. Дугэл полагал, что причина тут не только в деньгах: он знал, что сэру Роберту не хочется лишать моего деда земли. Дугэл обрадован был приездом Стини и повел его в большую, отделанную дубом гостиную, там сидел лэйрд один-одинешенек; только большая обезьяна, которую он очень любил, сидела рядом с ним. Это была вредная тварь, много выкидывала она злых штук; чуть что, она приходила в ярость и носилась по всему

замку с визгом и воем, кусая кого ни поала — особенно перед дурной погодой.

Сэр Роберт прозвал ее Майором Уиром, по имени колдуна, который был сожжен; и мало кому нравились имя или повадка этой твари, — все думали, что есть в ней что-то сверхъестественное; и у деда моего не совсем спокойно было на душе, когда дверь за ним закрылась и он увидел, что очутился в комнате, где нет никого, кроме лэйрда, Дугэла Мак Коллэма и Майора, — никогда еще с ним не случалось такого.

Сэр Роберт сидел или, вернее сказать, лежал в большом кресле, одетый в длинное бархатное платье, держа ноги на скамеечке, потому что у него была и подагра и желчные камни сразу, и лицо его выглядело морщинистым и призрачным, как лицо сатаны. Майор Уир сидел напротив него, в красном кружевном плаще, с париком лэйрда на голове; и стоило сэру Роберту скривиться от боли, обезьяна тоже корчила гримасы, — безобразная, страшная это была пара.

Кожаное полукафтанье лэйрда висело на гвозде, позади него, тесак его и пистолеты лежали под рукой, ибо он держался старой привычки — иметь оружие наготове и лошадь — день и ночь под седлом, — как в те времена, когда вдруг, бывало, вскакивал он на коня и пускался в погоню за каким-нибудь злосчастным ковенантером. Говорили, что оружие он держит наготове, опасаясь мести вигов, но я думаю, что это просто была старая его привычка: страха он не знал ни перед чем. Книга ренты в черном переплете с медными застежками лежала перед ним; и книжка беспутных песен заложена была между ее страницами, чтобы она открыта была на месте, которое свидетельствовало против Стини с Цветочного бугра, опоздавшего уплатить свой оброк. Сэр Роберт взглянул на моего деда, словно хотел иссушить сердце в его груди. Быть может, вы слышали, что он умел хмурить брови особенным образом, так, что люди видели явный след подковы на его лбу, словно отпечатанный ударом копыта.

— Неужто пришел ты с пустыми руками, бездельник? — сказал сэр Роберт. — Чорт возьми, если так...

Дед мой с самым учтивым видом, какой только мог принять, шаркнул ногой и положил кошель с деньгами на стол.

Лэйрд послешно придвинул его к себе.

— Все тут, Стини? А?

¹ Дока — ученый.

— Ваша честь может убедиться, что все, — отвечал мой дед.

— Ну, Дугэл, — сказал лэйрд, — угости там внизу Стини кружкой бренди, пока я сосчиту серебро и напишу расписку.

Но едва они вышли из комнаты, сэр Роберт издал вопль, потрясший старые стены замка. Назад кинулся Дугэл, ливрейные вбежали в зал, лэйрд испускал вопль за воплем, один другого ужасней. Мой дед не знал, стоять ему или бежать, но он отважился вернуться в гостиницу, где все охвачено было паникой, некому было даже сказать «Входите» или «Ступайте прочь!» Страшным голосом лэйрд прорычал, чтобы ему дали горячей воды для ног и вина, чтобы освежить горло; и — «Ад, ад, ад, адское пламя!» — вот единственные слова, которые вырвались у него изо рта. Ему принесли воды, и, погрузив свои вспухшие ноги в ушат, он закричал, что вода обжигает; и, правда, говорят в народе, что вода клокотала, как в кипящем котле. Он швырнул кружку Дугэлу в голову и сказал, что ему дали крови вместо бургундского; и в самом деле на другой день служанка смыла запекшуюся кровь с ковра. Обезьяна, которую звали Майором Уиром, металась и визжала, точно передразнивая своего хозяина; мой дед потерял голосу: он забыл и про серебро и про расписку и кинулся вниз по лестнице, пока он бежал, крики становились все слабей и слабей; раздался протяжный, прерывистый вопль, и по замку пронеслась весть, что лэйрд скончался.

Ну, дед мой поехал прочь в раздумье, и вся надежда его была на то, что Дугэл видел кошель с деньгами и слышал, как лэйрд говорил, что напишет расписку. Молодой лэйрд, нынешний сэр Джон, приехал из Эдинбурга, чтобы привести дела в порядок. Сэр Джон никогда не ладил со своим отцом; он выучился на адвоката и впоследствии заседал в шотландском парламенте и голосовал за Унию, получив за это, как говорили, изрядную мзду; если б отец его мог встать из могилы, он припечатал бы его за это клеймом, раскалив железо в собственном очаге. Иные считали, что легче было вести расчеты со старым, неотесанным рыцарем, чем с этим молодым краснобаем.

Дугэл Мак Коллэм, бедняга, не стонал и не плакал, но бродил по дому, похожий на труп, приглядывая, как надлежало ему, за всей церемонией пышных похорон. Однако Дугэл с приближением ночи становился все мрачней и мрачней, он всегда ложился спать последним; кровать его стояла в маленькой

комнате, как раз напротив той, которую занимал его господин при жизни и где сейчас он — увы! — лежал мертвецом. В ночь перед похоронами Дугэл не мог больше оставаться наедине с самим собой; он смирил свой гордый дух и попросил старого Гэтчина посидеть с ним часок в его комнате. Когда вошли они в комнату, Дугэл взял кружку бренди сам и Гэтчину дал другую и пожелал ему доброго здоровья и долгой жизни, что же касается его самого, сказал Дугэл, ему недолго осталось жить на свете, потому что с той поры, как умер сэр Роберт, каждую ночь из комнаты покойника кличет его серебряный свисток, как это было при жизни сэра Роберта, когда ночью старый лэйрд звал Дугэла, чтобы тот помог ему перевернуться в постели на другой бок. Дугэл сказал, что, оставшись наедине с покойником в этом этаже башни (так как никто не хотел подбодствовать над сэрм Редгаунтлетом, как обычно это делают над мертвецами), он ни разу не осмелился откликнуться на зов; и теперь совесть укоряла его за то, что он пренебрег своим делом, ибо, сказал Мак Коллэм, «хотя со смертью хозяина кончается служба, никогда его смерть не прервет моей верности сэру Роберту; и если снова раздается свист, я откликнусь на зов; поэтому, Гэтчин, будь тут со мной».

Гэтчину не по вкусу пришлось это дело, но он побывал с Дугэлом в боях и схватках и не хотел изменить ему в такой беде; вот и сидели они вместе за кружкой бренди, и Гэтчин, который немного разумел в грамоте, собрался прочитать главу из библии; однако Дугэл не хотел слушать ничего, кроме баллады Дэви Линдсея, а это была мрачная песня.

Когда пришла полночь и в доме стало тихо, как в могиле, и впрямь раздался звук серебряного свистка, такой острый и пронзительный, как если б свистел сэр Роберт. Сразу вскочили двое старых слуг и поспешили в комнату, где лежал покойник. Один только взгляд успел кинуть Гэтчин, потому что в комнате горели факелы, и при их свете он увидел нечистого, который в собственном своем обличье сидел на гробу лэйрда! Бедняга рухнул, точно мертвый. Он не знал, долго ли он пролежал в забвении у дверей; очнувшись, он позвал товарища и, не получив ответа, поднял на ноги весь дом. Дугэла нашли мертвым, — он лежал в двух шагах от кровати, на которую поставлен был гроб его господина. Что касается свистка, он пропал бесследно; но ча-

Он увидел нечистого, который в собственном своем обличье сидел на гробу...

сто свист его слышался из сторожевой вышки над домом и среди старых труб и башенок, где гнездились совы. Сэр Джон занял дело, и похороны прошли без новых проделок нечистой силы.

Когда все было кончено, молодой лэрд принялся приводить в порядок дела — с каждого держателя потребовали все долги, а с моего деда — сполна всю сумму, которая значилась против его имени в книге ренты. Ну, поехал он в замок, чтобы рассказать свою историю, и тут представили его сэру Джону, сидевшему в отцовском кресле, в глубоком трауре, с маленькой шпагой на боку вместо старого тесака, в котором было сто фунтов стали, считая клинок, скобу и рукоять с корзинкой. Я слышал рассказы об их беседе так часто, что мне кажется, будто я присутствовал сам при ней, хотя в ту пору меня не было еще на свете.

— Я желаю вам счастья, сэр, на месте владельца и много белого хлеба и богатого

лейрдства. Ваш отец был добр к своим соратникам, и большое счастье для вас, сэр Джон, унаследовать башмаки сэра Роберта, — вернее будет сказать — сапоги, потому что он редко носил башмаки, разве что туфли, когда донимала его подагра.

— Да, Стини, — ответил лэрд, глубоко вздыхая и прикладывая платок к глазам, — внезапно призвал его господь, и наш край скорбит об этой утрате; он не успел привести в порядок дом, и мы должны теперь разматывать спутанную пряжу, Стини. Гм, гм! Перейдем все же к делу, Стини; дела много, а времени мало.

Тут раскрыл он роковую том; я слышал про книгу, которая зовется «Думсдэй-бук»; уж, конечно, это был список держателей, просрочивших уплату ренты.

— Стифен, — сказал сэр Джон, все тем же мягким, ровным голосом, — Стифен Стивенсон, или Стинсон здесь значится за тобой долг, с тебя следует рента за год.

Стифен. Если вашей чести будет угодно, сэр Джон, я уплатил ее вашему отцу.

Сэр Джон. В таком случае ты, конечно, взял у него расписку, Стифен, и можешь предъявить ее?

Стифен. Я не успел ее получить, ваша честь, потому что едва я выложил серебро, и едва их честь, покойный сэр Роберт, пригинули его к себе, чтобы сосчитать и написать расписку,— у них начался приступ, который погубил их.

— Худое это вышло,— сказал сэр Джон, помолчав немного.— Но, может быть, ты уплатил деньги в чьем-нибудь присутствии? Я удовлетворюсь любым свидетельством, Стифен.

Стифен. Поистине, сэр Джон, никого не было тогда в комнате, кроме Дугэла Мак Коллума, дворецкого. Но, как известно вашей чести, и он последовал за своим старым господином.

— Это уж совсем худо, Стифен,— сказал сэр Джон, не меняя голоса ни на единую иоту.— Человек, которому ты уплатил деньги, мертв, и человек, который был свидетелем платежа, также мертв. А серебро,— ему некуда было деваться.— между тем его не видали в хранилищах и даже слухом о нем не слышали. Как же мне этому верить?

Стифен. Не знаю, ваша честь, но вот у меня перечень самых монет, ибо, видит бог, мне пришлось позаимствовать из двадцати кошельков; и я уверен, что каждый, чье имя значится в этом списке, охотно присягнет в том, для какой цели я занимал эти деньги.

Сэр Джон. Я нисколько не сомневаюсь в том, что ты занимал деньги. Стини. Я хотел бы получить доказательство в том, что ты уплатил их.

Стифен. Серебро должно быть где-нибудь в доме, сэр Джон. И раз ваша честь не получили его, а их честь покойный лэйд не могли унести его с собой, возможно, что кто-нибудь из слуг знает, где оно.

Сэр Джон. Мы опросим слуг, Стифен; это вполне разумно.

Но все лакеи и служанки, пажы и грумы твердо стояли на том, что никогда не видали кошелька с деньгами, похожего на тот, какой описывал мой дед. Хуже всего было то, что, на беду, никому из них он не сказал ни полслова о том, что намерен уплатить ренту. Одна из служанок заметила что-то у него подмышкой, но решила, что это вольнка.

Сэр Джон Редгаунтлет приказал слугам

выйти из комнаты, затем сказал моему деду:

— Ну, Стини, ты видишь, я сделал все, что мог; а так как я уверен, что ты можешь найти серебро скорее, чем кто бы то ни было, я прошу тебя по-хорошему, в твоих же интересах, прекратить эту комедию, потому что, Стифен, ты должен расплатиться дочиста или с'ехать с земли.

— Прости господь вам ваши мысли,— сказал Стифен вне себя. Я честный человек!

— И я тоже, Стифен,— сказал сэр Джон.— Надеюсь, честны и все слуги в доме. Но если есть среди нас жулик,— это тот, что рассказывает басни, которых нельзя доказать.

Он помолчал, потом добавил более строгим тоном:

— Если я не ошибаюсь, Стифен, ты хочешь воспользоваться некоторыми злонамеренными слухами о том, что происходит в нашем доме, и, в частности, о внезапной смерти моего отца; таким образом, ты хочешь обмануть меня, лишив денег и, быть может, чести, утверждая, будто я получил уже ренту, которую требую с тебя. Где же, по-твоему, находятся эти деньги? Я хочу это знать.

Мой дед увидел, что все свидетельствует против него; он совсем пришел в отчаяние, однако переминался с ноги на ногу, глядел то в один угол, то в другой и не мог найти, что ответить.

— Говори же, плут! — сказал лэйд, и лицо его приняло особое выражение, такое, какое бывало у его отца. Это выражение появлялось у него на лице в минуты гнева,— казалось, будто морщины на его нахмуренном лбу принимают вид той же страшной подковы.— Говори же! Я все равно дознаюсь, что у тебя на уме; ты думаешь, эти деньги у меня?

— Ни за что я не стал бы утверждать этого,— сказал Стифен.

— Ты обвиняешь кого-нибудь из моих людей в том, что они взяли их?

— Я не хотел бы обвинять тех, кто может быть, неповинен,— сказал мой дед.— А если кто и виноват, у меня нет улики.

— Если есть хоть слово правды в твоём рассказе, где-нибудь деньги должны быть,— сказал сэр Джон.— Я спрашиваю, где они, по-твоему мнению? — и требую точного ответа.

— В аду, если нужно вам мое мнение,— вскричал мой дед, потеряв голову.— В аду! Вместе с вашим отцом и с серебряным свистком его!

Он сбежал вниз по лестнице (так как после таких слов нельзя ему было оставаться в замке) и услышал, как лэйрд божится кровью и ранами ему вслед, как делал это некогда сэр Роберт, и совет на помощь своих телохранителей.

Прочь поехал мой дед — к главному своему кредитору (его звали лэйрд Лэрэйк) в надежде, что тот его выручит, но, когда он рассказал ему свою историю, тот принялся честить его последними словами, — вор, мот, попрошайка были самыми мягкими из них; а вдобавок к этим жестоким словам Лэрэйк принялся упрекать его в том, что он обогрил свои руки кровью божьих избранных, — точно простой держатель¹ земли мог противиться приказаниям лэйрда да еще такого лэйрда, каким был сэр Роберт Редгаунтлет! Мой дед между тем совсем потерял терпение и в перебранке дошел до того, что стал поносить и Лаури и его веру, и наговорил такого, что у людей, которые слышали это, мороз пошел по коже; но он вышел из себя, а в свое время он живал среди буйного сброда.

Наконец, они расстались; моему деду нужно было ехать домой через лес Питмэрки, через чащу черных сосен. Я знаю этот лес, но для меня-то различия нет, что черные сосны, что белые. У в'езда в этот лес лежит заброшенный выгон, а на краю выгона маленький уединенный трактир, который держала тогда женщина по имени Тибби Фоу; тут Стини остановил коня и спросил полпинты бренди, потому что у него ничего не было во рту за весь день. Тибби предложила ему мяса, но он и думать не хотел об этом, ноги не вынул из стремени, проглотил бренди в два глотка и сказал при этом два тоста; первый был — в память сэра Роберта Редгаунтлета, чтоб не знал он покоя в могиле, пока не оправдает своего бедного держателя; а второй был — за здоровье Врага Человеческого, если только вернет он ему кошель серебра или скажет, куда оно делось; потому что Стини понял, что весь мир готов видеть в нем вора и жулика, а это было для него хуже, чем погибнуть дома его и добра.

Он поехал дальше, нимало не заботясь, куда. Наступила темная ночь, а деревья еще больше сгущали мрак, и он предоставил ко-

ню выбирать дорогу через лес; как вдруг жеребец, который был утомлен и измучен, начал прыгать, вставать на дыбы, так что дед мой едва удержался в седле. Немного погодя всадник, внезапно порывнявшийся с ним, сказал:

— Горячий конь у вас, друг; не продадите ли его?

Сказав так, он тронул шею коня своим прутом, и конь снова ползлся прежней своей неровной рысцой.

— Однако пыла его хватает ненадолго, как я посмотрю, — продолжал незнакомец, — совсем как у иного хвabrца, который хвалится, что совершит большие дела, пока не дойдет до пробы.

Мой дед не очень-то слушал его — он прищипил коня и сказал: «Проходите, друг».

Но незнакомец, видимо, был не таков, чтобы легко от него было отвязаться; потому что, как ни скакал Стини, этот всадник все время держался рядом и ехал тем же алором. В конце концов, мой дед, Стини Стинсон, рассердился наполовину и — правду сказать — наполовину испугался.

— Чего вам нужно от меня, друг? — сказал он. — Если вы разбойник, у меня нет денег; если вы честный человек, который ищет компании, у меня нет охоты ни смеяться, ни болтать; а если вы думаете найти дорогу, то я и сам ее не знаю.

— Если вы скажете мне, что вас печалит, — отвечал незнакомец, — хоть меня жестоко поносят в целом свете, я тот, кто только и может помочь другу в беде.

Тут мой дед скорей для того, чтобы облегчить душу, чем в надежде на помощь, поведал незнакомцу свою историю от начала до конца.

— Трудное это дело, — сказал незнакомец, — но, кажется мне, я смогу вам помочь.

— Разве что вы ссудите мне денег, сэр, и на долгий срок, другой помощи мне не найти на земле, — сказал мой дед.

— Но ее можно найти под землей, — отвечал незнакомец. — Я буду говорить прямо. Я мог бы одолжить вам денег под вексель, но вам, возможно, не понравятся мои условия. Между тем я могу сообщить вам, что ваши проклятия и плач вашей семьи тревожат в могиле вашего старого лэйрда. И, если вы отважитесь навестить его, — он даст вам расписку.

Волосы встали дыбом у моего деда при этих словах; но ему пришлось на ум, что спутник его, — может быть, попросту шутник, который пытается напугать его, а под

¹ «Держателями», или «ленниками», назывались крестьяне, «державшие» землю от землевладельцев — феодалов. Не имея своей земли, они вынуждены были платить лэйрду тяжелые подати и оброки натурой (продуктами сельского хозяйства) и трудовой повинностью.

Волосы встали дыбом у моего деда при этих словах.

конец, пожалуй, все же ссудит ему денег. К тому же мой дед осмелел от бренди, и отчаяние придало ему храбрости; вот он и сказал, что готов идти за распиской до самого порога ада, а если надо,—и дальше. Незнакомец засмеялся.

Вот в'ехали они уже в самую чащу леса, как вдруг конь остановился у дверей большого дома; мой дед принял бы его за Редгаунтлетский замок, не зная он твердо, что от'ехал от этого замка на добрый десяток миль. Они в'ехали во внешний двор через старые сводчатые ворота; весь фасад дома был освещен, слышны были звуки скрипки и волынки: там шла пляска и веселье, какие всегда были в доме сэра Роберта на пасху, в святки и в дни других праздников. Они спешили, и мой дед привязал своего коня, как показалось ему, к тому же кольцу, к которому он привязывал его утром, когда приехал к молодому сэру Джону.

— Бог мой! — сказал мой дед. — Неужели смерть сэра Роберта — это только сон?

Он постучался в дверь, как бывало, и старый его знакомый, Дугэл Мак Коллэм, отворил, как бывало, и сказал:

— Волыничик Стини, ты ли это, малый? Сэр Роберт хотел тебя видеть.

Мой дед был точно во сне, он оглянулся, ища незнакомца, но того уже не было.

Наконец, кое-как он промолвил:

— Эге, Дугэл, вы живы? А я-то думал, вы умерли.

— Обо мне не тревожься, — сказал Дугэл, — но сам берегись; смотри, ничего не бери тут ни у кого: ни мяса, ни питья, ни серебра — ничего, кроме расписки, которая принадлежит тебе по праву.

Сказав так, он повел его через залы и переходы, которые отлично знакомы были моему деду, в старую дубовую гостиную; там пели беспутные песни, красное вино лилось рекой, там раздавались проклятия и богохульства, как, бывало, в Редгаунтлетском замке в лучшие времена.

Но боже спеси! — что за страшная шайка кутил сидела здесь за столом! Мой дед узнал многих, которые давно уже отправились на тот свет. Тут был свирепый Миддлтон, и развратный Ротс, и коварный Лоудердэйл, и Дэльвел, с лысой головой и бородой до пояса, и Ирлшели, с рукой запянутой кровью Камерона, и обешеный Бошпоу, который связал благословенного Кэргилла так, что кровь брызнула из его членов, и Бэмбертон Дуглас, изменивший дважды своей родине и своему королю. Был тут кровавый

адвокат Мак Кени, которого все остальные боготворили за мудрость его и светское остроумие. Тут были и Клеввергауз, красивый, каким был при жизни, с длинными, черными, завитыми кудрями, ниспадающими на расшитый кафтан; все время держал он левую руку на своем правом плече, прикрывая рану, пробитую серебряной пулей. Он сидел в стороне от всех и глядел на них с унылым, надменным выражением; между тем как все прочие кричали, и пели, и смеялись, так что весь зал дрожал. Но порой их улыбки искажались страшными гримасами; а смех их превращался в такие дикие звуки, что у деда моего мозг застыл в костях.

Прислуживали им за столом слуги и воины, которые исполняли их злую волю и свершали их преступные дела на земле. Тут был долговязый из Нитертауна, который помогал взять Эрджилль; и глашатай епископа, которого звали «Трещоткой дьявола»; и жестокие стражники в расшитых кафтанах; и свирепые горцы Амориты, которые лили кровь, как воду; и многие чванливые слуги, со спесивой душой и окровавленными руками, слуги, которые льнули к богатым и делали их еще более жестокими, слуги, стиравшие бедноту в порошок после того, как богатые раздробят ее на осколки.

Сэр Роберт Редгаунтлет, сидевший посреди этого страшного пира, громовым голосом крикнул волыничку Стини, чтобы тот подошел к нему ближе. Он сидел, вытянув перед собой ноги, закутанное в фланель, с седельными пистолетами под рукой и большим тесаком, прислоненным к креслу, — в такой точно позе видел его мой дед в последний раз на земле; та же подушка для обезьяны лежала рядом с ним, но животной тут не было: ему не пришел еще час, — потому что, проходя вперед, он услышал, как кто-то спросил:

— А Майор еще не явился?

И кто-то другой ответил:

— Обезьяна будет тут рано утром.

Когда же дед мой вышел вперед, сэр Роберт, или дух его, или дьявол в его подобии, сказал:

— Ну, волыничик, уладил ты с моим сыном дело о годовой ренте?

С великим трудом мой дед набрался духу, чтобы сказать, что сэр Джон не хочет покончить с этим делом без расписки их чести.

— Ты получишь расписку, если сыграешь нам, Стини, — ответил призрак сэра Роберта. — Сыграй нам песню про Люки.

Надо сказать вам, что это была песня, которой мой дед научился у колдуна: он услышал ее, когда они на своем сборище возносили хвалу сатане; и мой дед иногда игрывал ее на шумных пирах в Редгаунтлетском замке, хотя без особой охоты; теперь он похолодел при одном упоминании о ней и попросил прощения, сказав, что у него с собой нет волюнки.

— Мак Коллэм, отроде Вельзевул, — сказал ужасный сэр Роберт, — принеси Стини волюнку, что я берегу для него!

Мак Коллэм принес волюнку, которая достойна была бы лучшего волюнщика — Дональда с островов. Но он подмигнул моему деду, предлагая ее ему; посмотрев внимательно, Стини увидел, что верхний голос волюнки стальной и раскален добела; предупреденный вовремя, Стини не прикоснулся к ней пальцами. Он попросил прощения снова и сказал, что слишком слаб и испуган, у него не хватит дыхания, чтобы надуть мешок.

— Тогда ты должен поесть и попить, Стини, — сказал призрак, — потому что мы не делаем здесь ничего дурного, и не гоже сытому толковать с голодным.

Это были те самые слова, что сказал кровавый граф Дуглас, чтобы задержать королевского гонца, в то время как отрезывал голову Мак Леллену из Бомби в Триском замке; услышав эти слова, Стини настояжился еще больше. Он заговорил, как подбавляет мужчине, и сказал, что пришел сюда не для того, чтобы есть, пить и играть на волюнке, но только за тем, что ему принадлежит по праву, — узнать, что случилось с деньгами, которые он уплатил, и получить расписку; у него хватило твердости потребовать, чтобы сэр Роберт — во имя собственной совести (Стини не посмел тут сказать «во имя бога»), во имя покоя за гробом — не расставлял ему ловушек, но отдал то, что ему принадлежит.

Призрак ослабился и рассмеялся, но достал из большой карманной книжки расписку и протянул ее Стини.

— Вот твоя расписка, жалкий щенок; а что касается денег, — пусть мой улюбок поищет их в «Кошачьей люльке».

Мой дед поблагодарил его и готов уже был удалиться, когда сэр Роберт проревел:

— Стой ты, волюнщик проклятый, песья кровь! Я еще не кончил с тобой. Ничего тут у нас не делается даром: и в этот же день через год ты должен явиться сюда, чтобы расплатиться со своим господином за помощь.

Вдруг язык у деда моего развязался, и он сказал громко:

— Я подчиняюсь воле божией, но не вашей.

Едва он вымолвил эти слова, все вокруг него исчезло во мраке; и он упал на землю с таким внезапным толчком, что у него вышибло и дух и сознание.

Как долго лежал там Стини, он не мог сказать: но, очнувшись, он увидел, что лежит на старом погосте Редгаунтлетского прихода, у самых дверей фамильного склепа, и герб старого рыцаря, сэра Роберта, висит у него над головой. Густая утренняя роса лежала на траве и на могильных плитах вокруг него, и конь его спокойно щипал траву рядом с двумя коровами священника. Стини подумал было, что все это было только сном, но в руке у него была расписка написанная старым лэйрдом, за его собственноручной подписью; только последние буквы его имени были не совсем разборчивы, точно писавшему их неожиданно помешал приступ боли.

В сильном смятении Стини покинул это ужасное место, поехал сквозь туман к Редгаунтлетскому замку и с немалым трудом добился встречи с молодым лэйрдом.

— Ну, проклятый банкрот, — обратился к нему лэйрд, — привез ты мне ренту?

— Нет, — отвечал мой дед, — ренты я не привез, зато я привез вашей чести расписку сэра Роберта.

— Что такое, негодяй! Расписку сэра Роберта! Ты говорил ведь, что он не успел дать ее тебе.

— Может быть, ваша честь убедится, что расписка в полном порядке?

Сэр Джон с великим вниманием взглядывал в каждую строчку, в каждую букву; наконец, он дошел до даты, которой не заметил мой дед: «Дана на месте моего зачатия», — прочитал он, — сего двадцать пятого ноября».

— Как! Значит, вчера! Несчастный, ты, видно, лазил за нею в ад!

— Я добыл ее у отца вашей чести, — в раю он или в аду, мне неизвестно, — сказал Стини.

— Я донесу о тебе, как о колдуне, Тайному совету! — вскричал сэр Джон. — Я отправлю тебя к хозяину твоему, дьяволу, — с бочкой смолы и факелами в придачу!

— Я намерен и сам доложить консистории, — отвечал Стини. — Я расскажу обо всем, что видел прошлой ночью; тут найдутся для святых отцов дела поважней, чем возня с бедняком вроде меня.

Сэр Джон помолчал, взял себя в руки и пожелал услышать всю историю; и мой дед изложил ее во всех подробностях, как я рассказал ее вам, от слова до слова.

Сэр Джон опять долго молчал и, наконец, сказал мягким голосом:

— Стини, твоя история затрагивает честь многих знатных родов помимо моего; если ты все это выдумал, надеясь избежать моего гнева, ты заслуживаешь, чтобы твой язык пригвожден был раскаленным докрасна железом,—это будет не слаще, чем если б ты обжег свои пальцы о раскаленные трубки волянки. Если же расскажешь твою правдивую историю, Стини, и если деньги найдутся,—я не знаю, что и подумать об этом. Но где искать нам «Кошачью люльку»? В старом доме кошек немало, но, думается мне, они выводят своих котят без постелей и люлек.

— Лучше всего спросить старого Гэтчина,—сказал мой дед.—Он знает тут каждый уголок так же хорошо, как... другой, умерший слуга, чье имя не хочется мне называть.

Ну вот, когда спросили Гэтчина, он сказал, что есть в замке одна разрушенная, давно заброшенная башенка, подле башни с часами; попасть в нее можно только по наружной лестнице, так как вход в нее только извне, много выше зубцов стены. Эту башенку когда-то и называли «Кошачьей люлькой».

— Я пойду туда тотчас же,—сказал сэр Джон.

Он взял с собой (один бог знает, с какой целью) один из отцовских пистолетов со стола, на котором они лежали с той ночи, когда умер сэр Роберт, и поспешил к зубчатой стене замка.

Опасно было взбираться по лестнице, так как она была старой и ветхой и в ней не хватало одной или двух ступеней. Все же сэр Джон поднялся доверху и вошел в дверь башенки; своим телом он заслонил единственное отверстие, через которое луч света падал в башню. Тут что-то бросилось на него с яростью, чуть не скинув его с лестницы; грянул рыцарский пистолет, и Гэтчин, державший лестницу, и мой дед, стоявший рядом с ним, услышали громкий вопль. Минуту спустя сэр Джон сбросил к их ногам тело обезьяны и крикнул, что серебро найдено,—пусть они подымутся и помогут ему. И, правда, там лежали кошель серебра и сверх того много других вещей, которые пропали уже давным-давно. Сэр Джон, хо-

рошенько обшарив башню, повел моего деду в столовую, взял его за руку, обратился к нему с ласковой речью и сказал, что сожалеет о том, что усомнился в правдивости его слов, что он будет впредь для него добрым господином и заглядит свою вину.

— А теперь, Стини,—сказал сэр Джон,—хотя видение твое говорит в пользу моего отца, как о честном человеке,—раз даже после своей смерти он хотел быть справедливым к бедняку вроде тебя,—все же ты понимаешь, что злонамеренные люди могут сделать из этого дурные заключения относительно участи, постигшей его душу. Поэтому, думается мне, лучше нам все свалить на эту вредную тварь, Майора Уира, и помалкивать о твоем сне в Питерском лесу. Ты хватил слишком много бренди, чтобы утверждать что бы то ни было с полной уверенностью; а эта расписка, Стини (рука сэра Джона дрогнула, когда он вытаскивал ее),—это документ странного рода, и лучше всего будет, по-моему, если мы потихоньку бросим ее в огонь.

— Расписка, конечно, странного рода, и все же единственное доказательство в том, что я уплатил ренту,—сказал мой дед, который, разумеется, боялся остаться без расписки сэра Роберта.

— Я занесу содержание ее в книгу ренты и выдам тебе расписку, написанную моей собственной рукой,—сказал сэр Джон.—Я сделаю это тут же. И если ты, Стини, будешь держать язык за зубами, с этого дня ты будешь платить мне маленькую ренту.

— Премного благодарен вашей чести,—сказал Стини, который отлично понимал, откуда дует ветер.—Я, разумеется, готов слушаться всех приказаний вашей чести; мне только хотелось бы поговорить об этом деле с каким-нибудь достойным священником, так как меня беспокоит требование, с которым отец вашей чести...

— Не называя привидение моим отцом!—сказал сэр Джон, перебив его.

— Хорошо; скажем, существо, так похожее на него,—продолжал мой дед,—оно потребовало, чтобы я воротился к нему через год, и это камнем лежит на моей совести.

— Ну, что ж,—сказал сэр Джон,—если это так гнетет твою душу, можешь поговорить со священником нашего прихода: он человек мягкий и заботится о чести нашей семьи, тем более что может рассчитывать на известное покровительство с моей стороны.

На этом условии мой дед охотно согласился, чтобы расписка была сожжена, и лэйрд собственноручно бросил ее в камин. Она не сгорела, однако, но улетела прочь в трубу, шипя, словно шутиха, и длинный хвост искр вился за нею.

Мой дед отправился в консисторию, и священник, выслушав его рассказ, сказал, что искреннее мнение его таково: хотя мой дед и далеко зашел в этом опасном деле, все же, поскольку он отклонил дьявольские посулы (ибо посулами священник считал угощение едой и питьем) и отказался воздать дьяволу честь игрой на волынке, сатана не сможет воспользоваться тем, что произошло, если дед мой будет вести себя осмотрительно впредь.

Мой дед последовал его совету; по собственной воле он надолго оставил и волынку и бренди и не раньше, чем истек год и миновал роковой день, решился взять в руки

скрипку или пропустить стаканчик виски или эля.

Сэр Джон придумал историю про обезьяну по своему разумению; иные и по сей день верят, что не было в этом деле ничего, кроме вороватого нрава зверя. Они настаивают на том, что вовсе не дьявола видели Дугэл и мой дедушка в комнате лэйрда, но что это была только вредная тварь Майор, прыгавший по гробу; а что касается свиста, который слышен был после смерти сэра Роберта, то хитрое животное могло свистеть не хуже самого лэйрда, если не лучше. Но бог правду видит, и вышла эта правда наружу благодаря жене священника тогда, когда сэр Джон и сам священник были уже в могиле. И тогда мой дед, который немощен был телом, но сохранил почти без изъяна рассудок и память, вынужден был рассказать всю истину, чтобы защитить свое доброе имя. Иначе, чего доброго, обвинили бы его в колдовстве.

Корабли-лилипуты

С. Шерр

Гибель гиганта

В 1918 году во время империалистической войны два громадных линейных корабля вместе с крупным отрядом из 6 миноносцев вышли из гавани в ночной поход. Впереди попарно шла охрана из миноносцев, а за нею один за другим, или, как говорят, в кильватер, двигались линкоры.

Уже начался рассвет. В рассеянном тумане командир отряда торпедных катеров, несших сторожевую службу и притаившихся под тенью скал, ясно увидел дым военных кораблей неприятеля.

Скрытно, прятаясь за каждый выступ прибрежных утесов, торпедные катера двинулись на сближение с противником. Осторожно, на малом ходу, катера проскользнули мимо сторожевого охранения из миноносцев и направились к линейным кораблям.

— Полный ход! — скомандовал командир, и катера рванулись вперед.

С близкой дистанции передний катер молниеносно выпустил свои торпеды в линкор. Две трехметровые стальные сигары, начиненные почти четвертью тонны взрывчатого вещества большой силы, с легким всплеском скользнули за борт катера, нырнули и помчались по заданному курсу.

Через несколько секунд огромный столб воды, пламени и дыма взметнулся вверх,

раздался страшный грохот взрыва. Линкор вздрогнул и повалился на бок.

Долго боролся корабль с заливавшей его водой, но все усилия команды спасти судно были тщетны. Торпеды разворотили огромные пробоины в подводной части линкора, и через 2 часа 35 минут линкор перевернулся и пошел ко дну, унося в морскую пучину полтораста матросов и офицеров.

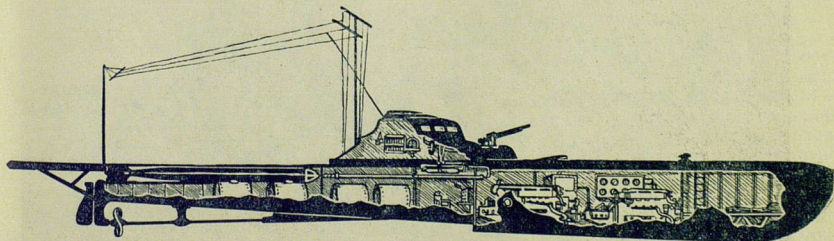
Погиб громадный военный корабль, водоизмещением в 29 300 тонн.

Корабль, вооруженный двенадцатью пушками главного калибра, каждый снаряд которых имел диаметр в 30,5 сантиметра, защищенный крепкой стальной броней толщиной в 28 сантиметров, корабль-великан был побежден ничтожным карликом—торпедным катером водоизмещением только в 12 тонн.

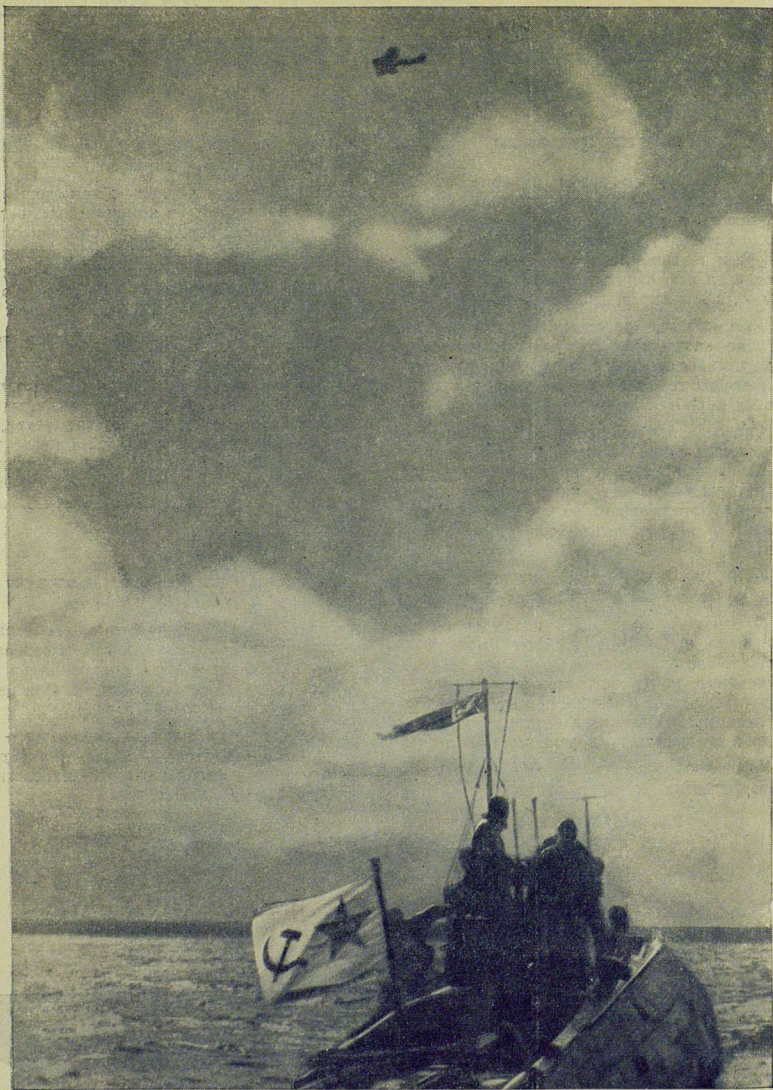
„Гавриил“ топит катера

Летом 1918 года два линейных корабля «Петропавловск» и «Андрей Первозванный» и крейсер «Олег» с охраной из миноносцев вышли из Кронштадта. Они взяли курс на форту «Красная горка».

Восставшие против советской власти изменники и предатели — эсеры — захватили этот мощный форт и открывали белогвардейцам дорогу на Петроград.

Разрез торпедного катера. В носовом отсеке лежит якорь. Затем идет машинный отсек с моторами. Над каютикой радиста устроена командирская рубка. В кормовой части бензиновые баки. Из командирской рубки идет к торпедной желобной торпедный аппарат.

Зорко стерегут морские границы нашей родины торпедные катера.

Против мятежников выступили отряды вооруженных рабочих и красный Балтийский флот. Советские корабли с моря открыли огонь по «Красной горке» из тяжелых дальнбойных пушек. Мятеж был быстро подавлен.

На помощь мятежникам пытались придти интервенты.

На рассвете 18 августа Кронштадт был атакован самолетами с воздуха, но это была уловка. Англичане думали, что моряки отвлекутся борьбой с воздушным противником и ослабят охрану со стороны моря.

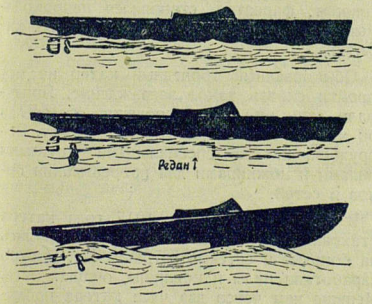
В эту же ночь 8 торпедных катеров из Финляндии двинулись на Кронштадт. Дорогой у одного из них взорвался мотор, и катер затонул. В налете на красный Балтийский флот участвовало только 7 катеров. Каждый катер имел на борту по 2 торпеды и по 4 пулемета.

Но захватить наши корабли врасплох не удалось. С советских фортов заметили идущие полным ходом, со скоростью 30—40 узлов¹, катера, обстреляли их и дали знать в Кронштадт.

Через 5 минут отряд нарвался на дозорный миноносец «Гавриил». Миноносец немедленно открыл огонь. Один из головных катеров выпустил в «Гавриила» торпеды.

Они прошли мимо миноносца. Катер повернул обратно и пустился наутек.

Второй катер был уничтожен метким огнем с миноносца. Это был первый в истории случай гибели торпедного катера от орудийного обстрела.

Наверху — корпус килевого катера. В середине — реданный катер в неподвижном состоянии, а внизу — на ходу.

¹ Узел, или морская миля, равен $1\frac{1}{4}$ километра. Значит, катера двигались со скоростью около 70 километров в час.

Только трем катерам под прикрытием сильного пулеметного огня удалось ворваться в Кронштадтскую гавань. Но внезапность атаки уже была потеряна.

Только хорошее знакомство с местностью по сообщениям воздушной разведки позволило первому из проскочивших в порт катеров выпустить обе торпеды в стоявший у стенки старый корабль «Память Азова».

Другой катер атаковал линейный корабль «Андрей Первозванный». Третий катер выстрелил торпедами наавось и попал в южную каменную стенку гавани.

Попытка вывести из строя красный Балтийский флот не удалась. Из семи участвовавших в налете торпедных катеров три были уничтожены метким артиллерийским огнем советского миноносца «Гавриил».

Один катер потопила собственная команда, другой затонул на обратном пути, и только двум удалось ударить безнаказанно. С погибших катеров балтийцы взяли в плен 9 человек, из которых трое оказались офицерами.

Один из потонувших катеров был поднят советскими моряками. Оказалось, что это было маленькое суденышко—всего 17 метров длиной и 3 метра шириной, вес его был около 5 тонн.

Советские моряки впервые рассмотрели этот новый вид морского оружия.

Благодаря особой форме корпуса и небольшому весу этот катер мало погружался в воду, или, как говорят, имел осадку только в 35—40 сантиметров. Поэтому сопротивление воды было незначительно, и он мог быстро ходить. Молниеносность нападения была главным преимуществом катеров.

Самое молодое оружие

Торпедные катера — самое молодое оружие морской войны. Они появились только во время империалистической войны 1914—1918 годов. Все участвовавшие в войне страны построили около 1200 быстроходных катеров. Эти маленькие суденышки были опасны даже самым большим кораблям.

А большой военный корабль, например линкор,—это целый пловучий завод, вооруженный машинами мощностью во много тысяч лошадиных сил. Энергии этих машин

хватило бы для освещения большого города. На таком пловучем заводе работает больше 1500 человек. Дальнобойные морские пушки главного калибра установлены в бронированных вращающихся башнях, где все управление пушками: наводка, зарядка, выстрел—производится сложными машинами и приборами. Самолеты установлены на специальных площадках. А если бы линкор поставить носом вверх посредине улицы, то его нос поднялся бы выше купола Исаакиевского собора в Ленинграде и, конечно, выше гостиницы «Москва».

Стоит такой корабль очень дорого, больше ста миллионов рублей, а против него борются ничтожные пигмеи по сравнению с ним — торпедные катера.

В морской войне маленькие хищники — торпедные катера — применяются не только для торпедных атак. Во время империалистической войны быстроходные торпедные катера разбрасывали мины, или, как говорят морским языком, ставили минные заграждения.

Мина — это большой железный котел вроде шара или яйца. Этот котел, начиненный взрывчатым веществом, имеет специальный механизм для взрыва. Мина устанавливается под водой неподвижно на якоре. Когда корабль ударяется о мину, она взрывается.

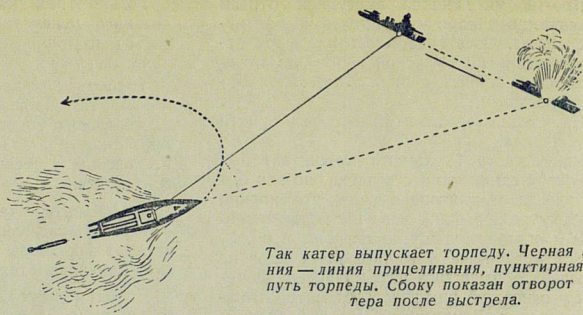
Однажды у входа в гавань одной из империалистических стран торпедный катер, пробравшись туда ночью, сбросил 4 мины. На этих минах при выходе из гавани взорвалась подводная лодка, имевшая важное боевое задание.

Подвижность, быстроходность и легкость торпедных катеров помогает им с помощью специальных глубинных бомб¹ охотиться за подводными лодками, ставить дымовые завесы, конвоировать торговые и военные суда, вести разведку, поддерживать связь и т. п.

Ползающие катера

Чтобы спасти от катера суда, придумали входы и выходы в порты закрывать боно-

¹ Эти бомбы разрываются под водой на заданной им глубине.

Так катер выпускает торпеду. Черная линия — линия прицепивания, пунктирная — путь торпеды. Сбоку показан отворот катера после выстрела.

выми и сетевыми заграждениями. Боны и сети протягивали поперек прохода так, чтобы неприятельская подводная лодка или торпедный катер натолкнулись на бон или запутались в сетях.

Боны¹ делались из нескольких рядов толстых бревен, цепей и якорей. Бревна связывались цепями и ставились на якоря. Верхняя часть бона, поддерживаемая бревнами или пустыми бочками, плавала на воде, а нижняя, прикрепленная к якорям, опускалась на дно; получалась прочная загородка вроде забора, перегораживающая вход до дна. К крепким стальным сетям приделывали поплавки и якоря и ставили подобно бонам.

Загороженный такой боновой или сетевой перегородкой путь в гавань, или, как говорят, фарватер, становился непроходимым для подводных лодок и торпедных катеров.

Обыкновенный торпедный катер не мог пройти сквозь такое заграждение. Придумали дать ему приспособления, которыми он мог бы сам проложить себе дорогу. Вооружили катера специальными круглыми пилами и ножницами для прорезывания бон и сетей.

В ночь на 9 декабря 1917 года катера атаковали одну из гаваней, но натолкнулись на боновые и сетевые заграждения. Быстро заработали пилы и ножницы, очищая путь. Меньше чем через два часа катера проложили себе дорогу сквозь заграждения. Пользуясь темнотой, катера бесшумно проскользнули в гавань.

Броненосцы с потушенными сигнальными огнями смутно чернели в глубине гавани. Осторожно крались морские хищники—ка-

тера — вдоль стенки гавани, высматривая броненосцы. Давно изучен силуэт этих кораблей, и теперь командиры катеров высматривают добычу, зорко глядяываясь в ночную темноту.

Вот и броненосцы! С дистанции в 251-метров катера развернулись и одновременно атаковали корабли.

Удачно пущенной торпедой один броненосец был подорван. В огромную пробоину ворвалась вода. Броненосец лег на бок и через несколько минут затонул.

После сигнала тревоги по воде забегали острые глаза прожекторов, нащупывая противника, но было поздно. Благодаря внезапности нападения и отсутствию бдительности катерам удалось удраить безнаказанно.

Гибель броненосца заставила все воюющие страны еще больше усилить боновые и сетевые заграждения морских баз.

Но если нельзя прорезать боновые заграждения, нужно попытаться перелезть через них, решили строители катеров. Значит, нужно построить такие катера, которые умели бы ползать подобно танку и смогли бы перелезть через боны.

Так было построено 4 торпедных катера-танка. С каждой стороны катеров, вдоль бортов, были на специальные колеса надеты две бесконечные цепи. К ним приделали острые, загнутые вперед когти. Бесконечная цепь, двигаясь, цеплялась когтями за плавающие на воде бревна бона и перетаскивала корпус катера через него.

К лету 1918 года катера-танки были готовы. Под покровом ночи катер-танк и два обыкновенных торпедных катера в полночь подошли к боновым заграждениям, поставленным на фарватере у входа в гавань.

Тут катера были обнаружены сторожевым судном. Поднялась тревога, по катерам открыли стрельбу.

В несколько мгновений катер-танк преодолел два бона и два сетевых заграждения, но тут его встретил сторожевой катер.

Сторожевик открыл сильный огонь, и погашив снарядом торпедный катер-танк был затоплен.

Как устроен катер

Самое название «торпедный катер» показывает, что его основным оружием является торпеда, или самодвижущаяся мина.

Самодвижущейся она называется потому, что в нее помещена небольшая машина, работающая сжатым воздухом. Эта машина вращает два гребных винта, расположенных за кормой, и быстро двигает мину вперед.

Сама торпеда — это длинная стальная сигара, в носовой части ее устроены зарядное отделение с взрывчатим веществом и механизм взрывателя. У современных торпед диаметр — калибр — свыше полуметра, и они несут в себе больше 200 килограммов взрывчатого вещества.

Как только с катера сбросят торпеду в воду, в торпеде немедленно начинает работать воздушная машина, и с быстротой до 75 километров в час несет ее к цели.

Торпедные катера вооружаются теперь двумя, тремя и даже четырьмя торпедами. Их кладут по бортам на специальных приспособлениях, с которых можно быстро сбрасывать торпеды в воду для выстрела.

При атаке чаще всего торпеда сбрасывается назад, против хода катера. Потом катер делает поворот, а торпеда идет уже при помощи своей машины вперед тем же курсом, каким шел катер, когда сбросил ее в воду.

Чтобы точно попасть в неприятеля, командир катера должен рассчитывать направления и скорости движения атакуемого корабля и своего катера, скорость хода торпеды, расстояние до цели, скорость и направление течения. Из-за большой скорости катера меткий выстрел — не простое дело, поэтому катера вооружаются специальными автоматическими приборами и прицелами, облегчающими расчеты.

Сам торпедный катер — это легкая быстходная моторная лодка водоизмеще-

Разрез торпеды. Впереди заряд. Затем идут резервуар с сжатым воздухом и механизм,двигающий торпеду.

нием от 5 до 30 тонн. Корпус торпедного катера обычно изготовляется из прочных легких сплавов, из которых делают самолеты.

Вообще между самолетом и торпедным катером много общего. Даже двигают катер авиационные моторы. Их ставят два, три и даже больше.

Точно рой ос должны налететь катера на корабли врагов, выпустить свои смертоносные жала — торпеды — и так же быстро скрыться. Для этого катера должны мчаться гораздо быстрее, чем самые быстроходные военные корабли. Их нормальная скорость — свыше 40—45 узлов (70—80 километров в час). Когда по морю летит катер, редан и скулы (боковые части носа) поднимают за ним пенную волну. Кажется, что катер идет между водяными стенами.

Катера так быстроходны потому, что на них поставлен авиационный мотор большой мощности и устроен корпус особой формы.

Различают два вида торпедных катеров по форме их корпуса. У килевых катеров узкий длинный корпус, в подводной части которого находится киль. Эта форма корпуса дает катерам большую мореходность — устойчивость на волне, но зато они не так быстроходны. У других катеров подводная часть устроена, как у глиссеров. Французское слово «глиссе» значит скользить. Глиссер и торпедный катер глиссерной формы скользят по воде. Редан или выступ в его передней части заставляет корпус катера на ходу от сопротивления воды вылезать из воды. Между днищем катера и во-

Торпедные катера идут в атаку.

дой получается слой воздуха, он значительно уменьшает сопротивление движению и поэтому увеличивает скорость. Глиссер скользит по воде, как бы на воздушной подушке, или, как говорят, выходит на редан. Реданные торпедные катера быстроходны, но мореходность у них меньше, чем у килевых.

Корпус катера разделен на несколько отделений, они называются отсеками.

Кроме торпедного вооружения теперь на катерах устанавливают легкие скорострельные мелкокалиберные пушки и пулеметы.

На катерах есть еще особые аппараты для подслушивания под водой — гидрофоны. Через них можно услышать шум от работы

машин неприятельских кораблей, когда кораблей еще не видно. Для связи с другими кораблями или берегом устроена радиоустановка.

Как видите, несмотря на небольшую величину торпедный катер — сложный военный корабль, требующий для боевой службы хорошо обученных специалистов.

Боевая тревога

В клубе Н-ского соединения торпедных катеров внезапно густо заревела сирена:

— Тревога! Тревога!..

Потухли яркие «юпитеры», заливавшие светом залу. На стенах вспыхнули красные лампочки тревожной сигнализации.

В кубриках¹ большого и красивого дома, где размещался личный состав соединения, люди уже торопливо одевались, затягивая пояса и пристегивая на ходу оружие.

Через минуту в доме остались только вахтенные.

На берегу, где в специальных ангарах, тускло поблескивая металлическими корпусами, стояли торпедные катера, уже шла работа.

Без суеты и шума в мутной черноте осенней мглы люди уверенно и спокойно спускали на воду катера. Шопотом передавались приказания из уст в уста.

Старшина Носов привычно готовил свой катер по боевой тревоге.

Моросил мелкий дождь. Ноги скользили в мягкой глинистой почве берега, пропитанной водой. Дул северный, пронизывающий ветер и хлестал в лицо тысячами колющих игл. На море был сильный шторм.

Однако положенное время еще не истекло, как катер Носова покачивался в бухте, готовый по мановению руки командира ринуться на врага.

Корпуса катеров дрожали от резких ударов валов о борты. Но, уверенно держа заданный курс, крепко сжимая штурвал, старшина Носов лавировал в узком извилистом проходе в залив.

Ревели моторы, выбрасывая за корму разбитые в пену струи вздыбленной винтами воды.

Скорость движения приближалась к максимальной. Вдруг почти перед носом кате-

ра выросла большая черная скала. Носов резко дернул штурвал. Нос катера отвалился влево, и судно благополучно миновало опасное место.

Но в момент разворота от сильной волны лопнул штуртрос² — катер перестал слушаться руля.

Казалось, гибель была неизбежна. Катер мчался вперед и каждую секунду мог разбиться о камни, защищавшие подступы к бухте.

Нащупав рукой обрывок штуртроса и убедившись, что канатик лопнул, к счастью, вблизи от поста управления, Носов дотянулся до него. Намотал конец себе на палец и так управляя катером, ни на минуту не задержав исполнение задачи. На каждом повороте штуртрос врезался в палец старшины.

Блеснула и разлетелась блестящими звездочками сигнальная ракета. Она дала знать, что «неприятельские» корабли уже в зоне атаки.

Вторая ракета метнулась слева, подавая сигнал: лечь на боевой курс.

Носов уверенно вел катер вперед. Расчет, хладнокровие, мужество и выучка не пропали даром. Катер блестяще выполнил на «отлично» боевое задание по тревоге. Все торпеды попали в цель.

Не хуже Носова выполнили свои задачи все корабли соединения.

Изо дня в день советские катерники упорно и настойчиво учатся владеть своим молниеносным оружием. Во всех флотах нашей непобедимой родины катерники показывают образцы мужества и отваги, образцы преданности нашему великому отечеству.

Ни шторм, ни ночь, ни туманы не могут задержать или прервать путь наших «кораблей-лилипутов». Быстрее ветра несутся они в атаку, отражая натиск условного врага, и горю настоящему противнику, посмеющему посягнуть на нашу родную землю!

В скрытых заливах и бухтах зорко стерегут врага советские торпедные катера.

Ни днем, ни ночью не застанешь их врасплох. Они всегда готовы к бою!

¹ Моряки называют кубриком общее помещение для команды.

² Штуртрос — канатик или цепь для передачи на руль движения штурвала.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО „КОМПАС“

Известия Географического общества читателей журнала «Пионер» № 17

Землепроходец Семен Дежнев

В. Самойлов

Где кончается Азия? Не составляли ли Америка с ней один материк? Вот о чем спорили географы триста лет назад, в 17-м веке.

Заинтересовался этим спором и Петр I, но война со шведами все мешала им заняться. Только перед смертью, в 1724 году, он собственноручно составил инструкцию о так называемой Первой камчатской экспедиции. Начальником ее был назначен лично известный Петру капитан-командор Витус Беринг, датчанин, состоявший на русской службе.

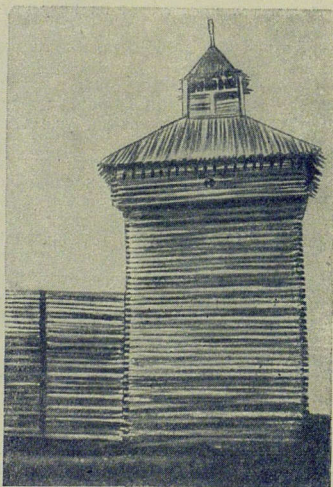
Беринг отплыл из Охотска на двух ботах в 1728 году, уже после смерти Петра. Прошел он на север вдоль восточных берегов Камчатки до острова Лаврентия. Увидев, что берег Азии «заворачивает к северу» и что, следовательно, соединение Азии и Америки невозможно из-за пролива между ними, он повернул назад.

В 1778 году великий английский мореплаватель Кук тоже пытался пройти этот пролив, но, принужденный возвратиться обратно, предложил назвать его именем Беринга.

А ведь задолго до Беринга и Кука этот пролив был уже открыт казаком Семеном Дежневым!

КТО БЫЛ ДЕЖНЕВ?

Кто же был этот Семен, или, как он подписывался, Семейк Дежнев, сделавший такое важное открытие?

Башня стены якутского острова.

К сожалению, мы далеко не все знаем о нем. Сохранились лишь несколько отписок воевод да донесения и челобитные¹ самого Дежнева.

Родиной Семена Иванова² Дежнева

¹ Отписка — доклад; челобитная — прошение.

² Иванова, а не Ивановича, ибо с «вичем» в то время писались только родовитые люди.

Туземцы приносят воеводе в острог ясак. Внизу нарисованы казачьи кочи. (Рисунок из «Сибирской летописи»).

был Великий Устюг. В этом северном городе не выветрился еще дух удалых новгородских ушкуйников¹, которыми он был основан. Он дал Сибири много предприимчивых, энергичных людей.

Родился Семейко в начале 17-го столетия, а в 30-х годах он уже на военной службе в Тобольске, а затем в Енисейске.

Это были небольшие города-крепости, обнесенные деревянной стеной на случай нападения сибирских племен. В это время Сибирь завоевывалась отрядами русских казаков. Казаки на лодках по сибирским рекам двигались все дальше на восток и север. А за ними с отрядами солдат шли царские воеводы из Москвы. Они селились в казачьих городках и оттуда командовали казаками, по-

сылая их все дальше и дальше. Одно за другим покоряли казаки сибирские племена и заставляли их платить ясак (дань) русскому царю. Вместе с воеводами приходили купцы, поны, приказные. Они грабили покоренные народы, спаивали их водкой и у пьяных отбирали за бесенок дорогие меха.

Так в 17-м столетии русские цари покорили всю Восточную Сибирь и подчинили себе все ее народы.

Не раз жестоко обираемые сибирские народы восставали против грабителей: воевод, казаков и купцов,—не раз вступали в бой с ними. осаждали крепости. Но казаки были вооружены огнестрельным оружием, привычны к военному делу.

Восстания подавлялись, и грабеж народов продолжался.

Сравнительно спокойная служба в Тобольске и Енисейске не удовлетворяла киучую, предприимчивую натуру Дежнева. В 1638 году он перешел в недавно основанный якутский острог².

Вот здесь служба была по нему!

В одной своей челобитной он жалуется, что «на тех государевых службах, в те многие годы всякую нужду и бедность терпел и сосновую и лиственную кору ел, и всякую скверну принимал». Жалуется, но на тихую и мирную службу, куда-нибудь поближе к Уралу, не идет!

² Острогом в те времена называли небольшие деревянные крепостцы, сооружаемые казаками-землепроходцами в качестве опорных пунктов в завоеванных областях. Позднейшее значение острога — тюрьма.

¹ Ушкуйниками (от слова «ушкуй» — ладья) в Новгороде называли вольных людей, занимавшихся грабежом и набегами в 11—14-м веках.

ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ

Еще до приезда Дежнева в Якутск «кангальского рода князец¹ Сахей» убил двух служилых людей, которые посланы были взять с него дань—ясак. Убил и откочевал со всем своим родом куда-то в дальние места. Послали за ним в погону Ивана Метлеха, но и тот был убит сыном Сахей. Тогда снарядили небольшой отряд, отдали его под начальство Дежнева и велели во что бы то ни стало «сыскать Сахей».

Неизвестно, как действовал Дежнев — «жесточью», то есть жестокостью, или увещаниями, — но во всяком случае отряд возвратился в целости, и Дежнев привез ясак и выкуп за убитых — «3 сорока 20 соболей», то есть 140 соболей.

Эта удача обратила на него внимание начальства, и в 1641 году знаменитый письменный голова Поярко, первый проплывший весь Амур, посылает Дежнева и Михайлова собирать ясак

¹ Князец — родового старшина, глава рода.

на реку Яну. Служилых людей дали им 15 человек.

Михайлов остался на Яне, а Дежнев с тремя служилыми людьми повез сдавать дорогие меха в Якутск. По дороге на отряд напали туземцы. Но Дежневу, хотя он и был ранен одной стрелой в колено, а другой — в икру, удалось отбиться.

На следующий год (1642) воевода отправил Дежнева со Стадухиным на реку Оймекон — приток Индигирки. От Якутска это не меньше тысячи километров по прямому направлению. Служилых людей и казаков дали им 13 человек.

Прибыли туда благополучно, и дело со сбором ясака пошло вначале очень хорошо. Объясаченный раньше тунгусский род князца Чоны платил дань без возражений. Но над маленьким отрядом собиралась гроза. «Немирные тунгусы» решили уничтожить насильников-казаков. Собрали целое войско чуть не в 500 человек и неожиданно напали на казачье становище. Великолепные стрелки, тунгусы перестреляли почти

Путь из Якутска в Охотск.

Старинный рисунок.

Мыс Дежнева — самая восточная оконечность Азии.

всех лошадей и переранили большую часть людей. Дежнев опять получил две раны: в локоть и в ногу. Положение было безвыходное. Служилые люди уже попросились перед смертью, как вдруг пришла неожиданная помощь: на нападавших ударили ясачные тунгусы княздя Чона, и с их помощью нападение было отбито.

Это необычайно редкий в истории Сибири случай, когда местные жители, да еще с которых только что взят был ясак, заступились за русских. Видимо, Дежнев умел ладить с ними.

Но положение все равно было плохое: лошади почти все были перестреляны и люди переранены. В первую очередь решили спасти казенное добро — «государеву казну». Отобрали наименее пострадавших — Дениса Ерила и Ивана Кислого, — погрузили меха на оставшихся лошадей и отправили их в Якутск, а сами остались залечивать раны.

Наступило короткое северное лето, раны зажили, но как теперь добраться до Якутска? Пешком? Это верная погибель! Выручил заступник их — князец Чона. Он посоветовал им сделать коч — большую мореходную лодку — и плыть по Оймекону и Индигирке к морю, а затем «великой водой» пробраться около берегов к устью Лены и уже Леной — домой, в Якутск. Совета послушались: сделали коч и поплыли реками к морю.

Выйдя к морю, услышали, что где-то восточнее бродит еще отряд русских.

Дежнев с одним из сотоварищей пошли пешком на поиски и на реке Алазее нашли небольшой отряд под командой Михайлова, того самого, с которым Дежнев ходил на реку Яну.

К этому времени подошли и другие спутники Дежнева. Отряды сошлись. Стали думать, что делать дальше. Пора было возвращаться в Якутск, а с другой стороны, так тянули новые, неизведанные земли, что позабывались все невзгоды. Решили, в конце концов, вместо Якутска пробраться на почти неизвестную тогда реку Колыму. Добрались, срубили там острожек — небольшую крепость — и начали обясачивать окрестные племена.

Ходили всем отрядом против «юкагирских мужиков оймоков». Был большой бой. Дежнев, как всегда, сражался храбро, убил «лутчево мужика» — брата княздя Аллая, но и самого Дежнева прострелили «наскрозь железницею», то есть железной стрелой.

Три года уже «справляли свою службишку» казаки, вконец измучились, обтрепались, по хлебу соскучились и решили, что Стадухин с Михайловым заберут ясак и отправятся с половиной отряда морем на кочах к устью Лены и Леной — в Якутск, а Дежнев с другой половиной отряда останется в Колымском острожке. Оставили, видимо, Дежнева потому, что он еще не оправился от своей раны.

Отряд, оставшийся в Колымском острожке, состоял всего из 13 человек. Князец Аллай, брата которого убил Деж-

нев, услышал, что большая часть отряда ушла, и решил перебить оставшихся русских. Собрал он свыше 300 человек, осадил острожек и пошел на приступ. Не удержал нападавших «огненный бой» из пищалей, и они ворвались в крепостцу. Разгорелся отчаянный рукопашный, или, как пишет Дежнев, «с'емный бой». Надежд на спасение не было: десятку казаков приходилось защищаться против сотен неприятелей. А в рукопашном бою нельзя было пользоваться ружьями, которых так боялись местные жители. На счастье отбивавшихся из последних сил русских, кому-то из служилых людей удалось «изменника Аллайфу на с'емном бою копьём сколоть до смерти». Лишившись предводителя, юагиры отхлынули, и русские были спасены. Дежнев в этом бою был ранен в голову.

ПОХОД НА АНАДЫРЬ-РЕКУ

В 1646 году приплыл снизу, от моря, в Колымский острожек Исая Игнатьев и привез «рыбий зуб», как звали тогда моржовые клыки. Выменял он их у прибрежных чукчей. В ту же зиму составилось товарищество для похода за «рыбьим зубом» и для отыскания Анадырь-реки. О том, что она богата драгоценной костью, давно ходили слухи. Пошли в поход 7 кочей, и на них «сила людей»—90 человек. Смешно звучит теперь, что об отряде в 90 человек говорят, как почти о целой армии. Но для людей, умевших сам-десять отбиваться от многих сотен «немирных народов», сам-пятнадцать завоевывать громадные области, конечно, отряд в 90 человек казался большой силой.

2 июня 1648 года кочи вышли в море. Четыре коча скоро пропали. Может, они утонули, а вернее всего струсили и вернулись обратно. Ругать оставшихся за трусость особенно нельзя: если сейчас этот путь с опаской проделывают пароходы и ледоколы, то на маленьких казачьих кочах идти по бурному, неизвестному студеному морю могли только отчаянные смельчаки.

В августе оставшиеся 3 коча стали поворачивать мимо Чукотки к теперешнему Берингову проливу. В пролив вошли в начале сентября. Около мыса

Чукотского («Большого каменного носа», как его называют Дежнев) один коч разбилось. Поплыли на двух.

Пройдя во второй половине сентября пролив, отделяющий Азию от Америки, и не подозревая о разрешенной им громадной географической задаче, Дежнев со своими спутниками вступил в Великий, или Тихий, океан.

Долго «неволею» гоняло дежневский коч разбушевавшееся море и, наконец, выкинуло где-то южнее устья Анадыря на берег. Второй коч с Анкудиновым пропал, потом выяснилось, что его прибило к берегу у реки Камчатки.

Дежнев с 24 своими спутниками взял с разбитого коча что мог, главным образом оружие и инструменты, и пошел назад, к устью Анадыря.

Наступила зима, начались морозы и метели. Шли «холодны и голодны, наги и босы». Реки замерзли, рыбу ловить было нельзя, лесов и зверя нигде не встретили, не было и людей. Чем питались дорогой, как хватило сил дотащиться до цели, — неизвестно.

Кое-как переживал Дежнев с остатками своей партии. Спасли их дикие олени, которые появились откуда-то во множестве и почти совершенно не боялись людей. Осталось теперь от всей силы всего 16 человек, остальных — кого проглотил океан, кого стубили лютый мороз да метели, а кто был убит.

Летом следующего, 1649 года соорудили лодки из выкинутого плавника и двинулись вверх по реке. Доплыли благополучно до зимовьев «анаульских людей», но тут вступили с ними в бой. Дежнев в этом бою был ранен «смертною раной» и еле остался жив. Построили здесь острожек и засели в нем, совершая из него набеги.

Зиму 1649 года провели в острожке, а летом 1650 года, когда был на исходе порох и свинец, начали подумывать об отступлении. Но тут прибыли из Колымского острожка две партии — Семена Моторы и Михаила Стадухина. Они пробрались с Колымы на Анадырь сухим путем.

Со Стадухином Дежнев не поладил. Даже в то жесткое время больше всего возмущали Дежнева жадность и жестокость Стадухина. Был раз такой слу-

чай. Сошлись обе партии перед острожком, в котором засели коряки. Дежнев стал выговаривать Стадухину, что он «не гораздо, без разбору грабит и убивает иноверцев». Стадухин ответил, что не его, мол, это дело. А когда после ласковых уговоров Дежнева вышел из острожка один из коряков, чтобы уплатить ясак, Стадухин вырвал у него меха и избил Дежнева. Был и другой слу-чай. Раз дежневский отряд крепко голодал. Получше кормили только аманата—заложника, — потому что боялись, как бы он не умер. Сами же питались лиственной корой «да чем бог пошлет». А Стадухин напал на партию, шедшую на помощь дежевскому отряду, и отнял у нее все запасы.

До 1656 года Дежнев промышлял «рыбий зуб» — моржовые кости, — сражался с чукчами и коряками, громил их острожки и зимовья, брал у них аманатов и ясак. В этом году приехал на Анадырь первый правительственный «приказник» — сотник Амос Михайлов. Ему велено было «расписатца» с Дежневым и другими начальными людьми, то есть принять от них зимовья, служилых людей, аманатов, «государеву казну», воинские припасы.

В 1659 году Дежнев сдал свой острожек назначенному взамен его Карбату Иванову. Он прожил в Анадырском крае еще 2 года, занимаясь собственным промыслом «рыбего зуба», и, наконец, прибыл в 1662 году в Якутск, откуда выехал 20 лет назад.

ПОЕЗДКА В МОСКВУ

После приезда Дежнева в Якутск решено было отправить с ним драгоценную «костяную казну» в Москву.

Дежнева, приехавшего в 1664 году в Москву, приняли ласково. Еще бы! Дежнев привез около 200 пудов драгоценной кости, которая ценилась тогда по 60 рублей за пуд. А 60 рублей по тому времени были очень большой суммой, принимая во внимание, что пуд ржи стоил тогда 8 — 10 копеек.

Дежнев возбудил ходатайство о выдаче ему заслуженного денежного и хлебного жалования за 19 лет — с 1643 по 1661 год, — которое он не мог получить в Якутске из-за того, что там не

хватало денег, а главное — продовольствия, чтобы расплатиться с Дежневым.

Перевели хлебное довольствие на деньги, подсчитали, и получилось, что Дежнев должен получить за 19 лет 126 рублей 6 алтын и 5 денег серебром¹. Сумма показалась настолько большой, что доложили царю, и тот «за ту его Сенькину многую службу и за терпенье велел ему на те прошлые годы выдать из Сибирского приказа треть деньгами, а за две доли сукнами». Получил после этого Дежнев 38 рублей 22 алтына 3 деньги серебром и 97 аршин темно-вишневого и светлозеленого сукна.

В тот же, 1665 год выехал Дежнев из Москвы. О службе его казачьим атаманом в Якутске никаких сведений нет. Знаем мы только, что в 1671 году Дежнев был вновь в Москве, куда привозил меха. Было ему в то время лет 60 с лишком. В Москве он и умер. Сохранилась такая запись в книге записи жалования: «Семен Дежнев в 1673 году на Москва помре, а оклад его выбылых».

ОТКРЫТИЕ ДЕЖНЕВА

Понял ли кто-нибудь во времена Дежнева важность его открытия? Никто!

Не подозревал всей важности своего морского пути от реки Колымы до Анадыря и Дежнев. Едва ли он даже слышал, что есть Америка и что очень важно найти пролив, который отделяет ее от Азии. И сам Дежнев и царское правительство из всего его беспримерного похода оценили только открытие «новой земли» с дорогим «рыбим зубом», что сулило больше прибыли «государевой казне».

При скудости географических познаний в Московской Руси такое отношение к походу Дежнева понятно. Непонятно другое: как не вспомнил никто о Дежневе, когда в 1778 году Джеймс Кук предложил назвать пролив Беринговым? Ведь за 20 лет до этого, в 1758 году, пролив был пройден Дежневым. А может, и помнили, да промолчали, не желая возвеличивать худородного казацкишу перед заслуженным иностранцем.

¹ Алтын равен 3 копейкам, деньга — полкопейке.

По Ойротии

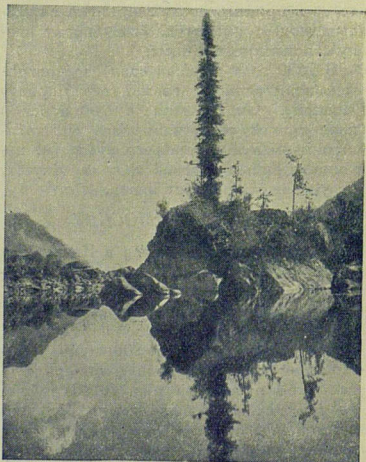
Снимки Н. Баранова

Олень-марал. Из его рогов — пантов — добывают ценное лекарство. В Ойротии широко занимаются мараловодством. На снимке: ловля марала в загоне для срезки рогов.

Высочайшая точка Ойротии — гора Белуха (4620 метров). За 100 лет на Белуху взошло всего 11 человек. Только с 1935 года начались массовые восхождения на нее.

Очень красиво Золотое озеро — Алтын-Кол. Светлозеленый Чулышман несет свои воды в озеро, а синяя Бия берет из него начало.

Фонд
Географического
Общества.

Олег Форафонов (Москва) провел лето в городке Спасске. Недалеко от него, на высоком берегу Оки, расположено древнее городище «Старая Рязань». В 12-м веке это был один из самых крупных и богатых городов Средней России. Этот древний город был окружен высокими земляными валами и рвами, которые сохранились и до сих пор. В 1237 году Русь подверглась большому бедствию: татарские полчища хана Батыя надвинулись на нее с востока и разорили русские земли, в том числе и Рязанское княжество. С тех пор город опустел: столица княжества была перенесена в город Переяславль, позднее переименованный в Рязань. На месте городища найдено много ценных старинных вещей и кладов, в том числе и великие рязанские бармы, хранящиеся в Эрмитаже (Ленинград). Среди населения ходит масса легенд о древнем городище. Вот одна из них: когда город был окружен татарами, литовская княгиня, находившаяся там, не хотела сдаваться живой и велела, чтобы в валу выстроили склеп и закопали ее со всеми богатствами. Каждую ночь, в 12 часов, она выходит из вала, вся в белом, и катит перед собой бочку с золотом.

Лев Цинговатов (Морозовское лесничество, Гамбовской области) обследовал реку Ворону и на крутом берегу заметил слой голубовато-серого вещества, напоминающего жирную глину. С трудом отщипнув кусочек этого плотного и упругого вещества, Лева потер его между пальцами. Получилось впечатление, что трещь сливочное масло. В веществе встречались маленьккие блестящие чешуйки. Прокалив вещество на сильном огне, Лева получил что-то вроде желтого кирпичика. Потом Лева удалось узнать, что это глина типа каолинита.

В ней есть слюда в смеси с кварцем и полевым шпатом.

Кроме этой глины в Вороне очень много черного дуба. Он лежит в воде громадными бревнами, этот дуб очень ценится, так как изделия из него не гниют и очень тверды.

Коля Нестеров (Церковническая НСШ, Плесецкого района, Северной области) сообщает, как он летом нашел подземный ручей:

— Раз я пошел в лес. Леса у нас густые и большие. Иду густой чащей, пробираюсь зарослями и слышу: что-то журчит, — сначала подумал, что это шестая ступень. Но деревья стояли так тихо, что ни один листок не шевелился. Чем дальше шел я, тем громче и громче раздавались всплески, журчанье. Мне стало страшно, и я поспешил уйти подальше от этого места. Пошел быстрыми шагами, сворачивая и обходя бурелом и старые деревья, которые грозили упасть и придавить прохожего. Так и звенело у меня в ушах. Никак не мог уйти от этого ропота. Вдруг ноги у меня провалились куда-то в траву. Ногам стало очень холодно; когда я их вытянул из этой ледяной ямы, они словно были обуты в ледяные башмаки.

Когда я взглянул в ледяную яму, то увидел темную, как чернила, воду. Она бежала так быстро, как будто хотела достигнуть самое быстрое существо на свете. В глазах у меня все завертелось.

Я понял, что это большой подземный ручей, который протекает по нашему лесу. Про него рассказывали охотники, но сами они тоже не очень верили, что это большой подземный ручей. Они думали, что ручей раньше тек, как и другие ручьи, а после завалился кустарником, травой и очутился как бы под землей. Я же ясно увидел, что это настоящий подземный ручей. Заметив хорошее место, я направился домой.

Секрет

(Окончание)

К. Чуковский

Рис. К. Клементьевой

Глава XI. Лунно ночью

Появление мамы у дверей Дракондиди в первую минуту показалось мне чудом. Но разгадка этого чуда была очень проста.

Вечером, убегая из дому, я, оказывается, забыл на столе записку, которую сегодня поутру написал мне Блохин: «Приходи к Дракондиди. Очень важное дело».

Что за Дракондиди, ни мама, ни Маруся не знали. Но в сумерках пришел Циндильндер, прочитал записку, ухмыльнулся и повел встревоженную маму по Успенской улице к «Заведению искусственных вод». В клуб ее, конечно, не пустили. Циндильндер, бывавший в этой труппе не раз, взял маму за рукав и повел ее темными задворками к каким-то кособоким лачугам, среди которых возвышалась голубятня.

В двух шагах от голубятни стоял горбатенький дряхлый сарай. Его низкая, обитая войлоком дверь служила единственным выходом из подземного клуба.

Ночь была лунная. От голубятни падала черная тень. В этой тени встала мама, молчаливая и неподвижная, как памятник. Циндильндер заюлил у нее за спиной, предлагая ей сесть на какие-то бревна. Но она будто не слыхала его.

Я забыл сказать, что незадолго до этого с Циндильндером случилось большое событие: он влюбился в маленькую оранжеворыжую Цилю — «обверточницу» с фабрики «Глузман и Ромм» — и дал ей слово никогда не заниматься своей «специальностью» (так называлась у него воровство). Мама давно советовала ему «учиться на токаря» в мебельной мастерской А. Э. Кайзера, на углу Канатной и Новой. Теперь он поступил туда в ученье, и его стали звать уже не Циндильндер, а Изя.

С той поры мы еще сильнее привязались к нему. Каждое воскресенье он приходил к нам с утра, наполнял нашу бочку водой, чистил для мамы к обеду «буряки» и картошку, развешивал вместе с Меланкой на «горшце» мокрое белье, бегал для Маруси за книгами в «Библиотеку евреев-приказчи-

ков». Он был старше меня на семь лет, но принимал горячее участие в моей неравной борьбе с хацкелятами. Опромное было для меня удовольствие ходить с ним спозаранку на базар за скумбрией, помидорами, черешнями, бубликами. Идем, бывало, домой, утомленные, останавливаемся отдохнуть возле дома мадам Чумаченко, и вдруг он говорит, улыбаясь:

— Эти торговки — такие раззявы!

И вытравливает из рукава слившийся ком чернослива.

Я с возмущением гляжу на него:

— Изя! Ты же говорил... Ты дал слово... и маме и Цилю... Как тебе не стыдно, Изя, Изя!..

— Так разве же это — воровство? — улыбается он и достает из-за пазухи горсть мушмалы, моченое яблоко, огурец, карамельку. — Это детская игра, финтифлюшки... И разве тебе не хочется моченого яблока?

К стыду моему, должен признаться, что украденные Циндильндером лакомства были для меня так привлекательны, что я охотно соглашался не считать их украденными и с'едал без зазрения совести и мушмалу, и чернослив, и моченое яблоко. Но оранжеворыжая Циля была бескорыстнее и строже меня. Когда Циндильндер похитил для нее на базаре любимые ею каштаны, она отшвырнула их так, словно это были раскаленные уголья, и заявила, что не желает водиться с таким «неизлечимым мазуриком».

С тех пор, прогуливаясь между ларьками в воскресные дни, Циндильндер перестал похищать даже тыквенные и арбузные семечки у придурковатой старухи Марьянки, у которой семилетние дети, налетая на нее воробыными стаями, беспрепятственно опустошали всю корзину до дна. Забавно было смотреть, с каким трудом он удерживает свои ловкие руки от похищения соблазнительных и плохо лежащих сластей. И как, стянув по привычке огурец или луковичу, он через секунду говорит: «Я нечаянно» — и кидает их обратно в мешок продавца.

Но все это кончилось еще в прошлом году. Теперь даже у седого трубача Симоненко честность Циндилидера уже не вызывает сомнений. Как верный и преданный друг, привел он опечаленную маму в глубину незнакомого глухого двора и оставил ее в тени голубятни, а сам присел и закурил в отдалении, не смея заговаривать с нею.

Мама удивила меня своей молчаливостью.

Она не сказала мне ни слова упрека, не назвала меня ни гулякой, ни бродягой, ни «безнравственным лодырем» (как любила называть меня Маруся): она тихо взяла меня за руку, и мы неторопливо пошли под лунной мимой хибарок и темных сараев. Как мне было стыдно перед нею! Сейчас, через три или четыре минуты, она узнает всю правду: что я обманывал ее все эти дни, увиливал, скрывался от нее, что никогда не бываю мне ни инженером, ни доктором, что фуражка моя без герба, что те огромные деньги, которые из году в год она платила за мое обучение в гимназии и за тетради, и за книги, и за кожаный ранец с покрывшей, и за круглый пенал, и за гимназический мундир с великолепными пуговицами, — что все эти деньги, добытые тяжелым трудом, пропали без всякой пользы, истрачены зря — все равно, что брошены в огонь.

Я шагаю с нею рядом, согнувшись и всхлипывая. Вот и наша квартира. Маруся давно уже спит. Я дрожу, как от сильной простуды, и продолжаю бормотать оправдания, хотя никто не обвиняет меня:

— Я ей-богу... Ты знаешь... Даю тебе честное слово... Это не я... Это Тютин...

Мама молча слушает этот отвратительный вздор и вдруг произносит отчетливо:

— Я знаю все... Я давно уже знаю...

— Знаешь?

Сердце у меня обрывается.

— Еще до вчерашнего дня. Вчера утром пришла из гимназии бумага... В субботу... при дяде Фоме...

Значит, напрасно я убежал от нее, напрасно притворялся, будто ничего не случилось. Как раз в то время, как я сидел в своем классе и прятался за спиной Блохина, произошла катастрофа. Но ни слова не сказала мама ни дяде Фоме, ни Марусе. И теперь так спокойно достает из-за припечка аккуратно сложенную бумагу с казенной печатью и подает ее мне. На бумаге написано красивейшим почерком:

«Педагогический совет шестой гимназии извещает Вас, милостивая государыня, что по постановлению совета сын Ваш такой-то исключен из пятого класса за малоуспеш-

ность в науках и вредное влияние на учащихся. Благоволите пожаловать такого-то числа в канцелярию гимназии для получения документов Вашего сына такого-то.

Примите, милостивая государыня, уверения в совершенном почтении и преданности

Директор А. Бурмейстер».

Для меня эта бумага — смертный приговор. Мама словно раздавлена ею. Стоит и смотрит на меня пустыми глазами. Хоть бы крикнула, хоть бы заплакала. В ее оцепенении есть что-то пугающее. Я хватаю ее холодные руки и повторяю с отчаянием:

— Ну не надо... Ну пожалуйста... Ну будь так добра. Ну прости!.. Ну не сердись!.. Ну не надо.

Мама хочет что-то сказать мне в ответ, но губы у нее шевелятся, а звуков не слышно, как будто она онемела.

— Мамочка! — говорю я в испуге.

Она попрежнему продолжает шептать какие-то неслышные слова. Мне страшно смотреть, как быстро движутся ее беззвучные губы.

— Мама, мама... Что же ты хочешь сказать?

И вдруг лицо у нее ярко краснеет, она вскрикивает и бросается ко мне вся в слезах и с такой силой обнимает меня, что мне становится больно, и, наконец, произносит то слово, которое ее наконец губы так долго не могли произнести.

Слово это кажется мне безумным.

— Прости меня... Прости меня... Прости меня...

— Мама, что ты говоришь? — кричу я.

— Это я, а не ты, это я... это я виновата во всем.

И она целует меня неуклюже и жадно — в уши, в брови, в подбородок, в глаза — и, целуя, без конца повторяет:

— Прости меня... Прости меня... Прости меня...

— Мама, — говорю я с испугом, — не надо.

Но она ладонью зажимает мне рот.

А потом мы оба затихаем и долго сидим обнявшись на большом кухонном топчане. Лампочка начинает чадить. В ней выгорел керосин, она гаснет. Но в кухне становится как будто светлее: вся кухня наполняется сиянием луны. Мама грудным и взволнованным голосом, какого я никогда у нее не слышал, рассказывает мне о себе, о своей жизни, о моем отце (о котором никогда не говорила ни слова) и, наконец, дремотно

— Прости меня!.. Прости меня!..

умолкает. Мне становится так хорошо, словно на свете никогда не бывало ни Мелетия, ни Шестиглазого, ни Барбоса, ни Прошки. Я кладу голову маме на колени и, тихо глядя ее руки, засыпаю.

Глава XII. Тайна

На следующий день оказалось, что мы оба больны: я и мама.

Я, должно быть, простудился вчера: бегал по городу в ветренный день без пальто и фуражки. У меня кашель и жар.

А у мамы началась мигрень. Голова ее туго обмотана большим полотенцем, которое Маруся каждый час погружает в умывальную чашку, доверху налитую уксусом.

Запах уксуса проник даже в «гостиную» и примешивается ко всем моим мыслям.

Впрочем, на четвертый день, как это бывало и раньше, мама встала с постели зеленая, с почернелыми веками, и тотчас взялась за уют. Я же провалялся три недели и, так как мне никто не мешал, целыми днями раздумывал о случившейся с нами беде.

Больше всего поразило меня то, что рассказала мне мама в мартовскую лунную ночь, когда в лампочке выгорел весь керосин и мы обнявшись сидели на кухонной скамье.

Оказывается, не даром просила у меня мама прощения. Она и в самом деле считала себя чуть не преступницей. И все соседи, за исключением двух—трех, смотрели на нее как на виноватую, не заслуживающую ни малейшей пощадки. Считалось, что смолоду она совершила один очень нехороший поступок, который лег на нее черным пятном, и потому все от нее отворачивались. Хотя в нашем дворе было много жильцов с очень плохой репутацией, но к ним соседи относились не с такою суровостью. Был Симка Констанди, избивавший до полусмерти свою хромую жену. Была вечно пьяная старуха Сутугина, вдова кочегара, ругавшаяся не хуже любого биндюжника. Был козлобородый прохвост Лев Субботский, владелец галантерейной лавчонки, в которой он нарочно устроил пожар, чтобы получить от страхового общества премию. Это были презренные люди, но, насколько я помню, у всех у них были свои друзья и приверженцы, водившие с ними компанию. Мама же в густонаселенном дворе жила как в безлюдной пустыне. Считалось, что она даже хуже Субботского, которого то и дело сажали в острог за мошенничество. Дворник Савелий, ленивое и колченогое чучело, ломавший

шапку перед каждым жильцом, при встрече с мамой не только не кланялся ей, но еще сильнее нахлобучивал шапку на лоб. Оттого-то мама проходила по двору такой гордой походкой, ни на кого не глядя, не вступая в разговоры даже с теми, кто относился к ней лучше других.

Должно быть, преступление, совершенное ею, было огромно, если ей приходилось так тяжело расплачиваться за него в течение всей своей жизни.

А для того чтобы знали, что она большая преступница, полиция выдала ей особый паспорт, в котором ясно указано, что ее нужно ненавидеть и презирать как злодейку.

Тут же, в постели, во время болезни мне припомнился один удивительный случай, когда я впервые понял, что мама у меня не такая, как у всех прочих детей. Мне было лет семь, не больше. Мама тогда только что принималась за стирку чужого белья, и эта работа удручала ее, главное, тем, что в квартире у нас не было крана. Воду приходилось приносить издалека, и, так как помощников у мамы тогда еще не было, эта работа отнимала у нее все ее силы.

Но как-то летом прибежала востроносая швейка, по прозвищу Дзыга, и сказала маме, что скоро ее каторга кончится, так как на Куликовом поле, наискосок от вокзала, строятся будто бы квартиры для бедных и в каждой будет свой собственный кран.

Мама не поверила:

— Вздор!

В те времена краны бывали только в богатых квартирах, а беднота бегала за водой по дворам.

Но Дзыга клялась и божилась:

— Я знаю от самого Карабутина.

Дзыга была ходячей газетой, переполненной новостями, так как она работала во многих семействах, кочуя из дому в дом.

Приходила она, в сущности, к Марусе, которая вечно писала для нее по письмовнику какие-то любовные письма. У Маруси был каллиграфический почерк.

На следующий день Дзыга прибежала опят и повела маму к самому Карабутину.

Карабутин был важная шишка. От него зависело распределение квартир. Был он бойкий, франтоватый и потрясающе вежливый. Казалось, во рту у него триста зубов, и все эти триста зубов приветливо сверкнули на маму, когда мама подавала ему написанное Марусей прошение, чтобы нам предоставили в новом доме квартиру.

Изо рта у Карабутина вылетали одни лишь приятности:

— Как же! Как же! Еще бы! Пожалуй-ста!

Маму даже испугала эта чрезмерная вежливость. Дзыга же пришла от нее в восхищение:

— Он хоть и плут, но—золотая душа.

В семье Карабутиных Дзыга состоялась придворной швейей...

Он тотчас же повел нас на постройку и, рассыпаясь перед мамой в любезностях, показал нам одну из квартир, почти готовую, номер девяносто четвертый, и мы сразу влюбились в нее.

Главное — в кухне есть кран!

Дзыга отвернула его, и из крана щедро хлынула еще рыжая молодая вода.

Мама тихо сказала:

— Раковина!

И засмеялась от радости.

Под краном была раковина — сказочная роскошь, легендарный комфорт. Значит, маме во время стирки уже не придется каждые полчаса выбегать на помойку, чтобы вылить из лохани загрязненную воду.

Мама, очарованная, пошла по квартире. — Здесь будет стол... Здесь марусин полка...

Все лето мы бегали на «нашу постройку».

— Уже красят полы! Уже привинчивают ручки к дверям!

Вот и шестое августа. Квартира готова. Мама подрядила сумасшедшего Беньку перевезти на новоселье нашу мебель. Он пришел еще до рассвета с тележкой, уселся на стульях и ждет.

— Мы сейчас вернемся, — говорит ему мама, берет зонтик, и мы идем к Карабутину.

Нужно для какой-то формальности представить Карабутина паспорт, и он сейчас же — золотая душа! — выдает нам ключ от девяносто четвертого номера.

Зубы Карабутина сверкают вовсю. Кажется, их уже не триста, а тысяча. Рядом с ним сидит седая женщина, вся в трауре, похожая на похоронную лошадь.

Мама подает ему паспорт, иссиня белую большую бумагу.

Он надевает пенсне, и вдруг его челюсти звонко захлопываются. Он говорит неожиданно пронзительным голосом:

— Тю-тю-тю! Что же вы суетесь к нам с такими... пейзажами? Слава богу, не маленькая. Сами должны понимать: э т а к и м в нашем доме не место.

— Но ведь вы обещали...

— Мало ли что. Разве я знал, что вы э т а к а я?

И брезгливыми пальцами, словно опасаясь запачкаться, возвращает маме ее паспорт, и через минуту его зубы сверкают кому-то другому:

— Пожалуйста! Как же! Еще бы!

Мама моя была величавая женщина. Она ни слова не сказала Карабутину, взяла у него паспорт и вышла из комнаты.

Но она шла как слепая, она стонала как раненая, когда я вел ее вдоль длинной казармы до мойки.

Вот какой страшный был у мамы паспорт: едва только человек поглядел на него, он сейчас же перестал улыбаться и грубо прогнал ее прочь. Что же написано в этой синеватой бумаге? Вероятно, в ней говорится о том, что таким преступникам, как мама, не может быть места в светлых, выкрашенных масляной краской квартирах со сверкающими медными кранами.

Как в могилу вернулась мама в свое старое жилье с окнами на помойную яму. Села на узел со скарбом, да так и просидела часа два, не шелохнувшись. У нее не хватило духу отпустить сумасшедшего Беньку, который разлегал на своей тележке и ждал, скоро ли его позвонят выносить из квартиры вещи. Вещи были все упакованы, и нам было невесело думать, что придется распаковывать их тут же, на старой квартире.

— Вот так новоселье! — смеялись соседи.

Старая квартира сделалась нам ненавистна. Главное, она построена над погребом, а зимою из погреба дует. Сколько ни топи, через час уже холодно. Но видно, мама не заслужила того, чтобы жить, как другие, веселой и легкой человеческой жизнью.

Словом, уже тогда, шестилетним ребенком, я начал догадываться, что мы хуже других, что в нашей жизни есть что-то стыдное, какой-то позорный секрет.

Кто в этом виноват, я не знал. Но мне часто вспоминалась та печальная песня, которую пела мне мама с самого раннего детства:

«Мене, прокляту, я — твоя мати — Мене клени».

По-русски, эти слова означают: «Меня, меня проклиная, проклятую, потому что я твоя мать». И разве в ту лунную ночь не просила у меня мама прощения? За что? Не за то ли, что я ее сын?

Быть ее сыном — для меня гордость и честь, и все-таки уже в те ранние годы я не мог не почувствовать, что ее загадочное

— Тю-тю-тю! Что же вы суетесь к нам с таким... пейзажем?

преступление бросает свою тень на меня. А также на сестру мою Марусю. Из-за нее, из-за мамы, в наших метриках — в моей и в марусиной — написана какая-то такая ужасная строчка, что всякий, прочитавши эту строчку, взглядывает на нас как-то особенно, нето с жалостью, нето с омерзением.

Года полтора тому назад, когда мне было уже одиннадцать лет, какой-то пьяный, гуляя «под качелями» по случаю пасхи, ударил меня кулаком по лицу, — кажется, принял за кого-то другого. Нас обоих повели в участок. И покуда я, наклонившись над краном, унимал холодную струю воды обильную кровь, идущую у меня из носа и разбитого рта, он, по наущению какой-то косоглазой старухи, сказал, будто он побил меня за то, что я вытащил у него кошелек. В участке ему не поверили. Но дело перешло к мировому. И когда мировой заглянул в мою метрику, он сказал мне благодушно и лениво:

— Кто ж тебя знает... Может, ты и того...

И оправдал ударившего меня хулигана.

Вот какую силу имело то окающее слово, которое было написано в моей метрике, — из-за «преступления», совершенного мамой.

Что же это за преступление? И неужели моя чернобровая мама, такая гордая, с такой ясной душой, способна совершать преступления?

Эти вопросы томили меня с раннего детства до той памятной лунной ночи, когда, сидя со мною на большом топчане, мама рассказала мне всю свою жизнь.

И я, наконец, узнал, в чем заключается ее преступление.

Глава XIII. Хапуга без узды

Но многого я все же не понял. А спросить у мамы не посмел. Мама в разговорах со мною ни разу не вспоминала о той открытой беседе, которая была у нас ночью. Она как будто стыдилась своей ночной откровенности. И мы молчаливо условились с нею больше этой темы не касаться.

Вскоре, после того как я слег, пришли навестить меня Муня Блохин и Тимоша и рассказали мне столько волнующего о последних событиях в гимназии, что все у меня в голове буквально пошло ходуном.

Они рассказали мне, что на этой неделе Шестиглазый выбросил из гимназии еще пятерых — и каждого за самые пустые провинности. В другое время он вызвал бы напавших мальчишек в «рыдальню», про-

изнес бы перед ними цветистую речь в стиле какого-нибудь великого оратора древности, да тем дело, пожалуй, и кончилось бы. Теперь же он словно с цепи сорвался: вышвыривал на улицу одного за другим. Третьеклассника Саньку Глушкова он исключил лишь за то, что на уроке географии Санька при помощи солнечных зайчиков показал своему другу Антарову, где находится Индокитай.

Глушков был сын почтальона, умершего в прошлом году.

Зато не было такой вольности, которая не разрешалась бы «аристократам» гимназии. Слава Богущкий, сын юрисконсульта нескольких банков, в тот же день, когда совершилось изгнание Глушкова, взял с кафедры большую чернильницу и с самым невинным видом подал ее одному новичку — первокласснику, обратившись к нему с очень вежливой просьбой:

— Дунь!

Тот добросовестно набрал в легкие воздух и с такою силою дунул в чернильницу, что все ее содержимое выплеснулось ему прямо в лицо. Лицо от подбородка до лба оказалось забрызгано кляксами. Залило даже глаза. Но Прошка, проходя по коридору, увидел издали все происшествие и, вместо того чтобы тотчас же наказать негодяя, предпочел юркнуть в учительскую и отсидеться там до самого звонка. Нужно же было дать Богущкому время скрыться. Когда коридор опустел, они оба, Бурмейстер и Прошка, выбежали из своих тайников и набросились на пострадавшего малыша-первоклассника, который одиноко стоял у колонны, вытирая грязным кулаком смешанные с чернилами слезы.

— Кто тебе позволил баловаться с чернильницей! — закричал подбегая Прошка.

— И зачем ты забрызгал чернилами пол? — закричал Шестиглазый.

О Богущком никто и не вспомнил.

Все это Тимоша рассказывал мне так подробно и медленно, что нетерпеливый и быстрый Блохин смотрел на него все злее и злее.

И чуть только Тимоша на минуту умолк, Блохин воспользовался этой минутой и затараторил с быстротой вентилятора:

— А кошка!.. Ты слышал, чем кончилась история с кошкой? Ой, это такая история!

— В-вот с-сейчас я ее расскажу, — перебил его, не желая сдаваться, Тимоша.

Но Муня досадливо дернул плечами. Очень волновала его эта история, и для с-

го было истинной мукой выслушивать ее в медлительном изложении Тимоши. Он перебил Тимошу, и, покида тот напрягал все свои силы, чтобы произнести первое слово, он помчался вперед как на крыльях и скоро был уже в самой гуще событий.

По его словам, затеял всю эту историю Анатра, сын знаменитого в городе биржевого дельца, самый важный ученик во всей гимназии. Анатра вел себя среди гимназистов как принц. На уроки приезжал в великопеленной английской пролетке шоколадного цвета. Не помню, чтобы он удостоил кого-нибудь из нас разговором. Разве что проедит сквозь зубы два слова мопсopodobному графу Капнисту или прыщавому Шиммелю, сыну банкира. Лицом он был похож на Бонапарта: такой же смуглый и красиво надменный. Но душою он был мелок и труслив. Рассердившись за что-то на Василья Афанасьича, учителя алгебры, он подбил Шиммеля принести в ранце голодную кошку и посадить ее в ящик для мела, чтобы она исцарапала его врагу все лицо. Но кошка так жалобно плакала в своем заточении, что один из шестиклассников не вынес ее душераздирающих воплей и сделал попытку даровать ей свободу. То был Рафа Синельников, которым гордился весь класс, — высококолытый брюнет, чудесно игравший на скрипке. Его попытка не имела успеха, потому что, чуть только он выдвинул ящик на полтора или два сантиметра, кошка обнаружилась столько воинственной ярости, что он, испугавшись, вдвинул ящик обратно, после чего она мгновенно затихла.

Отсюда возникла легенда, будто виновником всей этой кошачьей истории является Рафа Синельников.

Между тем Рафа с самого начала восстал против коварного замысла Анастры. Ему хотелось, чтобы Анатра потерпел неудачу. Но на беду Прошка подглядывал из дверей коридора, как Рафа перед началом урока хлопочет у класной доски возле ящика и донес в педагогический совет, что он видел своими глазами, как Синельников совал туда кошку.

Класс, защищая любимого Рафу, решил evade протеста «взбунтоваться». Анатра все это время скрывался, четыре дня не приезжал он в гимназию, а на пятый приехал как ни в чем не бывало и заявил своим тихим, барственным, чуть-чуть хриловатым, презрительным голосом, что он не намерен покрывать какую-то «жидовскую мразь» (Рафа был еврей). И вся «аристократия» клас-та понемногу прижмула к Анатре. Первый

ученик Супруненко, который в начале «бунта» вел себя как истинный герой, стал через несколько дней мямлить, хныкать, вилать и юлить и в конце концов открыто перекинулся на сторону Анастры.

— Глиста собачья! — возмущался Блохин.

В конце концов выгнали не Рафу, а двух «коноводов», так как отец Рафы, капель-мейстер городского театра, человек разбитной и пронырливый, тотчас же отправился в Коммерческий клуб, где ежевечерне бывал Шестиглазый, и проиграл ему в карты тысячу двести рублей.

— Это говорил мне сам Рафа! Проиграл! Нарочно проиграл!

Такое, по словам Блохина, лучший способ вручить Шестиглазому взятку. Ваш сын получил, например, единицу. Вы хотите, чтобы ему поставили тройку. Вы идете в Коммерческий клуб и нарочно проигрываете Шестиглазому двести или триста рублей. И можете быть спокойны: тотчас же после единицы через несколько дней в журнале появится желанная тройка, хотя бы сын ваш попрежнему не знал ни аза.

Торговля тройками, четверками, пятерками была поставлена у Бурмейстера на широкую ногу. У него даже существовала определенная такса — за тройку столько, за четверку дороже, за пятерку еще дороже. Впрочем, самым ходким товаром были, конечно, тройки. Особенно в последнюю четверть, когда подводились итоги всему учебному году. Несомненно, Шестиглазый делился доходами с попечителем Люстихом, потому что торговал открыто, не боясь никого.

Из всех учителей в нашем классе только Иван Митрофанч осмелился заявить протест против этого дневного грабежа; Муля рассказывал мне, что дня три — четыре назад, на третий день заояя, сидя у открытого окна своей комнаты, Иван Митрофанч полуголый, в одной рубахе с «расхристанной» грудью, громко обличал Шестиглазого перед толпою гимназистов:

— Ирод! Пират! Компрачкос! Людоед!

И от этого-то людодея я надеялся слудру добиться справедливости и жалости! Я воображал, будто, едва он узнает, что виноват не я, а Валька Тюттин, он сейчас же прикажет, чтобы меня воротили в гимназию. Я не знал, что этот златоуст, проносящий такие звонкие и высокопарные речи в древнегреческом стиле, есть в сущности продажная тварь, у которой каждый может купить ее совесть.

Самый крупный доход получал он с бога-

тых евреев. Евреям в то время не разрешалось учиться в гимназиях. Их допускали туда в ничтожном количестве: на десять христиан — один еврей¹. А евреи очень хотели учиться, и перед началом каждого учебного года в каждую гимназию являлось не меньше сотни еврейских ребят, и все они жаждали стать гимназистами. Но из этой сотни ребят жестокий закон разрешал принять только двух или трех. Кого же из них примет Бурмейстер? Конечно, тех, кто даст ему наибольшую взятку. Самых богатых и щедрых. А бедным нечего и думать о том, чтобы когда-нибудь проникнуть в гимназию.

Счастье, что Бурмейстер в нашей гимназии недавно: всего лишь четвертый год. Я поступил еще при старом директоре. Иначе не бытало бы мне гимназистом вовеки.

Это был самый неистовый, самый хищный, самый бесстрашный и самый наглый «хабарник» (так на юге называется взяточник). И самый знаменитый из всех. Когда в городе хотели выругать какого-нибудь крупного взяточника, говорили:

— Он дерет как Бурмейстер!

Мудрено ли, что честнейший Финти-Монти возненавидел Шестиглазого до слез. Он обличал его всюду, где мог. Ездил даже в Питер, к министру Делянову, жаловаться на «подлеца и хапугу», но Финти-Монти было сказано «цыц». Финти-Монти должен был выйти в отставку, и вместо него к нам прислали пышнобородого Гудима-Карчевского.

— За что же министру, скажи-ка мне Муны, за что же ему любить Шестиглазого? — спросил заикаясь Тимоша. — Если Шестиглазый такой людоед...

Муны ответил вопросом:

— Или ты не видел, как Шестиглазый поет «Боже царя храни»? Как он крестится и целует иконы? Как он хлюпает носом, когда говорит о вдовствующей императрице Марии Федоровне?

Действительно, Бурмейстер чуть не на каждом уроке твердил, что только оголтелые мерзавцы и выродки дерзают мечтать о испровержении самодержавного строя.

Каждый год на торжественном акте, когда в гимназию приезжало начальство, он произносил подобострастную речь, где вос-

хвалял губернатора, попечителя, архиерея, министра и неизменно ругал — ни с того, ни с сего — революционных бойцов, а за одно Дарвина, Бокля и Писарева, называя их вурдалаками, отбросами человечества, выродками.

Как же было начальству не любить Шестиглазого?

Все это сообразил я во время болезни. Вообще, в это время я впервые задумался о многих вещах и многое понял по-новому. Как будто я был слеп, и прозрел. Когда я встал с постели, похудевший и хмурый, я почувствовал, что детство мое все позади. За этот месяц я вырос лет на десять.

Двуглавые орлы на аптеках сверкали так жарко и пламенно, что глазам было больно смотреть.

Под зелеными навесами на каждом углу шла бойкая продажа тепловатого хлебного квасу.

В магазине братьев Сарафановых весело пестрели разноцветные пасхальные яйца.

Хацкель Кур с хацкелятами уже запустил в облака первого весеннего змея.

Во всех гимназиях наступили экзамены. Прежде время экзаменов было для меня самое ненавистное время. А теперь — я даже завидовал Тимоше и Муны, что они дрожат и волнуются, готовят себе десятки шпартгалок, пьют по ночам черный кофе, чтобы не заснуть за латинской грамматикой, и зубрят, зубря, не понимая ни слова, и наутро бегут спозаранку в гимназию и с ужасом подходят к столу, застланному синим сукном.

Бояться экзамена казалось мне счастьем. Я отдал бы все на свете, чтобы и мне, как другим, можно было бояться экзаменов. Но я был «бывший гимназист», без герба на фуражке, и мне было предоставлено печальное право: бесцельно слоняться по весеннему городу.

У Маруси тоже были в ту пору экзамены: она уже кончила свою семилетнюю школу. Готовилась Маруся к экзаменам с необыкновенным усердием. Она и без того знала наизусть все учебники, но этого казалось ей мало, и она зубрила их до истощения сил. Среди ночи, бывало, когда ни открою глаза, вижу: она все еще сидит за столом и, заткнув уши, бормочет как пьяная:

— Квадрат гипотенузы равняется сумме квадратов двух катетов... Квадрат гипотенузы равняется сумме квадратов двух катетов... Квадрат гипотенузы равняется сумме квадратов двух катетов.

Или:

¹ Да и то лишь на юге. А в прочих местах России — один еврей на тридцать христиан.

— Верую во единого бога, отца вседержителя, творца неба и земли, видимым же всем и невидимым... Верую во единого бога, отца вседержителя, творца неба и земли...

Она была первая ученица, и получить вместо пятерки четверку казалось ей великим унижением.

Впрочем, тут действовало не одно честолюбие: пятерки были нужны ей для заработка. Начальница училища заявила накануне экзаменов, что ту ученицу, у которой в аттестате будет сплошная пятерка, она отрекоммендует богатой купчихе, мадам Жеребцовой, в качестве учительницы для ее маленькой дочери Нелли. Купчиха жила на Урале, в деревне. Значит, можно будет все лето купаться в реке, собирать полевые цветы, обедаться лесной земляникой и получать, кроме всех этих радостей, ежемесячно двадцать рублей. Значит, осенью в сентябре, воротившись на Рыбную, Маруся привезет с собою несметные деньги, отдаст их маме — на покупку угля, на выкуп застрявших в ломбарде вещей, на приобретение (в рассрочку) воротника для пальто.

Ради этого богатства стоило сидеть до полуночи у керосиновой лампочки и, невозможная сонливость, борнотать как заклинание галиматью из учебника:

«Возле, ныне, подле, после,
Вчуже, вяве, вкратце, вскоре,
Где, отменно, вне, совсем,
Слева, некогда, нигде,
Негде, вкупе, вдалеке...»

Эти стихи назывались «Перечень наречий с буквой ять», и Маруся знала их не хуже чем оды Державина.

После каждого экзамена Маруся приходила счастливая. Можно было по глазам ее видеть, что она получила пятерку (глаза у нее были огромные, карие).

Экзамены еще не кончились, а начальница уже вполне убедилась, что Маруся есть лучшее украшение школы и что, кроме Маруси, никакая другая воспитанница не может быть рекомендована мадам Жеребцовой.

Жеребцова уже приезжала в училище — и осталась чрезвычайно довольна Марусей. Она смачно расцеловала Марусю, показала ей портрет своей Нелли, подарила ей черную бархотку и все совала в виде задатка какие-то деньги, от которых Маруся отказалась из гордости.

Вот и последний экзамен. Вот и девятнадцатое мая, высокаторжественный день, когда после молебна и длинных речей окон-

чившим епархиалкам были вручены аттестаты — красивые большие листы с золотыми орнаментами. Марусин аттестат был лучше всех: круглая пятерка сверху донизу — даже по рукоделию, даже по пению. Сам архиерей похвалил «отроковицу Марию». И когда «отроковица Мария» прибежала домой, она была пунцовая от счастья. Глаза ее готовы были выпрыгнуть. Умывшись, чтобы охладить хоть немного свое пылающее радостью лицо, она тотчас же отправилась к мадам Жеребцовой. Никогда я не видел ее такой возбужденной. Куда девалась вся ее солидность.

«Да здравствует купчиха,
Купчиха Жеребчиха!»—

напевала она во весь голос, быстро сбегая с крыльца и размахивая своим аттестатом, свернутым в длинную трубку. На бегу она громко звякнула железным листом, прикрывающим нашу помойную яму; этого не было с ней никогда, потому что с самого раннего детства она держала себя чинно как взрослая и не раз грозила мне пальцем за то, что я грохочу на помойке.

А через час она пришла смертельно бледная и, не отвечая на наши расспросы, упала на кушетку ничком и пролежала до вечера. А вечером медленно взяла аттестат — такой красивый, с золотыми орнаментами, — скомкала его, и стала мять, и мяла так долго, так тщательно, словно вся ее цель была в том, чтобы в этой гладкой бумаге не осталось ни одного вершка неизмятого. Потом она выдвинула единственный ящик своего рабочего столика, сунула туда этот мятый комок — подальше, поглубже, на самое дно — и снова легла в той же позе. Мама тихо стояла вдали, как будто не смея приблизиться к ней, и смотрела на нее виновато.

Завтра утром, в половине восьмого, за Марусей зайдут подруги. Все тридцать девушек, окончивших училище, едут завтра в конке на Малый Фонтан праздновать на морском берегу благополучное завершение экзаменов. Мама уже приготовила для Маруси еду: маслины, жареную скумбрию и горшочек сметаны. Все это было уложено в салфетку, белоснежную, изящно завязанную.

Вот и утро. Веселье левушки наполнили щебетанием весь двор. Одна из них вспорнула на погреб и стукнула в окошко «го-стиной». Оказалось, Маруси нет дома. Маруся ушла на рассвете неизвестно куда, оставив белоснежную салфетку нетронутой.

*Неужели вы думаете, что с таким атестатом вас примут в какой-нибудь
порядочный дом?*

Девиды пощобетали, поахали и скоро ушли. Им было некогда: они торопились на взморье — бегать до упаду по краснобурым холмам, танцовать у самого края воды и беспричинно смеяться.

Мама, взволнованная, ушла со двора искать Марусю.

Оставшись в квартире один, я вытащил из марусиного ящика скомканный атестат, разложил его перед собой на столе, аккуратно разгладил, и в ту же секунду мне стало понятно, почему эта почетная бумага, наполненная сплошными пятерками, оказалась для бедной Маруси оскорбительнее всякой пощечины. В ту же секунду я живо представил себе, как, прочтя этот ужасный атестат, купчиха Жеребчиха замахала руками и с негодованием сказала Марусе:

— Боже мой, неужели вы думаете, что с таким атестатом вас примут в какой-нибудь порядочный дом?

В первой же строке атестата было крупнейшими буквами указано то преступление мамы, которое опозорило и ее, и меня, и Марусю.

Эта первая строка атестата была так унижительна, что похвалы и пятерки, содержащиеся в его дальнейших строках, утрачивали всякую ценность: их все равно нельзя было показать ни одному человеку.

Я сунул атестат обратно в ящик, лег на гладильную доску и в тысячный раз задумался: почему же нас так тяжело наказывают за сделанное мамой преступление?

Глава XIV. „Незаконные“ — Шестиглазый и я

Преступления, в сущности, не было.

Это я понял тогда же, в ту лунную ночь, когда мы с мамой сидели обнявшись на кухне.

Был благородный и смелый поступок, который только дураки да мошенники могли называть преступлением.

Вся беда была в том, что в ту пору существовал такой дикий закон: если мужчина и женщина полюбят друг друга, они непременно должны отправиться в церковь к попу. Поп за особую плату прочтет над ними длинную молитву, обведет их три раза вокруг высокого столика, и только тогда — но не раньше — они имеют право называться женою и мужем.

А если случится, что они любят друг друга без благословения церкви и не обращаются за молитвами ни к какому попу? Если без всяких церковных обрядов у них, скажем, родится ребенок? Или двое детей? Или

трое? Горе им и великий позор! Царский закон объявлял их самыми ужасными грешниками. Впрочем, не их обсиж, а только женщину — мать. Женщина считалась с этой минуты преступницей, и царское правительство объявляло ее детей незаконными, и соседи давали этим детям обидные клички, называли их «байстрюками», «байстрятами», считая, что эти незаконные дети гораздо хуже законных детей, что они какие-то скверные, так как господь бог в небесах не дал им разрешения родиться. Чтобы еще сильнее оскорбить и унижить ту женщину, у которой есть «незаконный» ребенок, правительство продолжало называть ее попрежнему девушкой — и это считалось в ту пору позором. Из-за этого позора тысячи и тысячи женщин, у которых были «незаконные» дети, убивали и их и себя.

В паспорте у моей мамы была именно такая свирепая строчка: «Девушка с двумя детьми».

И эта одна строчка на всю жизнь придавила ее.

Из-за этой строчки Бурмейстер выгнал меня из гимназии. Из-за этой строчки Карабунин не допустил мою маму в здание «Павловских девшых квартир». Из-за этой строчки соседи шептались друг другу о маме какие-то ехидные гнусности, всякий раз, когда мама проходила мимо них по двору. Из-за этой строчки мама жила как отверженная, почти ни с кем не водила знакомства, ни с кем не раскланивалась, не ходила ни к кому ни на именины, ни в гости.

А в атестате у Маруси было сказано:

«Сим удостоверяется, что дочь крестьянки, девицы такой-то, оказала отличные успехи».

Этого было достаточно, чтобы купчиха Жеребчиха оттолкнула Марусю от своей дочери Нелли, как будто Марусю оказалась воронкой.

Как же случилось с нами такое несчастье? Почему мы родились «незаконными»? Произошло это так.

Моей маме не было девятнадцати лет, когда в нее, полтавскую крестьянку, неграмотную, влюбился заезжий студент, обещал жениться и увез в Петербург, но через несколько лет разлюбил ее, бросил, уехал в Варшаву и там женился на какой-то избранной барышне. А мама осталась с нами, с детьми, опозоренная, без мужа, без денег, без какой бы то ни было помощи. Впрочем, деньги мой отец присылал иногда. Но какие-то гроши, да и то очень редко. А потом и совсем перестал посылать. Так

что маме поневоле пришлось приняться за стирку чужого белья.

По законам того времени, никак нельзя было принудить отца моего, чтобы он выдавал моей матери деньги на пропитание детей. Хочет — выдаст. Не хочет — ничего не поделаешь! Отец освобождался от всяких обязанностей по отношению к своей «незаконной» семье.

В метриках у «законных» детей говорились: «Сын отца такого-то и матери такой-то». Но в моей метрике было написано:

«Незаконнорожденный сын девицы такой-то».

Отец даже не упоминался. Слово я родился без отца!

Что же оставалось моей матери? Жить в позоре, в одиночестве, в беспросветной нужде и работать без отдыха по двадцать часов, лишь бы только вывести в люди своих униженных и обездоленных детей. И на эту-то величавую труженицу какая-нибудь пьяная Сутугина смела смотреть сверху вниз, как на презренную тварь! А поп Мелетий доказывал в классе, что женщины, подобные маме, суть безбожные грешницы, и при этом ядовито косил на меня свои тускленькие белесые глазки.

С каким замученным видом, полумертвая от усталости, вернулась мама домой после изнурительных поисков убежавшей Маруси. Она искала Марусю и на взморье, и у племянницы мадам Чумаченко, и у Длинной Лизы, на Аккерманской заставе.

К счастью, вскоре мне удалось обнаружить, что Маруся никуда не уходила. Она все время была тут, во дворе, за сараями. У нашего домохозяина Спиридона Макри были сложены на задворках большие полукруглые деревянные ящики для перевозки угля или мусора. Ящики звались «каламашками». Одна такая «каламашка» была при-

слонена к стене. В нее-то и забралась спозаранку Маруся и проплакала в ней до сумерек. В сумерки она молча вернулась домой, и, когда шла по ступенькам, походка у нее была как у древней старухи. Мама кинулась было к ней, но отшатнулась внешне, испуганная суровым выражением ее остановившихся глаз.

Вот почему, сидя одиноко в номере гостиницы и слушая по радио Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, я, пожилой человек, не мог удержаться от слез, когда прозвучали простые слова:

«Статья 121. Граждане СССР имеют право на образование.

Это право обеспечивается всеобщим-обязательным начальным образованием, бесплатностью образования, включая высшее образование, системой государственных стипендий подавляющему большинству учащихся в высшей школе, обучением в школах на родном языке, организацией на заводах, в совхозах, машинно-тракторных станциях и колхозах бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся.

Статья 122. Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов».

Конец

Юлин и колесо

Борис Житков

Есть такая легенда. В древние времена к римскому императору явился во дворец изобретатель. Он держал в руке хрустальный кубок удивительной красоты.

— Вот! — сказал изобретатель и бросил кубок на мраморный пол.

Кубок не разбился. Все удивились счастливому случаю. Но император и придворные уж совсем изумились, когда изобретатель стал топтать кубок ногой. И хрустальный кубок погнулся. Погнулся, как будто б он был из меди.

А изобретатель поднял кубок, подал его императору и сказал:

— Я умею делать хрусталь, который можно гнуть, ковать, и он никогда не бьется.

Император был поражен. Изобретатель ждал великой награды.

А император приказал изобретателя убить.

— Этот хрусталь, — сказал император, — ценней моего золота. Если его начнут делать, моя казна обесценится. Пусть секрет этого чуда умрет с этим человеком. Иначе я неспокоен за свое богатство.

Пусть все выдуманно в этой легенде, пусть не было ни этого хрустала, ни этого изобретателя. Но вот что правда в этой легенде: то, как встретил изобретение богач и властитель. Ему не жаль ни чуда, ни гениальной выдумки. Пусть пропадет пропадом самая великая мысль, если она угрожает его богатству и власти над людьми.

Такими властителями, большими и малыми, кишит весь капиталистический мир. Все они живут чужим трудом. У каждого свой источник богатства, у каждого кран, откуда течет его прибыль. У иного — широкой струей, у другого — по капле. Но каждый, не отрывая глаз, следит, чтобы труба не засорилась.

Вот вообразите: какому-нибудь технику или рабочему в Америке пришла в голову новая техническая мысль. То есть этот человек отчетливо вообразил прибор, все взаимодействия частей. Он уж столько передумал, перевоображал, столько измарал карандашом бумаги, что уж ясно видит, как движется каждым своим членом эта его выдумка и как живая делает свое дело.

Но нужно сделать модель, нужно испробовать не в воображении, а на деле. Воображение, когда оно так пылко пробивается к цели, конечно, пламенной стрелой прожигает все стены, взлетом переносит через неодолимые препятствия. Вот оно обошло уж все трудности, и в голове изобретателя обрисовались все детали во всех подробностях, но... в этом пылу творчества, в этом желании достичь цели не обмануло ли его воображение? Сколько таких случаев бывало с изобретателями. Да и кто поверит тому, что так ярко и неоспоримо в моей голове? Никто ведь в мою голову не влезет. И ни один заводчик не захочет вложить и полущки, чтоб осуществлять... воображение, да еще и чужое. Вот показать бы ему «дело на деле», т. е. сделать модель... Да, но ведь на это нужны средства.

Какую-нибудь новомодную иголку для примуса — это еще можно сделать без особых затрат, но уже двигатель, мотор, винт к подводной лодке — как это сделать и испытать с одним рублем в кармане?

Но вот, наконец, счастливый случай. То есть вообразим, пусть он будет, этот случай: изобретатель набрел на мысль, которую он может осу-

ществовать без особой затраты. Его модель стоит гроши. Он изобрел состав: стоит им пропитать кожу — и готовы неизносимые подошвы. Их можно носить, не меняя, три года кряду даже почталыон.

Ура! Три пары ботинок с несносимой подошвой изобретатель заказал сапожнику и подарил горному охотнику, почталыону и пехотному сержанту. Испытание длилось три года, а подошвы как новые. Победо!

Изобретатель бежит в патентное бюро. Он собрал последние деньги, чтобы во всех странах объявить о своем изобретении. Он влез в долги, но заплатил всюду, чтобы получить патенты. Теперь у него в руках бумаги, по которым он хозяин своей выдумки, и никто на свете не имеет права без его спроса делать такие подошвы. И вот он хозяин своей идеи, но... без гроша.

Но это не беда! Он, правда, даже и простых-то сапог себе купить не может, но он и в драных пойдет к владельцу обувного треста и продаст ему право производить это чудо.

Слава и деньги!

Вот он у обувного короля, у главного директора треста.

— Смотрите: вот сапоги. Их носил три года почталыон. Вот эти таскал по каменистым кряжам охотник. Вот письменные заявления этих людей. Вот эти топтал на маневрах сержант пехоты. Смотрите на подошвы. Вот вам нож, поскоблите. А вот мой состав. А это мои патенты. Германия, Англия, Франция, Швейцария...

Король башмаков уж соображает:

— Эти три человека ни разу не купили новых сапог. Они не купили и кожи для подметок, которой я торгую, от которой такой солидный доход. У меня вложены деньги в запасы... На моих заводах запрошены в обработку тысячи тонн этой кожи, даны огромные задатки скотоводам на поставку воловьих шкур. Стой, стой, голубчик! У меня ведь миллионы долларов в этих подошвах!

А изобретатель трясет склянкой:

— Вот тут две унции моего состава, этого хватит на пять пар...

Заводчик глядит на склянку, улыбается приветливо, а сам соображает:

— Нет, нельзя, чтобы в этой мутной жиже он потопил мои миллионы.

Шалишь, брат!

Конечно, будь он римским императором, он бы изобретателя убил. Но он император подметок. Он мило улыбается изобретателю. Он не убил... он купил.

Он купил патенты. Он купил их у изобретателя, даже не за очень дорогую цену. Он пообещал еще долю с доходов, когда пустит в ход эту замечательную подошву.

Изобретатель ног под собой не чувствует: вот они слава и деньги.

Деньги, конечно, вот они. Заводчик дал чек на банк, и банк сполна выплатил. Но слава? Ну, о славе забудьте. Заводчик подмял под себя эти патенты, подмял с тем, чтоб похоронить эту смертоносную, эту разорительную для него затею на-все-гда!

— Пусть рвут вдвое больше подошв и почаще меняют обувь. А то нака! Еще, того гляди, вечные сапоги выдумает какой-нибудь сумасшедший, чорт бы его побрал вместе с его фокусами! Благодетели босого человечества, скажите! Хорошо еще, что он прямо ко мне сунулся и мне удалось вовремя прихлопнуть все эти выдумки.

А изобретатель напрасно ждет объявления о неизносимой подошве его имени. Он не знает, что он продал свою идею на убой.

И этих убитых идей, не выдуманных, как этот пример, а действительных, остроумных, доведенных до гениальной простоты, способных подчас изавить массу народа от бедствий,— сколько их похоронено промышленными королями, погребено навеки!

Лопата действует как клин.

Опорное крыло построено как клин.

В Австрии изобретатель придумал спичку, которую можно зажечь 500 раз. Но с тех пор о спичке ни слуху, ни духу. Она лежит в сейфе какого-то спичечного короля.

Горели деревни, сгорали в пожарах семьи с детьми, нищие погорельцы ситались по миру, а синдикат «Крозля», что зажал в свои лапы все крозельное железо в царской России и гнул неприступные цены за свой товар, зорко следил, чтоб не выдумал какой-нибудь чудака дешевой несгораемой крыши.

Только патентные конторы могут рассказать, сколько прошло через их руки замечательных выдумок изобретателей и сколько их похоронено в несгораемых шкафах заводчиков, в этих стальных гробах.

Но проходит время, новые открытия науки уволят технику вперед — и гениальное для своего времени изобретение уже становится ненужным.

Но есть технические идеи, которых не может убить время. Я говорю: идеи, а не приборы. И сейчас вы увидите, почему. Например клин — наклонная плоскость. Конечно, клин — прибор. Но вы знаете, что самый новейший самолет движется клиньями, идея наклонной плоскости лежит в основе его полета.

Засуньте лопату в снег наклонно концом вниз и толкайте ее в любую сторону — она непременно пойдет вглубь. Так же точно и клин пошел бы туда, куда направлен его скос. Аэропланное крыло в воздухе — это та же лопата в снегу. Аэропланное крыло слегка смотрит вверх, и, когда аэроплан пошел вперед, крыло несет его выше и выше, как ваша лопата, когда вы ее задрали слегка вверх. Я мог бы сказать, что это широкий и легкий клин, который я бросил в воздух, направив вверх его скос. И можно сказать: аэроплан «вклинивается» в воздух.

Но что аэроплан толкает вперед?

Его тянет вперед пропеллер, воздушный винт. Но почему пропеллер — винт? Он вовсе не похож на те винты, которые мы завинчиваем в дерево. Что общего между шурупом и пропеллером самолета?

Погодите, я попытаюсь доказать, что все-таки пропеллер имеет право называться винтом. И еще я постараюсь объяснить, что и пропеллер — тот же «клин» с его наклонной плоскостью.

Посмотрите на винт, на обыкновенный шуруп. Вот ребро нарезки обвивает его, спускаясь вниз. Как только мы воткнем кончик его в дерево и слегка повернем наш шуруп, нарезка, будто наклонный ножик, станет врезаться в дерево. Кусок ее вошел как будто маленький клин, который загнали с поверхности в глубину дерева. Но в нарезке нет перерыва, и следом лезет ее продолжение, как будто второй клин плотно поставлен впристык к первому.

Выходит, будто клинушек за клинушкой, друг другу в затылок, подталкивает один другого и они вклиниваются в дерево друг за другом непрерывной лентой. Как будто бы длинную, завернутую по спирали очередь клиньев толкаете вы вглубь один за другим. Толкаете тем, что поворачиваете головку шурупа.

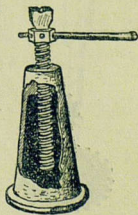
И получается, что нарезка винта — ряд клиньев, тесно, вплотную спаянных друг с другом в одну закрученную ленту. Винт — это завернутый по спирали длинный сплошной клин.

Спокон века известен людям клин. Если приходится поднять тяжесть и, кроме бревен и топора, под рукой ничего нет, человек натешет клиньев. Подсунет их со всех сторон под тяжесть, и ну поочереди подбивать обухом топора эти клинья. Гляди: уж отделилась от земли тяжелой глыба, уж под нее можно подсунуть бревна, выбить долой клинья, и она сядет на бревна. Вот я уже поднял мою тяжесть на толщину бревна над землей. А кто мешает мне поднять ее клиньями над этими бревнами еще выше? Все теми же клиньями — простой древний способ.

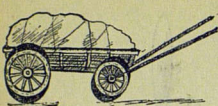
А нынешний? Все тот же клин, только закрученный винтом. Это дом-

Пропеллер имеет право называться винтом. Он тот же клин с его наклонной плоскостью.

Домкрат — это клин, закрученный винтом.

Телега с овальными колесами.

крат. Домкрат, который вы найдете у каждого шофера под сиденьем. Прочная железная коробка. Сверху из крышки выходит толстый винт. Уприте дно коробки в землю, а конец винта — под ось автомобиля. Крутите винт. Там есть для этого удобные ручки. Винт мало-помалу вылезет из коробки, наперт снизу на ось — и вот уже колеса машины поднялись над дорогой. А ведь все тот же клин! Только не деревянный, а стальной.

Кто же изобрел клин, а вернее сказать, кто набрел на него? Об этом спрашивать, пожалуй, так же смешно, как дознаваться, кто изобрел человеческий язык.

Но сколько веков он живет в технике? С доисторических времен до нынешнего самолета.

Но есть и еще один замечательный прибор. Он, наверное, помоложе. Я хочу указать на колесо. Подкладывать катки, чтобы волочить груз, — на это, наверное, давно набрали люди. Волокли бревно, по пути наехали на палку. По ней прокатили бревно. Сразу заметили, что легче. И можно легко предположить, что люди стали сами подсовывать под груз бревна да палки. И забегали вперед, чтоб вовремя подсунуть каток, подкатить бревно.

Но вот чтоб сам каток с тобой ехал, чтоб додуматься просверлить его в центре, насадить на ось, а ось скрепить с грузом, — вот это величайшая идея.

Но чего уж такого в колесе особенного?

А вот: когда колесо катится, ось его всегда на одной высоте над дорогой. Вы скажете: большая важность!

Огромная!

Сила вся в том, что от этого груз, что везет колесо, ни разу не подымется вверх. Вся сила тяги идет лишь на движение вперед.

Это очень хорошо видно, если колеса некруглые. Вот посмотрите на такую телегу: она нарисована наверху этой страницы.

Стоит такая телега. Чуть вы потянули ее вперед, как колеса станут дыбом.

Вся телега подымется. Сама она подымется? Стопудовый воз — не воздушный шар. Это вы своей силой, своей тягой ее подняли, пускай, на десять сантиметров, но ведь это сто пудов! И это придется вам делать два раза за каждый оборот колеса. Это все равно, что на каждый метр пути нам приходилось бы переваливать через кочку, и это на самой гладкой дороге! Кочки-то на ваших колесах (это черные выпучины на рисунке).

А вот еще: я хочу привести в сцепление два колеса. Мне стоит приткнуть их ободьями друг к другу и в этом положении закрепить их оси. Готово! Теперь сколько ни крутите колеса, они не выйдут из соприкосновения. И тут безразлично: два ли одинаковых, маленькое ли с большим. Я могу притянуть к каждому еще по новому колесу, и мне нужны нет: огромное ли — к малюсенькому или два микроскопических — одно к другому, — лишь бы колеса, т. е. лишь бы их обод, шли по кругу и в центре — ось; я приткнул, закрепил оси, и мои колеса не перестанут касаться друг друга.

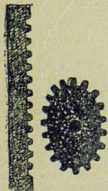
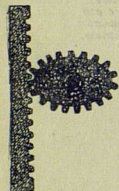
Взгляните в часы: там большие колеса сцеплены с совсем маленькими шестеренками, оси заделаны прочно на местах. И вам в голову не придет, чтоб эти колеса вышли из зацепления, на миг отпустили друг друга.

Вам надо гнать прямую рейку вверх и вниз: колесо с зубцами, зубцы на рейке. И стоит закрепить на месте ось колеса, а рейку пустить ему впритык — и теперь вам не надо беспокоиться: вертите колесо — оно будет гнать мимо себя рейку и ни на момент ее не отпустит.

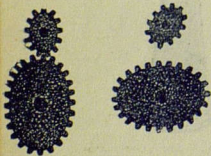
Посмотрите, какой бы смех вышел, если б это было не колесо, а овал вроде тех колес на телеге. Такое колесо работало бы с капризом, с пропуском, и за это время рейка улетела бы вниз и наделала бы бед.

А если бы такие два колеса встретились в зацеплении?

Большое колесо зацепит, провернет немного маленькое, а потом

Что получилось бы, если бы рейку гнали овальное колесо.

Два овальных колеса зацепляются с «капризом».

отойдет и знать его не захочет, пока снова не повернется своей выпучиной.

Где уж тут думать третье приткнуть! Да с какой еще стороны? Начни такие олады вертеть — ничего, кроме беды, не жди. Того гляди, стукнут друг друга в бок и оба — вдребезги!

Как и когда мысль о колесе пришла в голову? На это никто не ответит. А какая это крепкая идея, вы сейчас же увидите: самая простая телега колесами только и жива. На колесах катит по аэродрому самолет на разбеге. Колесо у водяной мельницы. Колесо в тончайших карманных часах. Вы увидите колеса с зубцами; с ребрами, как у вагонных; с надутыми шинами. Колеса с острой пилой по краю, которые вертятся и пилят железо и дерево. Огромное колесо с лопатками по ободу — оно бьет по воде и движет вперед пароход. Даже этот журнал отпечатан с колеса. Это колесо обернуто бумагой, которая прижимается к металлическим буквам, смазанным краской.

Прямо трудно найти такой прибор, такую область техники, где бы дело обходилось без колеса. Кажется, если запретить во всем мире колеса, то вмиг остановилась бы вся наша техническая культура.

Правда, в последнее время стали пробовать применять в иных случаях шар вместо колеса. Но это — только некоторое расширение той же технической идеи.

Большинство изобретателей работает над тем, как расширить, развить, улучшить что уж есть. И расширяют и улучшают по большинству теми же механическими средствами, какие в ходу сейчас у них перед глазами. Это все те же колеса, винты, клинья, рычаги. Они скомбинированы иначе, они образуют новый прибор с новым действием.

Я уверен, что не появившись в свое время электрической лампочки, мы бы сейчас имели в городах «центральное керосиновое освещение» — керосин по трубочкам расходился бы по всем квартирам, выдували бы надежные резиновые трубки к переносным лампам, даже зажигали к ним приделали бы. Повернул — трюк! — и горит.

Уже были лампы с колпачками из тонкой сетки на горелках, колпачки накаливались и давали приятный белый свет; были лампы: опрокинь ее — она мгновенно тухнет, и никакого пожара.

Один изобретатель показывал мне лампу, которая три минуты горела вверх дном. Он обещал, что будет гореть час...

И тут все это накрыло электрическое освещение: электрические лампы работали и боком, и вверх ногами, и не коптели, и хоть разбей их, и то пожара не будет.

Пока эта, совершенно новая идея в освещении не явилась в мир, каждый год появлялись новые керосиновые изобретения, одно другого хитрее и сложнее.

Но в механике, в самом оборудовании электрического освещения: в машинах, в арматуре, в приборах, как и всюду, — используют различные применения колес и винтов.

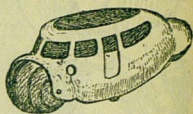
Все же как здорово человек применил этот винт! Ведь с помощью этого винта ходят все теперешние морские суда. Он движет и самолеты.

Но вот мы говорили, что пропеллер вовсе не похож на винт. Пароходный винт тоже вовсе не похож на шуруп. Да, в этом виде винт не сразу узнаешь. А дело очень просто.

Если вы заткнете винт в мокрую глину и станете винт оттуда выкручивать, он станет вылезать и будет толкать вперед спичечную коробку, если упрутся в нее головой.

Если бы нарезка была только на конце винта, всего один поворот — остальное просто шло ровно, как и гвоздь, то, все равно, и этот кусочек нарезки сделал бы свое дело и винт лез бы из глины вперед и толкал бы коробку.

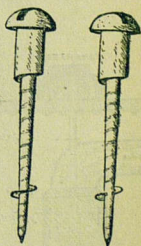
Даже, если бы мы этот кусочек нарезки изуродовали, пропилили на-

Шар вместо колеса — некоторое расширение той же технической идеи колеса.

Если выкручивать винт из глины, он будет толкать вперед спичечную коробку.

Если изуродовать нарезку винта, все равно она будет работать.

резку, — все равно, она работала бы и этими остатками и винт шел бы вперед.

Вот эти остатки винтовой нарезки и насажены на конец пароходного вала. Он, как огромный гвоздь, идет от машины к корме парохода, выходит наружу, и тут сидят эти куски нарезки.

Только не в мокрой глине вертится пароходный винт, а в воде. Но все равно, так же как и из глины, хочет вылезть вперед. Только толкает этот громадный винт уж не спичечную коробку, а целый пароход. Если б поста-вить винт на носу парохода, он ввинчивался бы в воду и тянул бы за собой весь пароход.

Но впереди винт ставят только на самолетах. Он ввинчивается в воз-дух и тянет за собой самолет. Но воздух редкий, и чтобы сильно потянул воздушный винт-пропеллер, надо его сильно крутить! Его сильно и кру-тят! Мотор в самолете кружит пропеллер со скоростью до 2000 оборотов в минуту. Лопаток винта совсем не видно при этой скорости, и кажется, будто прозрачный круг стоит впереди самолета.

А вы знаете, что вот те турбины, что работают на Днепрострое и вертят электрические машины, — это тоже винты? Огромные винты с по-логой нарезкой.

Вы, может быть, видели дрель? Это длинный с очень пологой нарезкой винт. На нем сидит гайка. В ней сделаны прорезы, в них входит винт своей нарезкой. Стоит дернуть эту гайку вниз — и винт завертится. (Так и де-лают, чтобы работало сверло в конце винта).

Вот кусок такого винта, только огромных размеров, и есть водяная турбина. Только вместо гайки летит вниз вода. Она, как гайка, дергает за нарезки, и турбина поворачивается. Но вода идет и идет, она не рассы-пается, потому что некуда: турбина стоит в трубе, и вода плотно охваты-вает нарезки, не хуже любой гайки.

Турбина плотно сидит на валу, значит, и валу приходится вертеться. А там, наверху, насажено колесо электрической машины, и она вырабаты-вает электричество.

Опять винт и колесо! ¹

А ведь не сразу же человек дошел до колеса, до катка. Ходил мимо поваленных деревьев и не знал, что это катки, видел острые камни и не знал, что это клин. А кругом лежали готовые приборы, грубые, но ведь все же готовые к работе.

И вот иной раз вдруг охватит изобретателя мысль: а что если и я, как первобытный человек в лесу, хожу мимо готовых приспособлений и не знаю, что эти чудеса у меня тут под рукой и только мне в голову не при-ходит, как пустить их в дело. А они здесь, рядом со мной, и сами лезут мне в руки. Может быть, я уже сто раз держал это в руках и не знал, что держу могущественнейшее приспособление, гениальный прибор?

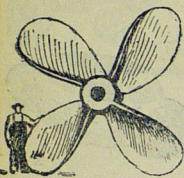
Изобретатель начинает беспокойной мыслью сгоряча перебирать в го-лове все предметы, все комбинации, какие может выдумать и представить, в надежде напасть на находку. Он начинает пробовать, прилаживать друг к другу части, испытывать. Но, конечно, это не путь. И коли ты стоишь, как первобытный дикарь перед палкой, не соображая, что это каток, то не в находке дело, а дело в развитии, в сознании. Надо поумнеть, чтобы понять, что за орудие — палка.

Но где же напиток, чтобы его хлебнуть и стать мировым недосыгаемым гением?

Человечество знает случаи, и они все чаще и чаще, когда люди получа-ют как бы неожиданный результат, разбирая явление математическим путем.

Исследователь заключил явление в математические выкладки. Теперь он уж не думает даже о нем. Перед ним формулы и знаки. Он обрабатывает их математическим порядком, не справляясь ни с чем, кроме законов мате-

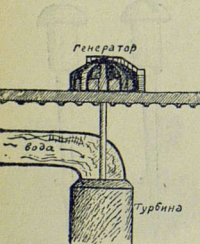
¹ Есть еще важнейший прибор — рычаг, но о нем в другой раз.

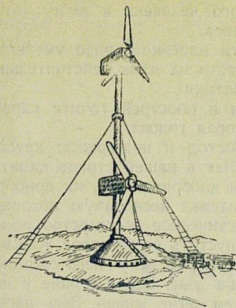
Пароходный винт— это остатки винто-вой нарезки на валу.

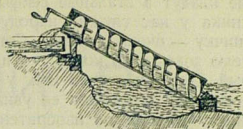
Дрель — длин- ный винт с гайкой.

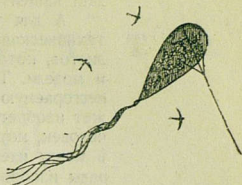
Турбина работает как дрель, только вместо гай-ки летит вниз вода.

Ветряк. Ветер давит на его крылья, как вода на лопасти турбины. Крылья ветряка—части винта.

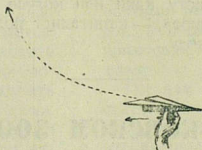
Воду поднимают винтом; она идет вверх, как гайка по винту, если вертеть винт и не давать вертеться гайке.

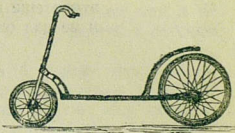
Когда мальчишка бежит с ниткой, змей врезается в воздух как «клин».

Под этим человеком круглые колеса, при движении ему не приходится поднимать и опускать свое тело, как при ходьбе.

Если швырнуть эту бумажную стрелку, она сразу же пойдет вверх в воздухе, как наклонная лопата в снегу.

А этот «велосипед» будет плохо работать: заднюю колесу придется поднимать тяжесть вверх при каждом обороте.

матики. Кажется, он оторвался совсем от действительности. Даже как будто тут нет ничего кроме карандаша и бумаги. Вот написано уж много листов, пройден длинный путь. Наконец, карандаш написал последний вывод.

Ученый встает от стола и читает, что написал карандашом. Теперь этот конечный результат он переводит на язык действительности. Он говорит: если правильно то, что я положил в основу, то вот чего должны мы ждать. В верности пути я не сомневаюсь. Проверяйте опытом результат.

Ставят опыт, и ожидаемый результат появляется, как будто природа испугалась этих значков и формул и покорилась со страху.

Посмотрите на жирокопический компас, где внутри вертится волчок, и неизменно, верней всякого магнита, указывает, где север; можно устроить электромашину, где не будет магнитов, а машина будет улавливать из атмосферы проходящие по соседству токи. Если сказать вам, что они построены на основании одних вычислений и много есть еще более чудовищных приборов, построенных только на тех выводах, что написал карандаш математика, — вы, понятно, удивитесь. Вы спросите исследователя: как вы до этого додумались? Как догадались? Какой вы умный.

— Нет,—отшутится ученый.—Это не я, это карандаш: он умнее меня.

Ученый этим захочет сказать, что на какой-то момент он забыл о самом явлении, о действительности, он думал только с тем, чтобы не ошибиться в математике. Он следил лишь за тем, что пишет сейчас его карандаш.

Как будто новый этаж надстроен у этого человека в мозгу; этот этаж — математический метод обработки вопроса.

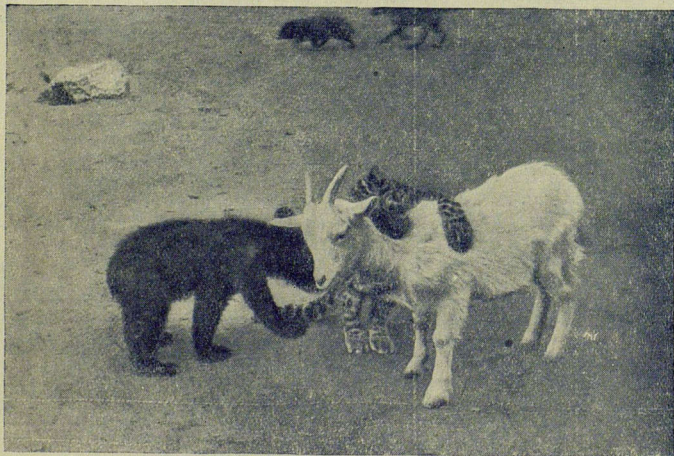
Конечно, и тут, в этом методе, надо быть мастаком, надо уметь им как рычагом поднять тяжелую задачу и перевести на язык действительности результат, написанный карандашом математики.

Ребята-изобретатели! Подумайте над этим и поострей точите карандаш вашей математики — это для техника вторая голова.

А для техники в Советском Союзе — простор и поддержка: каждая техническая идея сейчас же пускается в ход. Нет в нашей стране капиталистов, которые кладут в стальные сейфы идеи изобретателей, их приборы и модели. Техника у нас служит народу. Придумал несносимую подошву, несгораемую спичку — очень хорошо. Социалистическое государство поможет изобретателю довести до конца его идею, пустить ее на завод. Каждый человек, который стоит у станка или у трактора, если у него сверкнет в мозгу идея, — сейчас же может ее увидеть на деле. Все в стране у нас рады изобретению: чем больше изобретений, тем легче жизнь. Весь народ получает пользу от изобретения, а не кучка капиталистов, как за границами нашей страны.

У нас нет кризисов, когда некому продать изготовленных товаров, как в капиталистических странах, где люди смотрят жадными глазами на груды товаров и шевелят руками в пустых карманах. В дни кризиса особенно зорко смотрят капиталисты, чтобы не появились новые изобретения, — и так товары девать некуда. Очень может быть, что если бы изобретатель принес к капиталисту клин или колесо и сказал: «Вот это я придумал, этого еще нет в мире», — капиталист положил бы это изобретение в сейф и не дал бы ему ходу.

В Московском зоопарке

Пока они еще друзья.

П О Ч Т А

НАШИ ПЛАНЫ

Письмо Володи Кудрявцева

Москва

Мы с товарищем решили стать киноартистами и поехали на кинофабрику. Дело было зимой, был сильный мороз, кажется, — 23°. Приехали к кинофабрике, а входит боимся, постояли, постояли и уехали домой. Написали туда письмо и стали ходить и говорить, что мы скоро будем артистами. В один прекрасный день, когда я пришел домой, мне подали письмо. Там было написано:

«Товарищ Кудрявцев,

У нас на фабрике принимают граждан, достигшие 18 лет».

Я так и присел. Скорей накинул пальто и побежал к товарищу. Рассказал ему содержание письма. И с этого дня у нас пропала охота быть артистами.

Как-то мы пошли посмотреть кинокартину «Хижина старого Лувена». Эта картина была про тайгу, и нам очень захотелось охотиться в тайге. Мы решили, когда вырастем, поехать в тайгу, а собираться начали сейчас. Начали чертить планы таежного дома. Ребята нарисовали карикатуру: как мы поехали в тайгу хорошо одетые, а приехали все рваные, а в руках у нас добыча — дохлый крот, уж и ворона. Нам расхотелось ехать в тайгу. Мы начали думать, чем бы нам заняться.

Мы узнали, что поблизости есть детская агробаза.

Нам сразу захотелось выращивать интересные растения. Мы быстро нашли агробазу, но нам сказали, чтобы мы пришли на

другой день. Приехав на другой день, мы помогли ребятам таскать землю для грядок, а подвечер ушли. И больше так и не приходили. Потом я стал играть в детском джазе.

Тут нам пришла в голову мысль — достать щенка немецкой овчарки и воспитать его для Красной Армии. Нам сказали, что щенков сейчас нет, а будут они весной. Раз сейчас щенка достать нельзя, то нечего об этом и думать. Мы позабыли про собаку, тем более что у нас появилось другое дело.

Нам захотелось работать на детской технической станции. Мы приехали на станцию, спросили, какие там есть кружки. Нам захотелось быть в железнодорожном кружке. Мы прошли в просторную комнату, там за станками стояли ребята и выпиливали части для паровоза. Руководитель сказал, чтобы мы пришли к 3 часам. Но мы не пришли, потому что надо было идти в школу.

Мы перестали думать об этой станции и решили, что будем путешествовать и участвовать в детских больших экспедициях. Мы сейчас собираем минералы, хотя у нас их мало, но будет много.

Мы думали, что нет такой детской станции, но, открыв новый «Юный натуралист», мы узнали, что такая станция есть. Теперь наша мечта — стать путешественниками.

Хорошо, что у нас в Советской стране ребята могут иметь не четыре—пять планов, а хоть целых сто.

Надо быть настойчивым!

Письмо депутата Верховного Совета СССР орденосца А. Бусыгина Володе Кудрявцеву

Я прочитал твое письмо, Володя. Проектов у тебя много, хоть отбавляй, а толку нет. Ты очень разбрасываешься. Посмотри, за что только ты ни брался, а ничего не сделал. У тебя нет настойчивости. Встретится тебе какое-нибудь затруднение — ты сразу решаешь: возьми-ка я лучше за другое дело. А там опять затруднение — так ты и хватаешься за сто дел сразу и ничего у тебя не выходит.

Без трудностей, Володя, ничего не достигнешь. Плох тот человек, который боится, убеждает от трудностей.

Ты думаешь, наш ученый Павлов сразу сделал свои замечательные открытия? Нет. Павлов всю свою жизнь посвятил науке. Ему сначала было нелегко: другие ученые смеялись над его учением, а он ни на что не обращал внимания и шел своей дорогой.

Папанинцам на льдине тоже было трудно. Они вели свои наблюдения в сильную пургу, в мороз, жизнью рисковали, чтобы изучить Северный полюс. Они знали, что это нужно нашей родине, и поэтому ничто их не останавливало.

Вот с таких людей и бери пример. Задумал что-нибудь сделать, не отступай. Настойчивость нужна в любом деле.

Вот делаешь какую-нибудь трудную задачу. Решаешь, решаешь — ничего не выходит, а когда, наконец, добьешься своего, победишь эту задачу, тут такое настроение появляется, что плясать готов. Чем труднее задача, тем большее удовлетворение получаешь, когда осилишь ее.

Я сейчас учусь в Промышленной академии имени товарища Сталина, а раньше был кузнецом на Горьковском автозаводе. Существовали для кузнецов технические нормы, говорили, будто бы больше этих норм выработать нельзя, и в пример приводили фордовские заводы: «Даже там больше не выработывают». А я решил, что мы можем выработать больше, я решил перекрыть мировые нормы. Это была нелегкая задача — мы долго бились над ней.

Около моего молота валялась куча всякогохлама. Бригада была плохо организована. Один рабочий, скажем, мог лучше всего нагревать металл, а он делал совсем другую работу. Я очистил рабочее место, переставил людей в бригаде, уплотнил время так, чтобы ни одна минута не пропадала даром.

Инструменты и материалы так положили, чтобы все было под рукой. Стали мы сами себе нормы на день устанавливать. С каждым днем все больше и больше. По утрам, перед работой, вся наша бригада в полном составе собирается, осмотрим все и советуемся, как лучше дела вести. Так и добились своего — перекрыли все мировые нормы! А ведь сколько смеялись над нами, пока мы не научились работать по-стахановски.

Некоторые думают, что я очень сильный человек, сильнее всех кузнецов. Это не так. Тут дело не в силе, а в желании и умении работать.

Заметь, Володя, что когда люди стремятся к цели, у них не бывает плохого настроения, и они никогда не хнычут. А человек, который бегает от одного дела к другому, всегда ходит в плохом настроении. У него ничего не получается, он про себя думает: вот какой, значит, я неспособный — у других все выходит, а у меня ничего.

Так что, Володя, выбери себе одно дело и возьми за него, да не бросай на половине.

Ты пишешь, что у нас все предоставлено ребятам. Это правда. Нигде так не заботятся о детях, как у нас. Заботу эту вы должны понимать правильно, вы должны вырасти твердыми, сильными, настойчивыми людьми, а не изнеженными барчуками. Никакие трудности не должны вас останавливать.

Нам предстоит еще большая борьба: у нас хитрый, злой враг, он не сдастся. Вы должны быть готовы бороться с ним. Вот и нужно, чтобы вы были смелые и ничего в жизни не боялись.

А. Бусыгин

ЛЕТАЮЩИЕ ЯЩЕРЫ

Письмо и рисунки Левы Федотова

Москва

Я узнал, что в древности существовали колоссальные ящеры, которые летали. Я очень заинтересовался этим вопросом и прочел много книг об ящерах. Оказывается, они сначала не умели летать, а научились потом.

У нас, в Советском Союзе, живет белка-летяга (ее иногда называют летающей белкой). Между лапками у нее перепонки. Она забирается на дерево и, когда бросается вниз, расставляет свои лапки, и перепонка натягивается. Предки этой белки не имели таких перепонок между лапками, но им приходилось прыгать с дерева на дерево, и поэтому у них появилась складка кожи, которая потом превратилась в перепонку. Современные белки-летяги имеют довольно большую перепонку, но летать они не могут, а только парят в воздухе. Но есть животные с перепонками, которые не только парят, но и летают. Это летучая мышь.

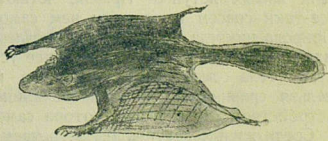
Я думаю, что так же, как летяги, научились летать и ящеры. Они жили на деревьях. Когда им приходилось спастись от своих врагов, они перепрыгивали с ветки на ветку, с дерева на дерево. Постепенно у них появилась перепонка между мизинцем передней ног и задними ногами. Сначала она была маленькой складкой кожи, когда ящер прыгал. Потом она выросла, ящер уже мог парить в воздухе, наконец появился первый ящер, который уже не только слетал сверху вниз, но мог подняться с земли на дерево. Это был первый летающий динозавр.

Рамфоринх.

Летучая мышь.

Белка-летяга.

Откуда взялись летающие животные

В. Сафонов

Лева Федотов коснулся одного из удивительных явлений живой природы: летающих животных.

Среди огромного множества живых летунов не все летают одинаково хорошо. Можно даже разбить их на несколько ступенек по умению летать. На самой первой

останутся животные, которых можно называть только парашютистами.

Летающая лягушка с острова Явы планирует, растопырив четыре перепонки между пальцами на четырех лапах. Это парашютист, спускающийся на четырех парашютах. Вот ребра пронзили бока, торчат в стороны, и между ними веером натянута

перепонка: на таких двух веерах планирует пестрая, красивая ящерица — летучий дракон.

Десятки парашютистов зоолог назовет среди теплокровных зверьков — млекопитающих. Знаете ли вы, что бесхвостая белка почти разучается прыгать: хвост служит белке парашютом. А шерстокрыл, или летучий маки, весь закутан в свой парашют: складка начинается на шее, соединяет передние и задние ноги и хвост. Шерстокрыл «прыгает» на 70 метров и больше, опускаясь в каждые 5 метров полета на 1 метр.

Создавая «живые парашюты», природа тоже, как видите, неистощима на выдумки!

Но вот у летучих рыб огромные грудные плавники образуют несущие плоскости. Летучая рыба не только, планируя, спускается, но и проносится над водой добрую сотню, а то и две и три сотни метров. По способу летания мы можем сравнить летучую рыбу с планером, правда, не слишком совершенным.

Теперь мы подошли к самой верхней ступеньке в искусстве летания — к настоящим летунам, которых, если уж сравнивать, придется сравнить с нашими самолетами. Не даром конструкторы самолетов так тщательно изучали и изучают полет лучших живых летунов! Правда, летают они все-таки совсем по-другому чем самолеты. Природа никогда не создаст пропеллера, но машущие крылья. Да и сложнейшее устройство тела летающего животного никак нельзя сравнить с простым механическим устройством фюзеляжа и мотора самолета.

Среди живых летунов мы встречаем множество типов и способов летания — и более и менее совершенных. Но все настоящие летуны принадлежат сейчас только к трем классам животных: к насекомым, птицам и млекопитающим, а лучшие летуны — только к первым двум.

У летучих мышей складка кожи соединяет очень вытянутые кости пальцев передних ног и тянется к задним ногам. У птиц передние ноги, одетые перьями, обращены в могучую опору крыльев.

Лева вспоминает еще об одной удивительной «системе» «живых самолетов», не существующей более: о летающих ящерах. У них, говоря коротко, перепончатое кры-

ло держалось на одном невероятно длинном пальце передних ног. Такими были самые огромные летающие чудовища, каких только знала земля: кондор с раскрытыми крыльями мог бы уместиться под одним крылом птеранодона.

И все же гиганты-птеродактили вымерли около ста миллионов лет назад, и место их заняли птицы. И нам приходится сделать вывод, что не все «живые самолеты» одинаково хороши, одинаково совершенны. Птеродактили с голой кожей очень зависели от теплоты окружающего воздуха: они кочевали в холодные ночи, их кровь не была такой теплой, как кровь птиц. Один-единственный палец — все-таки не такая хорошая опора для крыльев, как мощный костяк птичьего крыла. Как и летучие мыши, птеродактили не могли взлетать с ровного места или с воды: им надо было, чтобы взлететь, броситься с ветки или с выступа скалы.

Только птицы да еще насекомые (каждые опять-таки на свой лад!) стали настоящими завоевателями воздуха, пока не построил своих самолетов человек.

Но как возникали все эти, такие разные и так непохожие друг на друга летательные приспособления? Лева пишет, что ящерам приходилось прыгать с дерева на дерево, и поэтому у них появились складки кожи.

Был ученый — французский зоолог Ламарк, — который в самом деле думал, что дело обстоит так. Но после гениального открытия Чарльза Дарвина мы знаем, что так просто крылья не вырастут. Спортсмены давно упражняются в прыжках, но можно быть уверенным, что никогда у их потомков не отрастут ни перепонки, ни крылья.

Ведь если бы от прыжков образовывались крылья, то у всех прыгающих животных крылья получились бы одинаковые: или у всех перепончатые, или у всех чешуйки превратились бы в перья.

А мы с вами уже убедились: что ни крыло, то скроено на свой образец, а то и вовсе не крыло, а парашют.

В нескольких строчках никак не расскажешь теорию Дарвина. Кто хочет усвоить ее, тот должен поговорить с учителем или почитать книжки по дарвинизму.

Здесь мы разберем только вот какой пример. На деревьях некогда жили прыгающие, похожие на ящериц животные. В течение тысячелетий они оставались, вероятно, все теми же прыгающими древесными ящерами. Но и братья никогда ведь не бывают в точности похожими. Были среди прыгунов покрупнее и помельче, потоньше и потолще. У ящериц кожа часто образует выросты и складки — появлялись и прыгуны с выростами и складками и побольше и поменьше чем у других.

«В семье не без урода» — когда-нибудь родится и такой, у которого чешуйки торчат сосочками, пупырями. У «складчатых» и дети, конечно, пойдут «складчатые»; появятся и семьи с чешуйками-пупырышками. И, наверное, рано или поздно кто-либо из детей родится еще «поскладчатее» и с еще большими пупырышками чем родители.

И вот тут оказалось, что эти животные случайно оказались в выигрыше: большие складки и разросшиеся чешуйки не только не мешали им, но помогали при прыжках!

И получится так, что наши «уроды» даже переживут нормальных, неуродливых животных: им легче уходить от врага, легче достигать добычу. Они получат преимущество в жизненной борьбе. Их потомство размножится. И каждый раз преимущество

будут получать животные с самыми длинными складками и сосочками — «складчатые» и самые «пупырыстые». Пройдут миллионы лет, и из животных-прыгунов в жизненной борьбе выработаются три вида животных: прыгуны останутся незаметными древесными ящерицами и рано или поздно, скорее всего, вовсе вымрут, от «складчатых» произойдут животные-парашютисты, из покрытых сосочками — пернатые родоначальники птиц.

Этот пример — очень упрощенный, но он все же показывает, как могли произойти летающие животные.

Сейчас мы доподлинно знаем, что птицы в самом деле произошли от древесных ящеров: об этом рассказали ученым два найденных в древних сланцах отпечатка археоптерикса, странной первоптицы с длинным хвостом, зубастым клювом и когтями на крыльях. По летающему дракону мы можем судить, как могли появиться животные-парашютисты. Летающие ящеры были ящерами, что видно уже из их названия (точные предки их неизвестны).

Нужно было бы написать гораздо больше, чем написано здесь, чтобы подробнее рассказать о происхождении птичьего крыла, перепонки птеродактилей и боковой складки парашютистов.

Старый корабль

Стихи Киры Шохина. Москва, Дом пионеров

Была ночью в порту я: мерцали вдали,
Огнями вперед уходя, корабли.
В порту том кладбище для старых судов —
Их много стоит, кораблей-стариков.

Был ночью в порту я. Седой исполнил
Под хладным дождем был во мраке один:
Английская надпись «Победа и бог»;
Стоял близ сарая огромный флагшток.

И старый корабль о себе говорит,
И речь его мрачней обидой звучит:
«Я стар, и меня бьет безжалостно град.
Гнилые бессильно шпангоуты лежат...»

Мне помнится, на воду спущен я был,
Я ласточкой легкой под ветром ходил;

Бореем раскинут был парус льняной,
Я стойко боролся с морскою волной.

Приказ капитана. Матросы шумят —
И берег зеленый уходит назад.
Идут за фрегатом фрегаты вперед,
И белое облачко с нами плывет...

Веселая Мальта и серый Портсмут,
И пушки гремят, отдавая салют.
Все дальше и дальше... Открыты вдали
И берег и горы пустынной земли.

Вот грозный корабль. Вражий стяг был
над ним.

И борт мой окутался в пушечный дым.
Гревели бои над водою не раз,
Не раз был исполнен военный приказ.

Я часто от ядер больших ускользал,
На вражеский борт залп за залпом
я слал.

Был лучший во флоте — и сто кораблей
Усеяли дно всех на свете морей.
Мулаты, арабы, индусы, китайцы,
Цейлона сыны, африканцы, малайцы...
Купцы, рыбаки, канонеры, солдаты,
Монахи, шпионы и злые пираты

На мне побывали и жили на мне
И гибли в далекой чужой стороне.
Меж рифов опасных порой проплывал
И вызов подводным я скалам бросал.

Я видел: Норвегии холодной фиорды
Безмолвно стоят неприступны и горды.
Я Индии видел цветущей леса,
Лазурны, прекрасны над ней небеса.

Я тысячи миль без стоянок проплыл,
Высоко свой флаг я на мачте носил.
Меня обведали все ветры земли,
На свете я все обгонял корабли!

А нынче — брезентом накроют меня,
Поставят с другими под крышу, храня,
Чтоб шумная юность учиться могла
У жизни, что путь свой достойно прошла.

Старый город

Письмо и фотография Нины Красноперовой. Самарканд.

У нас в фото-
кружке ребята со-
брались дружные.

Как-то мы реши-
ли посмотреть стар-
ый город и сфото-
графировать памят-
ники старины.

Мы прошли через
Новый город и уви-
дали мечеть Тамерла-
на. Эта мечеть была
построена в 5-м веке.

Стены мечети раз-
рисованы глазурью и
красками. Нарисова-
ны походы Тамерла-
на, как Тамерлан
мчится на коне и по-
беждает врагов.

Мы думали, что
Тамерлан похоронен
в этой мечети, и ста-
ли спрашивать всех, где его могила. Но
оказалось, что никто не знает, где могила
Тамерлана; ее не нашли до сих пор. Пос-
ле того как мы осмотрели мечеть Тамер-
лана, мы пошли на Регистан. На Региста-
не находится много мечетей. Некоторые

Старый город.

разрушились. После осмотра Регистана
мы пошли в мечеть Шахи-Зинда. Мечеть
Шахи-Зинда — одна из красивейших ме-
четей города Самарканда.

Осмотрев все памятники и мечети, мы
сделали много снимков и пошли домой.

Руины ранневизантийской базилики в Херсонесе. Из раскопок 1935—1936 года.

ПОНТ ЕВКСИНСКИЙ

А. Шевченко

Первый археолог

ОЛТОРАСТА лет назад в Севастопольской, тогда Ахтиарской бухте бросили якорь корабли русской эскадры. Им было приказано построить здесь морскую крепость. Однако прибывшие 2600

человек «не имели», как писал в донесении контрадмирал Мекензи, «иных средств, кроме своих рук». Можно представить радость строителей, когда они нашли поблизости «развалины старого Херсона», т. е. древнегреческого города Херсонеса! Вот откуда можно набрать сколько угодно камня!

Лет десять спустя Херсонес посетил ученый немец, натуралист и археолог, академик Паллас. Начитавшись древних писателей, проштудировав увесистые описания раскопок в Афинах и Риме, он думал и в Херсонесе увидеть остатки грозных крепостных стен, колоннады храмов, изысканные мраморные статуи.

Но берег бухты усеивали жалкие бесформенные кучи разбитых камней. За много столетий до Палласа город разорили турецкие завоеватели, затем — монголы, снова — турки, потом — татары, литовцы, генуэзцы... Наконец, довершили разгром матросы контрадмирала Мекензи.

И Паллас только пожал плечами и отбыл на север с первой же почтовой кибиткой.

Прошло еще двадцать три года. Как-то бесной на другом конце Крыма, в городе Керчи, появился новый начальник таможни. Это был французский уроженец Павел Дюбрюкс. Очень скоро он прослыл за чудака. Рассказывали, что на досуге француз ищет в окрестностях города клады.

Примерно раз в неделю Дюбрюкс оставлял таможню — одноэтажную деревянную постройку, напоминающую барак, — на полное попечение девятилетнего сторожа Власа, а сам отправлялся за пятьдесят верст — к горе Опук. Он шел пустынными и тогда почти неизведанными тропами, зорко приглядываясь к беско-

ичным солончакам, отмечая в памяти все попадавшиеся холмы и насыпи — остатки старинных могил и курганов.

Он ночевал прямо на земле, среди колючих и душистых трав. Все свое грошное жалованье он тратил на черепки, выкапываемые из земли. Потом он рассказывал, что во время его походов к Опuku ему не хватало денег даже на пищу и табак.

И, лежа в степи на спине, жуя сухую корку, первый крымский археолог-энтузиаст мечтал о том времени, когда, раз-

буженные дружным стуком лопат изыскательских партий, вновь явятся нашим глазам города, тысячи лет спавшие под землей, и в степи, теперь пустынной, покажутся причудливые руины домов, улиц и гробниц, скрытых под курганами.

Но на «фантазии» денег не отпускали. И Дюбрюксу не оставалось ничего, как любовно раскладывать на столе по возвращении в таможенно собранные глиняные обломки, красноватые и черные, покрытые древним лаком.

Поэт

ЕРВОГО мая 1820 года император Александр I утвердил ссылку великого русского поэта А. С. Пушкина на юг России.

*«В неволе, в бедности, в степях
Мои растраченные годы...»* —

вспоминал позднее об этом времени поэт. Но в начале унылой ссылки Пушкину удалось на короткий срок побывать на Кавказе и в Крыму.

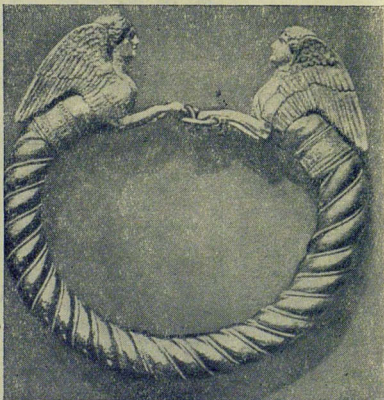
На почву «полуденной Тавриды» поэт вступил 15 августа. Это была та же Керчь, небольшой городок, наполовину военная крепость, наполовину торговый склад, а вернее, единственная улица, длинная, жалкая, тянувшаяся от двух древних, полуразрушенных башен.

Но история этого маленького городка начиналась в седой древности. «Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи», — писал Пушкин.

Однако поначалу и Пушкина ждало разочарование: «На ближайшей горе, посреди кладбища, увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных, заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее основание башни — не знаю. Там сорвал я цветок для памяти и на другой день потерял его без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее действовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полувзросший ров, старые кирпичи — и только».

Правда, в письме к брату Пушкин об-

варивается: «Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землей, насыпанной веками». И тут же отмечает о Дюбрюксе, что «ему не достает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится».

Золотой браслет тонкой греческой работы, найденный в одной из скифских могил.

Но вскоре с корабля Пушкин увидел Судак с его генуэзскими башнями, а в сентябре осмотрел «баснословные развалины храма Дианы» на мысе Фиолент, у Георгиевского монастыря. И вот как он вспоминает об этом в стихах:

*«К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,*

Где крови жаждавшим богам
Дымились жертвоприношенья;
Здесь успокоена была
Вражда свирепой эвмениды,
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;

На six развалинах свершилось
Святое дружбы торжество...

Но о каком грозном храме, о какой свирепой эвмениде говорит Пушкин? И что искали на берегах Черного моря Паллас и Дюбрюк?

Три тысячи лет тому назад

ЧЕРНЫЕ колоссальные горы поднялись к небу.

К скале, над бездной, приковано огромное окровавленное тело. Коршун клюет печень титана. Титан — это Прометей.

Люди были бедным и бессильным племенем, не знавшим огня. Прометей похитил с неба огонь и дал его

людям. И за это приковал его к кавказской скале злой и мстительный «царь богов и людей» Зевс.

Так рассказывает греческий миф.

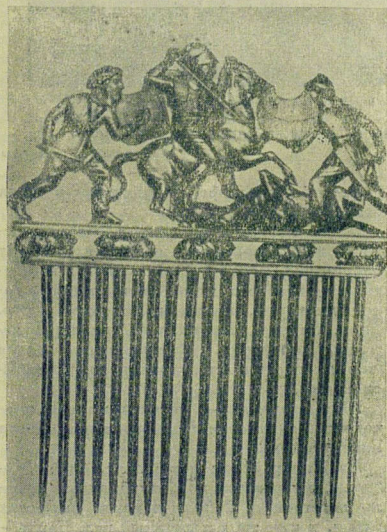
Кавказ, Крым, Украина казались древним грекам краем земли. Этот край они называли Скифией. Куда же еще могли боги сослать провинившегося титана? Дальше шла «сторона ночи», где жили таинственные гиперборей. Там вечный мрак и низко стелющийся белесый туман, там, быть может, и вход в подземное царство — Аид.

Южное побережье Кавказа слыло под названием «пламенной Колхиды». Но она вовсе не была «пламенной». Двести сорок дней в году здесь лил дождь. На сотни стадий кругом по рытвинам стояла гнилая вода. Неслись бешеные мутные реки. Во время разлива вода затопляла окрестность и превращала страну в бесконечное непроходимое болото.

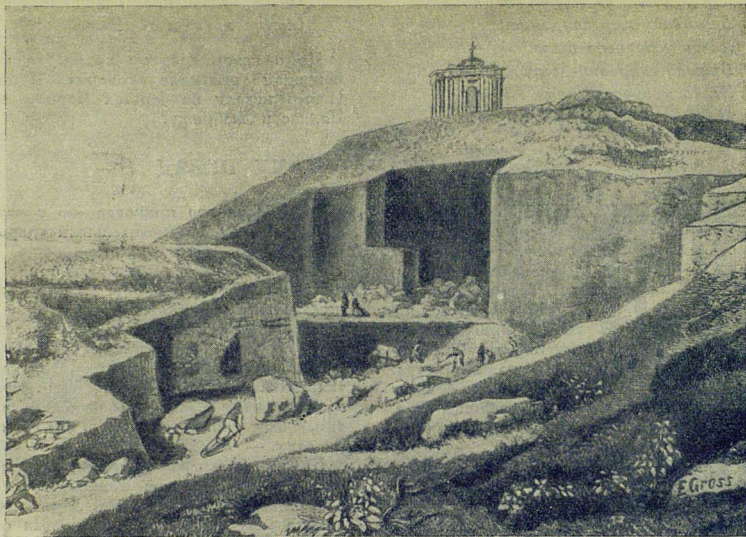
Колхида «пламенела» другим. Быстрые воды рек и речушек сносили вымытый с гор золотой песок. Колхи — предки наших советских абхазцев — опускали в воду густошерстную шкуру барана. Мелкие песчинки золота застревали в бараньем руне; золото становилось драгоценным предметом торговли.

Усеянные золотыми крупичками, бараньи шкуры, продаваемые колхами, породили миф о золотом руне, за которым якобы отправился в Колхиду на корабле «Арго» Язон с сорока девятью героями — аргонавтами. И хотя Язону помогала влюбившаяся в него волшебница Медея, ему и его спутникам туго пришлось в Колхиде. Не так легко оказалось добыть золотое руно!

В самом деле, тысячи предприимчивых смельчаков-купцов и просто авантюристов отправлялись из Греции на берега Черного моря — к «краю земли» — за легкой добычей. Они складывали свои головы в борьбе с местными гордыми, еще никем не покоренными народами.

Золотой гребень с изображением скифского царя и его дружинника. Они сражаются с врагом. Лошадь противника уже убита. Гребень найден в гробнице скифского царя, в так называемом кургане Солоха, у берегов Днепра.

Раскопки на склоне Митридатовой горы, в Керчи, в середине XIX века.

Со старинной гравюры.

И об этих странствованиях к «краю земли» пели аэды — греческие певцы-сказочники, преобразая действительные события в мифы.

Они пели о том, как в Балаклавской бухте Одиссей сражался с великанами — лестригонами, — и о могиле героя Троянской войны Ахилла на Белом острове, и о том, как на мысе Фиолент, вдали от родины, томилась юная Ифигения — жрица кровожадной Девы — богини тавров, которую греки называли Артемидой, а римляне — Дианой.

Однажды ветер прибил к береговым скалам ладью с двумя молодыми греками — неразлучными друзьями, преследуемыми гневом суровых богинь — эвменид. По обычаю, чужеземцев надо было заколоть на алтаре Девы. Но, услышав родную, греческую речь, Ифигения решила спасти одного из них, чтобы переслать весть о себе на родину. Орест и Пилад стали спорить: каждый хотел умереть, чтобы спасти друга. Но Орест оказался братом Ифигении... И все трое спаслись и уехали на далекую родину.

Вот об этом мифе и вспоминает в своих стихах Пушкин.

Историки выяснили, что в седьмом веке до нашей эры греки основали по всему побережью Понта (Черного моря) и Меотиды (Азовского моря) ряд крупных городов-колоний. Выросли Херсонес, Истр, Тира, Ольвия, Пантикапея, Танаис, Фанагория, Диоскурия. Вокруг этих городов широко раскинулся «варварский», скифский мир.

Шли столетия — десятки племен приходили по берегам Черного моря, Понта Евксинского.

На Акманайском перешейке, близ Феодосии, сохранился ров, выкопанный руками восставших 2600 лет назад скифских рабов, и ими же насыпанный вал. Керчь — древняя Пантикапея — была некогда столицей могущественного Боспорского царства.

Здесь мчалась некогда конница узкоглазых ассирийцев, мерно двигались легионы римлян в блестящих медных шлемах, важно ехали на колесницах персы с завитыми и надушенными бородами.

На западе Понта, у берегов Дуная, бродил и тосковал две тысячи лет назад сосланный сюда римским императором Августом поэт Овидий.

Миновали века — и на крымских скалах задымилась готские костры. В христианских храмах византийцы совершали свои заунывные богослужения. Через Корсушь — старинный Херсонес Таври-

ческий — пролег великий путь «из вагря в греки».

И память обо всем этом хранит в себе припонтйская земля. Лопата археолога откапывает орудия труда и полусгнившие остатки деревянных домов, мелкую обиходную утварь, глиняные таблички с надписями, оружие, сбрую, принадлежности культа, руины крепостных стен и каменных жилых зданий...

Курган Куль-Оба

ВЯСНЫЙ летний день 1827 года среди извилистых дорожек херсонесских руин бродил с группой матросов, вооруженных заступами и ломами, человек в белом морском кителе, с

лихо закрученными вверх усиками. Это был морской лейтенант Крузе. Лейтенант приступил к раскопкам погибшего города по прямому распоряжению главного командира Черноморского флота адмирала Грейга. Надо было отыскать храм, в котором, как говорилось в летописи, крестился в христианство «равноапостольный князь Владимир».

В пятидесятых годах этот же легендарный храм искал архиепископ Иннокентий.

Русское царское правительство и тогдашние сановные археологи интересовались главным образом «христианскими древностями».

И все-таки постепенно выяснялось, насколько важнее и интереснее погребенные в крымской земле древности дохристианские, «языческие».

В 1831 году в Керчи строились казармы. Камень ломали поблизости: в кургане Куль-Оба. Как-то, отвалив одну из тяжелых каменных плит, рабочие обнаружили проход в галерею склепа. При тусклом свете смоляных факелов в проходе заблестал драгоценный металл.

Вот ваза из электрона — сплава золота с серебром. На ней прекрасно сделанные рельефные изображения: скифские воины, перевязка раненой ноги, врач выдерживает больному зуб.

Вот золотая чаша. Наружная ее сторона в виде многолепесткового цветка, между лепестками выглядывают головы

Золотой сосуд, найденный в кургане Куль-Оба, близ Керчи. Изображен скиф, перевязывающий ногу своему раненому товарищу.

скифов с остроколючными бородами и маски со змеями вместо волос. И на внутренней стороне вазы резвятся выгравированные рыбы и дельфины.

Тут был найден еще золотой ошейник весом больше фунта. Это — шейное кольцо племенного владыки, так называемая гривна. Она свита из шести толстых золотых проволок. Концы их прикрыты трубками листового золота, украшенными синей и голубой эмалью. А из трубок, как бы на всем скаку, выносятся, словно перепрыгивая через препятствия, два отлично сделанных скифских джигита.

Проход, где было найдено все это, вел в камеру.

Там, под полустлепшим балдахинем, возвышалось ложе. В деревянных саркофагах лежали костяки мужчины и женщины — племенного владыки и его супруги. И опять богатое убранство: мечи,

скипетры, налучья, щиты, бляхи музыкальные инструменты.

На южной стене склепа нашли пять больших гвоздей, на них когда-то висела одежда; теперь она истлела, лишь на полу, около стены, лежали опавшие золотые нашивки...

Невежественные воры и ученые торгаша

ЛЕДОМ за находкой в кургане Куль-Оба местные жители бросились искать «клады».

По ночам шайки грабителей, не боясь, что рухнет потревоженный свод, проникали в разрытые курганы. Несколько человек хваталось за драгоценный предмет, то, что нельзя было разделить, разбивали на части.

Министру внутренних дел пришлось объявить о скупке драгоценностей, «собранных» в курганах и могилах Причерноморья. Конечно, надо было читать не «собранных», а «похищенных». Но хоть министр граф Перовский выражался нарочито вежливо, воры ему не поверили. И великоценные чаши и ожерелья сплавляли в слитки, а чтобы окончательно замести следы, глиняную посуду безжалостно разбивали и выбрасывали.

В середине девятнадцатого века в Херсонесе был заложен монастырь. Его строили больше сорока лет. Казна тратила на него бешеные деньги. А Археологический музей даже в начале двадцатого века помещался попрежнему в полутемном и сыром сарае и назывался складом местных древностей.

Монастырские строительные рабочие портили и уничтожали все, что попадалось им при стройке, особенно «языческие», «бесовские», то есть, конечно, наиболее древние, вещи.

Не отставали и монахи. Они неустанно интриговали против заведующего раскоп-

ками К. К. Косцюшко-Валюжинича. Впрочем, наиболее ценные вещи монахи стремились получить в свои руки: их они за большие деньги сбывали за границу.

Земля, на которой находились развалины древнегреческого города Ольвии, в устье реки Буга, принадлежала графине Л. А. Мусиной-Пушкиной. Упорно, много лет подряд, помещица-самодур не разрешала производить никаких, даже самых белых археологических изысканий. А за это время грабители расхищали ценности из древних, никем не охраняемых развалин. Агент немецкой хлебной фирмы Фогель скупил подешовке целую богатую коллекцию и даже предлагал ее Санкт-Петербургскому императорскому Эрмитажу. Но в цене не сошлись — и коллекция была распродана по частям за границу. Каким образом ольвийские древности украшают сейчас частный музей американского миллиардера Моргана.

Появились и спекулянты. Спрос на «русские древности», а значит, и цены на них росли с каждым днем. В Одессе, Николаеве и Херсоне открылись конторы по купле-продаже памятников старины.

Родилась новая профессия — специалистов по... подделке древностей! На всю Европу прогремела покупка за колоссальную сумму французским национальным музеем Лувром исключительной редкости — короны «варварского» царя Сайтаферна. Ученые с'езжались смотреть на невиданную ценность. А потом оказалось, что корона эта — одна из искуснейших в мире подделок...

Раскопки на острове Березани. Научный сотрудник и рабочие на одном из квадратов.

Разведки в веках

АК было в совсем не далеком прошлом. Российская империя, которую Ленин называл «тюрьмой народов», не умела, да и не хотела беречь и ценить память о великом прошлом своих народов. Только

после свержения царской власти все изменилось. Великий и свободный советский народ любовно охраняет памятники своей родной старины. Великая Октябрьская революция превратила музеи древностей и раскопочные площадки в подлинно научные учреждения, в исторические лаборатории.

Прошлым летом мне пришлось побывать в Ольвии. На севере с раскопочным городком граничит колхоз Парутино, на востоке — река Буг — древний Борисфен, на юг и запад уходят степи.

Утро. Рабочие распределены по квад-

ратам. В каждом копают двое, идя навстречу друг другу медленно, осторожно. В земле то и дело попадаются осколки стекла, черепки сосудов. Их собирают в кучку. Перекопанная земля откатывается на вагонетках к обрыву. Если ожидают «мелочь»: серьги, бусы, наконечники стрел, — землю просеивают сквозь сито.

Сквозь сито? Да, лабораторное оборудование здесь просто и необычно. Обыкновенным пчеловодным ножом очищаются более крупные находки, хирургическим ланцетом, кистью, щеточкой — «мелочь». А обломки лакированных ваз распознают только прикосновением губ. Гладкая поверхность говорит о том, что ваза сделана две с половиной тысячи лет тому назад; чуть-чуть шероховатая (что на глаз и не приметно вовсе) — означает, что ваза моложе: ей две или полторы тысячи лет.

Слой за слоем, квадрат за квадратом... Это — настоящее путешествие в веках. Вот перед нами черные, как уголь, зерна ржи.

Одни хранились в греческой амфоре две с половиной тысячи лет. А вот позеленевшие от времени рыболовные крючки скифов.

В шестом и пятом веках до нашей эры Ольвия была, по описанию Геродота, городом «большим, многолюдным, прекрасно обстроенным, хорошо укрепленным». В первом веке нашей эры город завоевали и разорили готы. Дион Хрисостом, посетивший Ольвию через полтора столетия, говорил о «видневшихся вдали развалинах сторожевых башен. Везде встречались полуразрушенные памятники, статуи с отбитыми руками и носами».

Мы проверяем слова древних авторов вещами, только что проснувшимися от многовекового сна.

★

Взором посетителя «русской Помпеи» — Херсонеса — открыты теперь не только слои византийско-христианской эпохи. Порылись в сочинениях древнего географа Страбона и расширили площадь раскопок во все стороны. Из земли появились римские склепы, эллинистические дома, остатки зданий эпохи расцвета классической Греции пятого века до нашей эры...

Монеты, светильники, медицинские инструменты, приспособления для письма, статуэтки, посуда, жертвенники, черепки с крыши, обломки колонн...

Херсонес — один из самых долголетних городов мира, живший более двух тысяч лет. Две с половиной тысячи лет назад свободное население Херсонеса провозгласило своим строем самостоятельную демократическую республику. В музее Херсонеса хранится мраморная плита с текстом клятвы-присяги. Эту присягу приносили молодые херсонеситы. И сейчас без волнения нельзя читать гордые слова, говорящие о горячей преданности и любви граждан к своему городу, своей родине:

«Не предам ни Херсонеса, ни Керкинитиды, ни прекрасной гавани, ни прочих укреплений, — ничего никому — ни эллину, ни варвару, но буду охранять для народа херсонеситов. Не нарушу демократии, буду врагом всякому злоумышляющему и предающему Херсонес... Буду служить как мож-

но лучше и справедливее для города и сограждан и не открою ни эллину, ни варвару ничего тайного, что может повредить городу...»

С 1936 года напряженная работа кипит на Таманском полуострове, напротив Керчи. Раскапывается древнегреческий город Фанагория.

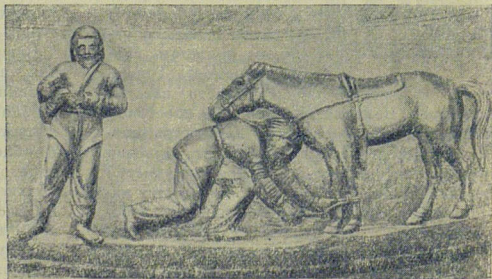
Как и всем посетителям, нам показали большой, глубокий колодезь, сплошь заполненный черепками посуды. Это неосторожные девушки, черная здесь из века в век воду, разбивали о края колодца свои кувшины. Теперь, после расчистки колодца, в нем оказалась вода. Ею уже пользуются окрестные хутора и колхозы...

Дальше идет мостовая. В прошлом году в центре раскопочной площади натолкнулись на крепкую и высокую стену. Храм? Городской рынок? Это покажут дальнейшие работы.

А вот домик, где нашли гребни, бусы и комочек засохших румян. Девушки, расчесывавшей этим гребнем свои волосы, надевавшей эти бусы, употреблявшей эти румяна, нет давно, давно... Сгнили давно и кости ребенка в одной из могил некрополя. Но радостно держит в руках археолог его игрушку — бараньи бабки...

★

День кончен. Вечер. Темно. Но в лабораториях и канцеляриях, даже общезжитиях «археологических заповедников» работа не прерывается. В Ольвии, Херсонесе, Пантикапее, Фанагории, Танаисе — везде молодые ученые и их старые учителя, обветренные и загоревшие, вновь спорят, рассматривают и определяют свои сокровища, наносят на карту разработанные за день участки и находки на них.

Скифы, ухаживающие за конями. Часть фриза никопольской вазы.

Подводный город

СЛИ в тихую и ясную погоду посмотреть в воду с сухумской набережной, то можно увидеть необыкновенное зрелище. В прозрачной морской воде, от самой старой крепости и до реки Келасури, почти

на пять километров вдоль по берегу и на один километр в глубину моря, виднеются зыбкие, колеблющиеся очертания древних руин. Они покрыты устрицами и лесами водорослей. И все же мы начинаем неясно различать площадь башни, столбы, какое-то большое здание, — быть может, храм или дворец... Налетает небольшой шквал — и виденье исчезает.

Говорят, еще в девятисотых годах некоторые развалины были совсем неглубоко, а при сильном волнении показывались и над поверхностью воды. Тогда не было нынешней набережной, и волны ложились прямо на песок. И купающиеся находили на пляже монеты: золотые, серебряные и медные. Монеты имели надписи и изображения Александра Македонского, Юлия Цезаря, Антония, Константина и Елены и многих других царей и владык. Иные монеты были украшены изображениями различных животных и птиц. Как-то раз волны вынесли на берег драгоценную золотую корону.

Дары моря и свидетельства старинных книг говорили о древней Диоскурии. Уже много столетий назад море, постепенно захватывающее побережье, поглотило город. По словам историка и географа Страбона, Диоскурия была когда-то настоящим складом товаров всех народов Колхиды и соседних областей. Белые дворцы с мраморными колоннадами ослепительно блестели на южном солнце. В многочисленных портиках шумел народ: купцы, матросы, поэты, философы, рабы, ремесленники, переводчики... Жители снимали богатые урожаи винограда и фруктов. Лес, хлеб, бараны руна увозились отсюда на далекий Запад.

В первом веке до нашей эры Колхиду и Диоскурию захватил понтийский царь Митридат. Он говорил на двадцати языках подчиненных ему племен, был решителен и жесток и мечтал о создании мировой монархии на Востоке. Но скоро уже в Диоскурии зазимовал со своими легионерами Помпей, полководец жадного, рабовладельческого «всемирного города» Рима. А там, сменяя друг друга, прошли византийцы, генуэзцы, турки...

Кто знает, какие еще увлекательные страницы истории откроются нам в ближайшие годы! Работы тут молодым энтузиастам-ученым — непочатый край. На археологической карте есть еще «белые пятна», и советские археологи заняты расшифровкой их.

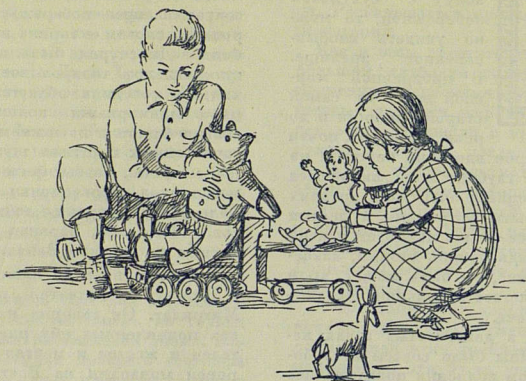

Сосуд в виде сфинкса, раскопанный в Фанагории. Хранится в ленинградском Эрмитаже.

Старший брат

А. Барто

Рис. С. Расторгуева

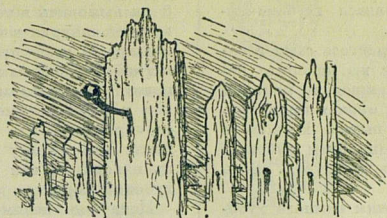
Я свою сестренку Лиду
Никому не дам в обиду:
Их нельзя, девчонок, бить,
Нужно девочек любить.

Я живу с ней очень дружно,
Очень я ее люблю,
А когда мне будет нужно,
Я и сам ее побью.

Например у нас вчера
Целый час была игра.
Мы играли очень дружно,

Я совсем ее не бил;
А потом мне стало нужно,
Я ее отколотил.

Как и о чем пишут железные гвозди

Да, представьте себе, гвозди пишут. Самыми настоящими чернилами и к тому же об очень интересных и полезных вещах. И пишут вовсе не какие-нибудь особенные гвозди, а самые обыкновенные — вот те, например, которые забиты в любой забор.

Только, чтобы прочесть их «письма», нужно знать язык, на котором они написаны; язык же этот — язык химии.

Если вы обращали когда-нибудь внимание на те синевато-черные полосы, которые тянутся вниз от каждого гвоздя по забору, то вы уже видели «письма гвоздей». Прежде всего обратим внимание на то, что полосы под гвоздями появляются не сразу, а после нескольких дождей... «Ну, ясное дело, — скажете вы, — ржавеет гвоздь, вот от ржавчины и полосы». Верно, да не совсем. Ведь ржавчина — то красноватого цвета, а полосы получаются синевато-черная. Значит, есть что-то еще и в самом дереве такое, что, взаимодействуя со ржавчиной, образует полосу. Что же это за вещество?

Попробуйте рядом с «письмом» гвоздя сделать такую же расплывчатую полосу обыкновенными чернилами, только черными, а не цветными, и вы увидите, что цвет чернильной полосы удивительно схож с цветом полосы от гвоздя. И не только по цвету схож: химическим анализом можно доказать, что вещество, образовавшееся в дереве под гвоздем, — не что иное, как главная составная часть настоящих черных чернил.

Немного наблюдательности, и мы очень скоро заметим, что наиболее черные следы гвозди оставляют в ивовом и

особенно в дубовом дереве. Итак, чернильные следы ведут к дубу, остается только идти по этим следам. Вооружимся острым ножом да несколькими ржавыми гвоздями и отправимся в лес. Разыскав дубок помоложе, срежем с него несколько различных по толщине ветвей и натрем место среза ржавым гвоздем. Мы сейчас же заметим, что натертые ржавчиной срезы чернеют, причем больше всего чернеет срез коры, в особенности гладкой, блестящей коры самых молодых веточек.

Но что же это за вещество, которое со ржавчиной образует чернила? Название этого вещества — *танин*, или *дубильная кислота*. Тем же способом, каким мы нашли танин в коре молодых ветвей, мы можем убедиться, что танин есть и в жолудях, и в листьях дуба, и в особенности в тех наростах, которые встречаются на некоторых листьях. Так вот почему они называются чернильными орешками! Наши предки из них делали чернила. Если вы достанете в москательной лавке кристаллик — другой железного купороса (сернокислого железа закисного), то вы и сами можете сделать чернила. Для этого нужно только смешать немного раствора железного купороса с отваром чернильных орешков. Не смущайтесь, если чернила ваши сначала покажутся почти бесцветными: уже через несколько минут написанное ими начнет чернеть и выступит на бумаге вполне отчетливо. Все объясняется тем, что железный купорос, как и гвозди (ржавчина!), тоже должен окислиться кислородом воздуха, чтобы образовать с танином чернила. Для того чтобы написанное сразу было отчетливо видно, в черни-

да прибавляют анилиновую краску. Поэтому нередко на этикетках чернил указывается, что они при письме—фиолетовые, а по высыхании становятся глубоководными.

Но если вы и не собираетесь сами изготовлять чернила, то все же наберите побольше чернильных орешков и молодой дубовой коры: с ними можно проделать еще ряд интересных опытов. Начнем с того, что осторожно попробуем дубовую кору на вкус. Не очень-то вкусно? Весь язык стянуло?

Отчего же это? Положим немного дубовой коры или чернильных орешков в эмалированную или алюминиевую кастрюлю, нальем воды столько, чтобы она покрыла только кору, и прокипятим минут 15—20.

Тем временем разберем осколок оконного стекла, чисто его вымоем, вытрем досуха и капнем на него в разных местах по несколько капель разных веществ: собственной слюны, куриного белка, молока, жидкого столарного клея, растворов сахара, соли и т. п.

Теперь снимем с огня наше варенье, процедим его через чистую тряпочку и попробуем по 2—3 капли получившегося раствора танина прибавить к взятым нами веществам. При действии танина на соль, сахар мы ничего особенного не заметим, но как только капнем танином в молоко, в нем появятся хлопья: оно свернется. То же случится и с белком, и с клеем, и со слюной.

Танин свертывает некоторые вещества, которые есть в молоке, клее, в белке и в слюне. Этим и объясняется вяжущий вкус танина.

А разве не бывает таких случаев, когда очень важно свернуть белок, уничтожить

слизь? Если просто высушить шкурку кролика, крота или другого животного, то она станет жесткой и ломкой. Но попробуем вымочить в течение нескольких дней кусочек шкурки в отваре дубовой коры — и шкурка, высохнув, делается прочной и мягкой. Белок, как и клей, засыхая, становится жестким и ломким. Если же белок в коже свернется, он уже перестает ее «проклеивать». Это и есть дубление кожи: оно потому так и называется, что производится, как мы видим, с помощью дубовой коры.

Нетрудно вспомнить много и других случаев, когда танин может нам пригодиться. Некоторые люди вследствие излишней рыхлости кожи страдают потливостью. Обмывание слабым отваром дубовой коры уплотняет кожу, уменьшает потливость.

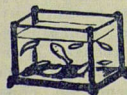
А у домашних животных, например у лошадей, при «мокреце», у коров при ящуре кожа над копытом иногда воспаляется, появляются трещины, слизь и гной. При таких болезнях одно из прекрасных средств—горячие ножные ванны или компрессы из отвара дубовой коры, присыпка порошком дубовой коры, наконец, прибавка дубовой или ивовой коры к подстилке. Таниновые компрессы очень помогают при ожогах. При различных расстройствах пищеварения, когда в кишках выделяется слишком много слизи, пьют желудевый кофе. Можно смело сказать, что многим врачам сохранили здоровье и жизнь именно с помощью танина.

Вот как много интересного можно прочесть в тех «письмах», которые в дождливые дни пишут обыкновенные гвозди на заборе.

Г. Б.

Чистый резиновый клей достаточно хорош для починки велосипедных камер. Лучше к нему добавить немного какой-либо смолы, хотя бы обыкновенного вара, и древесного дегтя. Их растапливают вместе и еще горячими (но вдали от огня!) вливают в резиновый клей и размешивают. Можно изменять количество смолы и дегтя, делая клей более твердым или более жидким.

Хороший аквариум сделать трудно: вода постоянно просачивается сквозь замазку. Смешайте тонко просеянную гашеную известь с рыбьим жиром, чтобы получилась густая масса. Это отличная замазка для аквариумов. Через сутки она сильно затвердеет, и можно наливать в аквариум воду.

Резина потеряла от высыхания эластичность? Положите ее на сутки в раствор из 2 частей крепкого нашатырного спирта и 1 части воды. Это размягчит ее. Но резину, совсем засохшую и потрескавшуюся, восстановить нельзя.

У вас промокают сапоги? Растопите в жестянке немного чистого пчелиного воска, добавьте туда касторового масла или несоленого свиного (можно и говяжьего) сала. Застывшая смесь должна превратиться в мягкую густую массу, которую легко втереть в кожу сапог жесткой щеткой или тряпкой. Для черноты можно добавлять порошка костяного угля или голландской сажи. Перед употреблением мазь и сапоги надо нагревать, тогда мазь лучше впитывается и делает кожу непромокаемой.

Новый, нестершийся бронзовый пяточок нового образца (950 частей меди и 50 частей алюминия) весит ровно 5 граммов. Трехкопеечная монета весит 3 грамма. Двухкопеечная — 2 грамма. Одна копейка весит 1 грамм.

Со стола скатился шарик, упал и затерялся. Вы не можете его найти. Скатите со стола, с того же места, второй шарик. В 9 случаях из 10 он покатится вслед за первым, и вы найдете беглеца.

Налить чай на блюдечко — дело, требующее сноровки. Чашечка чай стекает струйкой по наружной стенке стакана и проливается на скатерть. Переливать жидкость надо с легким толчком, как бы выплескивая ее, так, чтоб она не успела смочить наружные края стакана или банки.

Ответы на задачи, помещенные в университете несложных дел в журнале „Пионер“ № 2

„13579 × 81 × 121 — сколько?“

Эту задачу надо было решать упрощенным способом — способом вычитания. Это очень просто. Приглядитесь внимательно к двум последним сомножителям, и вы заметите, что 81 — это 9 × 9, а 121 — это 11 × 11. Значит, 81 × 121 = (9 × 11) × (9 × 11).

После такого мгновенного преобразования задача примет следующий вид:

$$13579 \times 99 \times 99.$$

А умножать на 99 — проще простого:

$$\begin{array}{r} 1357900 \\ -13579 \\ \hline \end{array}$$

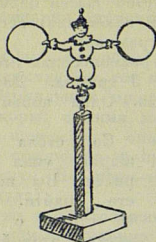
$$\begin{array}{r} 134432100 \\ -1344321 \\ \hline \end{array}$$

$$133087779$$

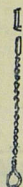
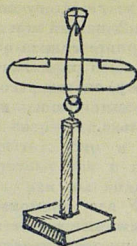
Вот и все.

„Арабская миля“

Арабские астрономы считали один градус примерно равным 115 километрам. Они ошиблись на $4\frac{1}{2}$ километра.

Вращающиеся игрушки

Игрушки, нарисованные на чертежах, очень легко сделать из самых простых материалов. Все они основаны на опускании стержня из скрученной спирально проволоки. Этот стержень опускается под действием собственного веса в пустую колонку. Опускаясь, он вращается сам и вращает прикрепленные к нему различные фигуры.

Для изготовления самолета прежде всего надо сделать деревянную квадратную подставку размером 75 миллиметров на 75 миллиметров.

В центре подставки-основания устанавливается квадратная колонка со стороной квадрата, равной 15 миллиметрам, и высотой в 14 сантиметра.

Колонка эта выстругивается из куска дерева, и в ней, во всю ее длину, просверливается отверстие диаметром примерно 3 миллиметра. В это отверстие будет опускаться проволоочный стержень.

На верхнюю поверхность колонки прибивается гвозди-

ками квадратная металлическая пластинка. В этой пластинке, как раз над отверстием в колонке, пробивается прямоугольное отверстие. Ширина этого отверстия должна быть равна приблизительно диаметру проволоки, из которой будет изготовляться скрученный стержень (или немного более). Длина же этого отверстия должна быть равна удвоенному диаметру проволоки (или немного более).

Проволочный стержень скручивается из одного куска железной проволоки, как показано на рисунке.

На нижний конец стержня надевается показанный на чертеже маленький жестяной цилиндр. Цилиндр не дает стержню выйти из колонки. Вверху стержня оба свободных конца проволоки загибаются и образуют круглую двойную петлю, как показано на рисунке. В эту двойную петлю, образующую зажим, можно вставлять са-

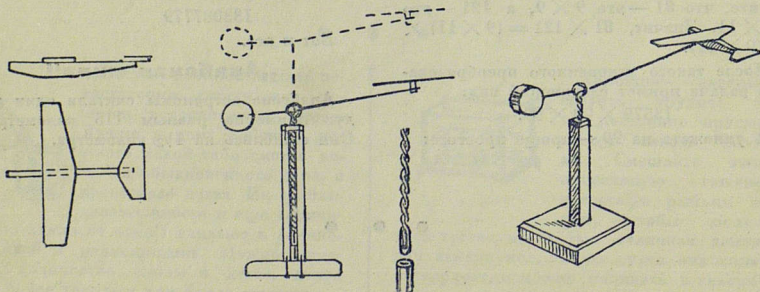
мые различные фигуры и игрушки, которые все будут кружиться при вращении стержня.

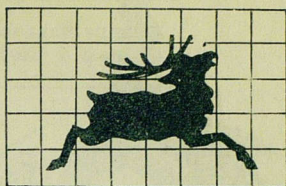
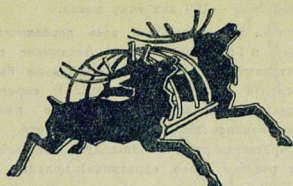
Картонный самолет укрепляется на одном конце куска проволоки. Фюзеляж самолета можно сделать из куска дерева, размером примерно 3 миллиметра на 8 миллиметров, на 75 миллиметров. К фюзеляжу приклеиваются картонные крылья размером 20 миллиметров на 90 миллиметров и хвостовое оперение из картона размером 10 миллиметров на 25 миллиметров.

На другом конце проволоки укрепляется деревянный цилиндрический противовес толщиной 13 миллиметров и диаметром 30 миллиметров.

Самолет с противовесом так устанавливается в петлю стержня, чтобы расстояние между петлей и самолетом было равно примерно 14 сантиметрам.

На наших рисунках изображены еще две игрушки.

Сделайте такую полочку для писем. Чтобы легче было перерисовывать оленя, разбейте кусок фанеры на квадраты

Самодельная подзорная труба

Достаньте 2 линзы—двойковогнутую диаметром в 40 миллиметров и двояковогнутую диаметром в 20 миллиметров. Остальной материал—клей и бумага, — вероятно, всегда у вас найдется.

Выстрогайте или выточите 3 круглых палочки длиной примерно по 20 сантиметров следующего диаметра: одну— в 40 миллиметров, вторую— в 30 и третью— в 20 миллиметров. Накручивая на эти палочки бумагу и смазывая ее клеем, сделайте три трубки с таким расчетом, чтобы они входили друг в друга (рис. 1).

Отрезав от средней трубки 2 колечка шириной в 5 миллиметров, вклейте их в конец широкой трубки, поместив между ними двояковыпуклую линзу (рис. 2).

Приготовьте из картона, склеенного в несколько слоев, 2 колечка с внешним диаметром в 20 миллиметров и внутренним— одно в 10 миллиметров и другое в 8 миллиметров (рис. 3).

Вклейте эти колечки в конец самой узенькой трубки, поместив между ними двояковогнутую линзу. При этом

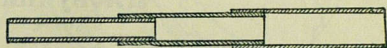
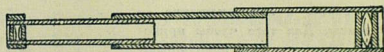

Рис. 1.

Готовая труба

колечко с отверстием в 8 миллиметров должно находиться с внешнего конца трубки (рис. 4).

От самой широкой трубки отрежьте колечко шириной в 1 сантиметр и наклейте его на самый конец средней трубки (рис. 5).

Точно так же отрежьте от средней трубки колечко шириной в 1 сантиметр и наклейте его на самый конец узкой трубки (рис. 6).

Теперь натрите хорошенько тальком узкую и среднюю трубки (это надо для того, чтобы они хорошо двигались), вставьте трубки друг в друга, и труба готова.

Раздвигая или вдвигая трубки, вы устанавливаете трубу на фокус.

Если заменить двояковогнутую линзу в узкой трубке короткофокусной (очень выпуклой) двояковыпуклой линзой, то получится довольно сильная астрономическая труба. Лучше всего сделать 2 узкие трубки—одну с двояковыпуклой линзой, другую с двояковыпуклой—и менять их.

О. ШВАРЦ

Рис. 2.

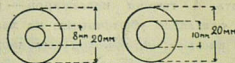

Рис. 3.

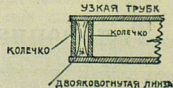

Рис. 4.

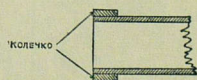

Рис. 5.

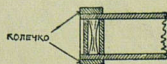

Рис. 6.

Первый велосипед

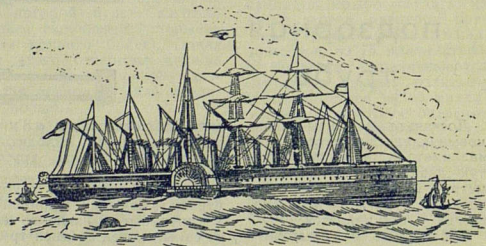
Патент на «беговую машину» был взят в январе 1818 года — 120 лет тому назад.

Первый велосипед был весь деревянный, без педалей и резиновых шин. Англичане назвали его «трисучкой»: настолько неприятно было на нем ездить или, вернее, бегать. В европейских столицах устраивались специальные площадки, где подвизались любители такого спорта.

Изобретатель этой машины Дрез (от него существует русское слово «дрезина») получил патент на «беговую машину» только после того, как доехал на ней от Бадена до французской границы вчетверо скорее чем верхом на лошади.

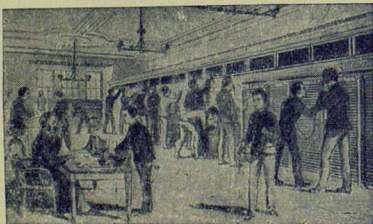
Пловучий город

Так был прозван гигантский пароход, спущенный на воду в 1858 году — 80 лет назад. Длина его была 207 метров, а водоизмещение — 27 384 тонны. Для того чтобы приводить в движение такой исполинский пароход, его строитель, знаменитый английский инженер Брюннель, применил одновременно гребные винты и колеса. Так как машины поглощали около 300 тонн каменного угля в сутки, то Брюннель снабдил пароход 6 мачтами для парусов — для экономии в топливе. Пароход этот мог перевозить 4 тысячи пассажиров — целый город. Рейсы оказались убыточными: не хватало и товаров и пассажиров, пароход шел полудустым. Вот почему, когда в 1865 году понадобился пароход для прокладки трансатлантического кабеля, вла-

дельцы охотно предоставили «Пловучий город». Затем его превратили в портовую гостиницу и, наконец, в 1891 году продали наслом. Название этого парохода «Грет истери» — «Великий восточный». Он родился слишком рано.

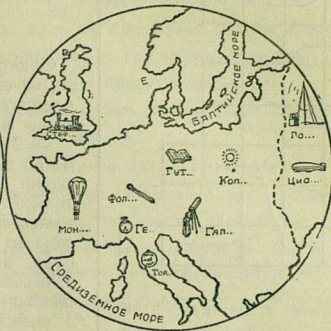
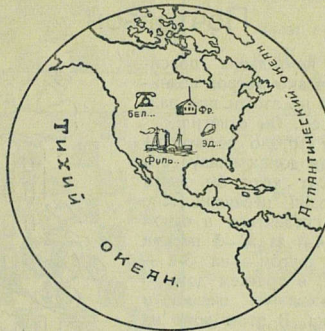
Телефонная станция 60 лет тому назад

Это была первая в мире телефонная станция — в Нью-Хэвене (Америка). Станцию обслуживали мальчики («бои»), которые соединяли абонентов при помощи длинных шнуров (иногда они тянулись через всю комнату). Это была сложная процедура. Начальник записывал требуемый номер, подымал мальчика, давал распоряжение. Мальчик вызывал к телефонному аппарату другого абонента. На все это уходило несколько минут. Изобретатель телефона — Грехем Белл — умер не так давно (в 1922 году).

Загадки, задачи, игры и фокусы

На этих картах нарисованы различные изобретения и начала фамилий их изобретателей. Напишите, что это за изобретения, в какой стране они сделаны и фамилии изобретателей полностью.

Как же правильно?

Директор одного магазина заказал маляру написать вывеску магазина. Но каково же было удивление директора, когда он прочел то, что написал маляр? Маляр перепутал все буквы в названии магазина. Помогите этому неудачливому маляру правильно поставить буквы.

**ТДОАКААБЖРАП
ВОРЛЙХВОЕНАЫ**

В поезде

Один путешественник ехал в поезде несколько сот километров. Когда он проехал половину того, что осталось, он лег спать и спал до тех пор, пока не осталось проехать половину того пути, что путешественник уже проехал. Какую часть пути спал путешественник?

Начертите повороты моего пути

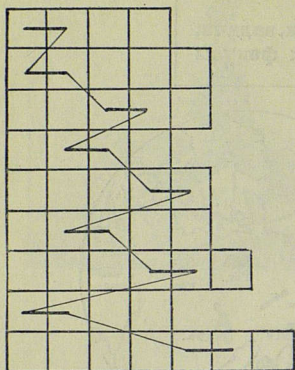
Я пошел в универсам. Он был на другом берегу реки. Надо было идти переулками.

Был лунный вечер. Когда вышел из дому и шел по улице, то луна светила мне сзади, потом она стала видна с левой стороны и снова сзади. Прочитав по дороге афишу, я повернул в переулок, и луна стала светить слева, потом опять сзади. Повернув к мосту, я увидел луну справа, а после моста она оказалась впереди меня. Когда же она оказалась справа от меня, я подошел к универсаму. Впереди меня входила гражданка, спину которой заливал лунный свет.

Через несколько минут я вышел из универсама. Луна скрылась за тучи. Начертите все мои повороты при возвращении домой.

Стрелка

Разместите в клетках этой фигуры 9 слов так, чтобы, читая сверху по направлению стрелки по две буквы из каждого слова, прочесть первую строчку известного стихотворения Михалкова, напечатанного в «Пионере».

Значение слов: 1) млекопитающее, 2) часть тела, 3) столица европейского государства, 4) трава, 5) птица, 6) планета, 7) название газеты, 8) жидкость, 9) математический термин.

На сколько дней хватит материалов?

При одной детской технической станции организовали авиомодельный кружок. Руководитель, рассчитывая, что в кружке будет работать 16 ребят, припас разных материалов на 48 занятий. Однако в кружок записалось не 16, а 12 ребят. На сколько занятий хватит им припасенных материалов?

ЧЕТЫРЕ ГИРИ

Какими четырьмя гирями можно взвесить любой вес от 1 килограмма до 40?

Почтальон

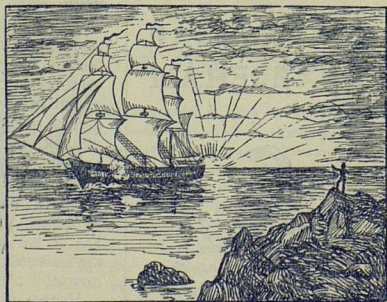
Одного почтальона спросили, на сколько метров поднимается он на этажи при разноске писем. Он ответил:

— Это трудно сосчитать! Не во всех домах внизу есть ящики. Вот хотя бы взять только один переулок. Мне пришлось подняться в одном доме на 4-й этаж—3 письма было, в другом—на 3-й—1 письмо, в третьем доме—на 2-й этаж—4 письма и 1 повестка. В этом доме на 3-м—1 и на 5-м этаже—2 письма. В этих двух домах поднимался: в одном—на 3-й этаж—1 открытка, в другом—на 4-й—2 письма. В этом доме есть лифт, так что прокатился немного. Вот в этом последнем доме я взобрался на 3-й этаж—занес 2 открытки и на 4-й этаж—3 письма и перевод. Но потом пришлось возвращаться—я спустился на 2-й этаж и снова поднялся на 5-й: письмо забыл передать. Вот сосчитайте сами, сколько метров я сделал, если высота каждого этажа будет 4 метра.

Ребята, помогите сосчитать, на сколько метров поднимался почтальон в этом переулке.

Какая неправильность в этом рисунке?

Задача прислана В. Бобровым. Москва.

Шахматы

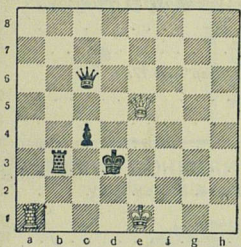
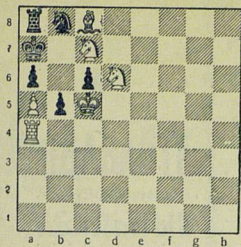
В первом и втором номерах «Пионера» были напечатаны двух-, трех- и четырехходовые задачи. Существуют задачи, решаемые и в большее количество ходов. Их особенно любили составлять лет 100—200 тому назад. Живший, например, в прошлом веке русский шахматист Петров составил задачу, решавшуюся в... 40 ходов! Над нею один известный шахматист бился полтора года!

Мы как-нибудь напечатаем такую многоходовку (конечно, с решением!).

А сейчас помещаем две, тоже необычные, задачи: в обеих белые начинают и дают мат в один ход.

Между прочим, как это ни удивительно, есть задачи и еще короче, решаемые в... $\frac{3}{4}$, $\frac{1}{2}$ и даже в $\frac{1}{4}$ хода. Конечно, это задачи-шутки, но над решением их приходится иногда очень серьезно задумываться.

О. Шварц

Стакан—чертежный инструмент

(Головоломка)

Пользуясь только стаканом, линейкой и карандашом, восстановьте перпендикуляр к прямой, начертите равносторонний треугольник, ромб и правильный шестиугольник.

Тридцать спичек

(Игра)

Участвуют двое. Надо положить на стол 30 спичек. Играющие берут по очереди от 1 до 6 (по желанию) спичек. Выигрывает тот, кто возьмет последнюю спичку. Можно условиться и наоборот: тот, кто возьмет последнюю спичку, проигрывает. Начинают по жребию.

Ответы на задачи, помещенные в № 1

ПОЕЗДА И ГОЛУБЬ

Голубь будет летать до тех пор, пока поезд не встретится. С каждым часом поезд приближаются друг к другу на 80 километров; следовательно, встреча их будет через $(640 : 80) 8$ часов. За эти 8 часов голубь пролетит $75 \times 8 = 600$ километров.

СОСТЯЗАНИЕ ЧАСОВ

В задаче сказано, что будильник спешит на одну минуту в час, а стенные часы отставали на две минуты в час. Следовательно, за каждые шестьдесят одну минуту своего хода

будильник опережал стенные часы ровно на три минуты. К концу состязания будильник был на шестьдесят минут впереди стенных часов. Нам остается только разделить шестьдесят на три, чтобы узнать, сколько же промежутков времени по шестьдесят одной минуте будильник прошел за все время состязания $(60 : 3 = 20)$.

Умножая 20 на 61 минуту, получаем 1220 минут. Это означает, что стрелки будильника отсчитали на своем дифферблате 1220 минут. 1220 минут составляют 20 часов с третью, то есть 20 часов и 20 минут.

Если мы отсчитаем этот про-

межуток времени назад от 8 часов утра (т. е. времени, когда окончилось состязание), то получим 11 часов 40 минут утра. Состязание часов началось в 11 часов 40 минут утра и окончилось на следующий день в 8 часов утра.

ПЕРВЫМИ ПРИСЛАЛИ ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ В № 1

(Кроме шахматных):

1. Нарбут Сергей—Москва.
2. Либин Владимир—Москва.

СО Д Е Р Ж А Н И Е Н О М Е Р А

Судьба товарища — Повесть <i>Е. Немировой</i> , рис. <i>Б. Винокурова</i>	2
Дни Бреста — <i>Б. Ивантер</i>	31
На рассвете — Рассказ <i>А. Письменного</i> , рис. <i>П. Митурича</i>	39
Куликовская битва — <i>Г. Шторм</i>	44
В гостях у Скотта — <i>М. Гершензон</i>	53
Рассказ слепого странника Вилли — <i>Вальтер Скотт</i> , перевод с английского <i>М. Гершензона</i> , рис. <i>Ю. Кискачи</i>	55
Корабли-лилипуты — <i>С. Шерр</i>	67
Компас — <i>Известия географического общества читателей журнала „Пионер“</i> . № 17:	
Землепроходец Семен Дежнев — <i>В. Самойлов</i>	74
По Ойротии — <i>Снимки Н. Баратова</i>	80
Фонд географического общества	81
Секрет — <i>Окончание повести К. Чуковского</i> , рис. <i>К. Клементьевой</i>	82
Клин и Колесо — <i>Борис Житков</i>	95
ПОЧТА:	
Наши планы — <i>Письмо Володи Кудрявцева</i>	103
Надо быть настойчивым! — <i>Письмо депутата Верховного Совета СССР</i> <i>А. Бусыгина</i>	104
Летающие ящеры — <i>Письмо и рисунки Левы Федотова</i>	105
Откуда взялись летающие животные — <i>В. Сафонов</i>	105
Старый корабль — <i>Стихи Киры Шохина</i>	107
Старый город — <i>Письмо и фотография Нины Красноперовой</i>	108
Понт Евксинский — <i>А. Шевченко</i>	109
Старший брат — <i>Стихи А. Барто</i> , рис. <i>С. Расторгуева</i>	118
Как и о чем пишут железные гвозди — <i>Университет несложных дел</i>	119
Самоделки	122
Загадки, задачи, игры и фокусы	125

На обложке картина художника **И. Танчика**.

ПОПРАВКА.

Исправьте в № 3 две ошибки. В очерке «На великих площадях», на стр. 52, во 2-й колонке, в 6 и 7 строчках снизу, вместо «в европейских кварталах», следует читать: «в еврейских кварталах».
На стр. 78 подпись под рисунком следует читать: «Площадь в Самарканде».

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комната 822, тел. Д 3-30-73.

Отв. редактор **Б. ИВАНТЕР**

Зам. редактора **В. Фраврман**

Отв. секретарь **В. Поддубная**

Худ. редактор **М. Аскинази**

Сдано в набор 9 III-38 г.

Подписано к печати 10/IV—38 г.

Изд. № 374

Уполномоченный Главлита № Б-42695. 82×110 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Гипография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 634. Тираж 84 500

РОДИТЕЛИ и УЧАЩИЕСЯ

ВСЕМИ КНИЖНЫМИ
МАГАЗИНАМИ КОГИЗ

ПРОИЗВОДИТСЯ

ПОКУПКА

и

ПРОДАЖА

ПОДЕРЖАННЫХ

**СТАБИЛЬНЫХ
УЧЕБНИКОВ**

ПРОДАВАЙТЕ

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ
**СТАБИЛЬНЫЕ
УЧЕБНИКИ**

ПРОДАВАЙТЕ

ПОДЕРЖАННЫЕ
**СТАБИЛЬНЫЕ
УЧЕБНИКИ**

УСЛОВИЯ ПОКУПКИ и ПРОДАЖИ бывших в употреблении стабильных учебников вывешены во всех книжных магазинах КОГИЗ.

Цена 1 р. 50 коп.